Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 СЕНТЯБРЯ 18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1926
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 70118. Москва. Тираж 70.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Дж. Т. Мерфи.

Английская стачка и трэд-юнионы.

(К итогам Борнемутского конгресса).

Либерально-буржуазный журналист удачно сравнивает на страницах еженедельника «Nation» Борнемутский конгресс с попыткой поставить «Гамлета» без появления на сцене принца датского. Он заявляет, что как для присутствовавших на конгрессе, так и для тех, которые не были на нем, но интересовались ходом политических событий, лишь один вопрос представлял действительный интерес, и как раз этот вопрос не обсуждался на конгрессе, несмотря на то, что его присутствие на заседаниях чувствовалось постоянно. Поэтому он пишет, что конгресс разочаровал всех бессмысленностью своей работы. Совершенно другого мнения придерживаются лидеры профсоюзов. Ситрин, переизбранный на пост генерального секретаря конгресса трэд-юнионов, заявляет, что результаты этого конгресса весьма удовлетворительны и успешны. Пью также, несомненно, весьма удовлетворен «здравым смыслом и рассудком», проявленным делегатами конгресса. Обе эти оценки конгресса ничего не стоят, и обе они по-своему весьма характерны. И действительно очень интересно отметить, что в то время, как либеральный журналист дал отрицательную оценку конгресса, последний является источником величайшего удовлетворения для трэд-юнионистских бюрократов и для «Таймса».

Еще до начала конгресса существовали сильные опасения относительно его результатов. Профсоюзные лидеры не были уверены в том, что они смогут предупредить дискуссию о всеобщей стачке и об их ответственности за ее исход. За неделю до того 800 делегатов, представлявших приблизительно миллион рабочих, откликнулись на призыв движения меньшинства и единодушно сделали смелое заявление по поводу политической линии, которой придерживались трэд-юнионистские лидеры. Они возлагали ответственность за обман рабочих, участвовавших во всеобщей стачке и стачке горнорабочих, на тех лидеров, которые руководили Борнемутским конгрессом. Даже «Таймс» был смущен и задал следующий вопрос: «Окажется ли, что всеобщая стачка была конечным пунктом воинствующего трэд-юнионизма или что она была началом новой фазы, которая в дальнейшем своем развитии в конечном счете приведет к постановке определенных революционных целей?» После конгресса трэд-юнионов «Таймс» дает оценку усилий, сделанных лидерами в смысле урезывания тенденций, проявившихся в Скарборо в прошлом году.

«В Скарборо,—говорит газета,—они заявили, что свержение капитализма является целью трэд-юнионистского движения. В Борнемуте господствовало разочарование, а вместе с ним и прак-

тический здравый смысл. Если лидеры могут сделать еще один шаг вперед и освободить движение от лозунгов, направивших его энергию на путь «классовой войны», то этим они очень много сделают для благосостояния промышленности, от которого зависит также и благосостояние рабочих». Но при всем восхищении перед «здравым смыслом» конгресса газета чувствует, что не все здесь обстоит благополучно, и в дальнейших строках она проявляет более глубокое классовое чутье в отношении реальной ситуации, чем трэд-юнионистские лидеры: «Как в конце конгресса трэд-юнионов,—пишет «Таймс»,—так и в начале его один вопрос остался без ответа. Вопрос о всеобщей стачке и о политике расширенной экономической войны, выражением которой явилась стачка, не подвергался обсуждению, и поэтому нет возможности с уверенностью сказать, какие уроки были извлечены из опыта, целью которого было улучшение континентальной формы массового выступления».

Мы можем понять причину смущения, проявленного «Таймсом» так же, как и причину того, почему исход конгресса в такой степени удовлетворил трэд-юнионистских бюрократов. Оба эти явления, рассматриваемые в связи с опытом самого конгресса трэд-юнионов, дают нам возможность еще лучше оценить по достоинству Борнемутский конгресс. «Таймс» и упомянутый либеральный наблюдатель огорчены тем, что вопрос о всеобщей стачке не обсуждался и что профсоюзы не осудили всеобщую стачку на конгрессе столь же решительно, как лидеры—Крэмп, Бевин и К°. Генеральный совет чувствует себя счастливым, потому что в течение пяти дней, в разгар величайшего конфликта в истории английского рабочего движения, ему удалось избежать как обсуждения вопроса о всеобщей стачке, так и обсуждения вопроса об оказании действительной помощи углекопам. Это был конгресс замалчивания, но такого замалчивания, которое более красноречиво, чем какие бы то ни было речи.

Председатель конгресса Пью открыл заседание речью, целью которой было вернуть профсоюзы назад к середине XIX столетия, стремясь, очевидно, к тому, чтобы превратить профсоюзы в памятник прошлого, а не в живое движение вперед. Он отнес профсоюзы в один разряд с капиталистическими судами и парламентскими учреждениями и пытался возвести принцип коллективного договора в святыню. Указав на тот факт, что трэд-юнионы играли значительную роль в поднятии уровня жизни своих членов, он провозгласил такой принцип определения ставок заработной платы и условий труда, с которым вполне согласилась федерация британских промышленников и против которой не будут возражать ни Винстон Черчилль, ни Болдуин. Это именно тот принцип, который они кладут в основу своей политики по отношению к углекопам. Пью заявил: «Трэд-юнионам пришлось ответить на вопрос о том, не наступило ли время для них пересмотреть в свете новых теорий все основы и методы применения традиционной тарифной политики, методы определения тарифных ставок, которых придерживались трэд-юнионы. Не пришло ли время,—спросил он,—рассмотреть, как следует применять принцип прожиточного минимума или основной ставки в связи с индексом национального производства».

Не попытавшись даже детально остановиться на этой политике и рассмотреть, к каким последствиям для рабочего класса

она привела бы в нынешнюю эпоху, совершенно отличную от той, когда собрался первый конгресс трэд-юнионов, он начал читать диссертацию о необходимости организовать рабочих Востока и наложить эмбарго на ввоз продуктов, вырабатываемых при применении системы «выжимания пота». Он, конечно, не употребил слова «эмбарго». Это привело бы его слишком близко к требованиям, выставляемым ныне горнорабочими в их борьбе. Он также не пытался показать, каковы были бы последствия международного выступления по вопросу о товарах, вырабатываемых при системе «выжимания пота». Он забыл сообщить конгрессу, что это означало бы «вмешательство в дела других стран», хотя мы все знакомы с отношением г. Пью к вопросу о «вмешательстве». Он не допустил дебатов по вопросу о «предоставлении более широких полномочий Генеральному совету», заявив, что совет обладает достаточными полномочиями. Это не помешало ему позже заявить, что Генеральный совет не имеет права жертвовать в чью бы то ни было пользу ресурсы профсоюзов, а еще позднее сказать, что когда-нибудь Генеральный совет потребует предоставления ему более широких полномочий. Пью сказал, что всеобщая стачка не была всеобщей стачкой, а «национальной» стачкой, носившей экономический характер, и что лишь враги Генерального совета усматривают в его действиях политическое выступление. Одним словом, от произнес речь, содержание которой можно было бы изложить хладнокровно, если бы она была произнесена на первом конгрессе трэд-юнионов, а не на 58-м. Но чего же достиг конгресс в целом под этим руководством?

Во-первых, ему удалось отложить дискуссию вопроса о всеобщей стачки до конференции исполкомов трэд-юнионов и таким образом установить преобладание трэд-юнионистской бюрократии над конгрессом трэд-юнионов. Несмотря на то, что конгресс трэд-юнионов поручил Генеральному совету созвать в первую очередь конгресс исполкомов, Генеральный совет отказался дать отчет конгрессу о том, каким образом он выполнил это поручение. С этого времени, поскольку это будет касаться Генерального совета, конгресс трэд-юнионов будет лишен всякого значения. Он наложил на членов профсоюзов узы, которые им будет трудно разорвать. Нужно иметь в виду момент, что конгресс и раньше состоял приблизительно на 70% из должностных лиц профсоюзов. А между тем большинство вопросов решается до конгресса—даже вопрос о составе нового Генерального совета. Каждая секция Генерального совета составляется из представителей союзов отдельной отрасли промышленности, и лишь эти союзы имеют право выставлять кандидатов в эту отдельную секцию. В настоящее время исполкомы профсоюзов все в большей степени устраивают разные комбинации, чтобы иметь возможность решать вопрос об избрании лидеров без голосования, и не менее дюжины членов нового Генерального совета были переизбраны как раз посредством такой комбинации. Значение этого изменения становится ясным, если принять во внимание связь его с политическими взглядами трэд-юнионистской бюрократии, рассмотрением которых мы займемся ниже.

Прежде всего, однако, необходимо отметить, что лидеры горнорабочих, несмотря на беспримерно предательское поведение Генерального совета по отношению к ним и вообще к горнорабочим и несмотря на шум, которым они встретили Бромлея, со

своей стороны оказали значительную помощь Генеральному совету в проведении им этой политики. Под предлогом получения обещанной Генеральным советом финансовой помощи они высказались за перенесение доклада о всеобщей стачке на конференцию исполкомов. На Борнемутском конгрессе они под подобным же предлогом опять стали на сторону Генерального совета, несмотря на то, что члены Генсовета непрестанно нападали на горнорабочих. Кук заявил, что он сожалеет о заключенном с Генсоветом соглашении, но между тем делегация горняков не внесла никаких поправок, когда на конгрессе обсуждался вопрос об ответе на телеграмму Томского. Они допустили, чтобы ответ Генерального совета был принят без голосования, в то время как голосование посредством записок дало бы совершенно другой результат. Меньшинство, насчитывавшее 700.000 голосов, постоянно голосовало против Генерального совета, и если бы углекопы к этой цифре добавили бы свои голоса, то Генеральный совет не оказался бы в столь счастливом положении.

Вдобавок к этому, Генсовету удалось предупредить попытки расширить его полномочия, при чем он не высказал откровенно действительного мотива своего отрицательного отношения к этому предложению. И никто не выступил на конгрессе с тем, чтобы разоблачить поведение Генсовета в этом вопросе, несмотря на то, что ясно, как день, в чем тут дело. Он отказывается от более широких полномочий по той простой причине, что если бы он согласился на это требование, то тем самым конгресс трэд-юнионов сразу очутился бы на большей высоте, чем новая инстанция—конференция исполкомов. А это пошло бы вразрез с проводимой Генсоветом политикой отступления и укрепления бюрократии против растущей активности масс. Они еще год назад с тревогой отнеслись к этому предложению и дипломатически отложили решение этого вопроса до более удобного времени. На этот же раз, после разительного опыта генеральной стачки, они оказали более решительное сопротивление и увеличили количество своих лавровых венков, предприняв наступление против движения меньшинства. Позицию Генсовета в вопросе о международном единстве также нельзя назвать иначе, как реакционной. По этому вопросу Пью говорил о «сердечном» и «дружественном» единении, но при этом выяснилось, что, по его мнению, международное единство означает в действительности согласие с ним в том, что каждая национальная секция должна поступать как ей угодно и придерживаться всех форм буржуазной вежливости в международных сношениях. Трудно иначе истолковать его речь, так как он категорически отрицал за русскими профсоюзами право критической оценки поведения английских лидеров в Генеральном совете или в угольном конфликте, несмотря на то, что они связали себя узами международной солидарности и обещали оказывать друг другу поддержку в борьбе английских и русских рабочих против международного капитала. Эту позицию поддержал также и Персель, присоединившись к нападкам на русские профсоюзы.

Таким образом, мы на Борнемутском конгрессе имели перед собой единый фронт трэд-юнионистской бюрократии. Теперь нет разницы между прежними «левыми» и «правыми» членами Генсовета. Оппозиция на конгрессе трэд-юнионов исходила из совершенно новых рядов, помимо тех делегатов, которые открыто заявили

о своей принадлежности к движению меньшинства и к коммунистической партии. В то время как эти элементы требуют отставки правительства, трэд-юнионистская бюрократия откладывает вынесение постановления по этому и по всем другим вопросам, связанным с немедленным выступлением, до следующих выборов, когда эти вопросы, по их расчетам, автоматически отпадут. Даже Суэльс заполняет столбцы «Сондэй Уоркер» изложением этой политической линии.

Подобное же положение господствует и в рядах рабочей партии. Все эти стремления к укреплению контрреволюционных сил, столь открыто развивающиеся в трэд-юнионах, еще более резко проявляются в рабочей партии, где трэд-юнионистская бюрократия получает подкрепление со стороны политиков, выражающих интересы мелкой буржуазии. Ливерпульская конференция рабочей партии проложила путь в этом направлении в прошлом году, выступив против массовой борьбы задолго до всеобщей стачки, и подготовив, таким образом, откол революционных элементов от рабочей партии. Исполком рабочей партии собрался в Борнемуте во время конгресса трэд-юнионов. Наиболее интересным актом его было исключение еще четырех местных организаций рабочей партии, отказавшихся выполнить ливерпульские постановления об исключении коммунистов. Таким образом четыре организации из пятнадцати организаций рабочей партии в Глазго исключены. В общем, со времени последней конференции рабочей партии, на которой коммунистическая делегация в полной изоляции вела борьбу против об'единенных реакционных элементов рабочей партии, было исключено более дюжины местных организаций рабочей партии, и ни одно светило из «левого крыла» не протестовало против этого.

Постановления об исключении, принятые на Борнемутском конгрессе, служат ясным указанием того, что на приближающейся конференции рабочей партии будут приложены все усилия к тому, чтобы толкнуть рабочий класс вправо. Весьма возможно что это не так легко будет сделать, как в Ливерпуле. Так как сторонники «левого крыла» поняли, наконец, что они беспомощны, оставаясь неорганизованными, они последовали призыву коммунистической партии об организации блока левого крыла в нацинальном масштабе. Конференция 125 делегатов, состоявшаяся в Попларе, представляет собой начало этого движения. Джордж Ленсбери стал ближе к коммунистической партии со времени своей поездки в СССР, как будто более открыто примыкает к этому движению, чем это делают левые трэд-юнионистские лидеры Генерального совета в отношении движения меньшинства. Но в прошлом году он на Ливерпульской конференции молчал. Окажется ли он настолько смелым, чтобы выступить на Маргетской конференции в текущем году против делегатов этого левого крыла? Его позиция на Маргетской конференции покажет, пойдет ли он по стопам Хикса и Перселя. Лоутер, являющийся лидером дюрхемских горняков, а также членов исполкома рабочей партии, также примкнул к этому движению, взявшему под свою защиту местные организации, исключенные из рабочей партии. Каковы бы ни были результаты Маргетской конференции,— а надо полагать, что на ней макдональдовская фракция укрепит свои позиции сильнее, чем когда-либо раньше—фундамент для создания левого массового движения прочно заложен, и можно

быть уверенным в том, что предстоит создание новой рабочей партии, которая будет иметь классовый характер, ибо рабочая партия продолжает свою политику раскола путем исключения всех своих членов, сочувствующих коммунистической партии.

Движение пошло по правильному пути, начавшись с организации борьбы против исключения и направления своих сил для борьбы в рядах самой рабочей партии против лидеров, быстрым темпом приближающихся к заключению блока с либеральной партией. Программа этого движения очень сильно приближается к той, которая была выставлена коммунистической партией на Ливерпульской конференции в противовес принятой на ней новой формулировке империализма рабочей партии. Но это движение совершило также ошибку, которая сильно замедлит его развитие, если оно быстро не исправит ее. Приняв руководство коммунистических делегатов, оно повторило требование конференции движения меньшинства об уходе из парламента депутатов рабочей партии с целью ведения ими кампании вне парламента. Это не было особенно значительной ошибкой со стороны движения меньшинства, и она не представляет большой опасности, поскольку в настоящее время нет заседаний парламента и поскольку это предложение не носит поэтому практического характера. Но со стороны конференции левого крыла вступление на путь синдикалистского бунта, в то время как она призывает к себе на помощь организации, связанные с ведением кампаний при выборах в парламент, все же представляет собой ошибку, имеющую некоторое значение.

Но это не единственная ошибка. Даже в самой английской коммунистической партии имеется определенная тенденция проводить свои кампании и свою критическую деятельность, скорее исходя из точки зрения левого трэд-юнионизма, чем в соответствии с революционно-политической тактикой компартии. Это обнаружилось в недостаточно критическом отношении к англо-русскому комитету, когда наша партия отстала от русских профсоюзов в своей критике тактики Генерального совета. Это обнаружилось в ее поведении во время кампании за наложение эмбарго на перевозку угля. Нужно было, конечно, бороться за это требование, но когда партия в своей критике трэд-юнионистских лидеров, отказавшихся поддерживать это требование, указывает лишь на отсутствие у них чувства классовой пролетарской солидарности, то этого недостаточно. Как бы ясно партия ни видела политические последствия эмбарго, и как бы она ни сознавала, что применение его неизбежно ведет к возобновлению всеобщей стачки, она не должна говорить о том, что трэд-юнионистские лидеры именно по этим причинам отказываются прибегнуть к эмбарго. Заявляя, что каждая массовая стачка в настоящее время неизбежно должна натолкнуться на враждебные силы государства, она не об'ясняет, что это означает и по какому пути следует вести борьбу для того, чтобы обеспечить победу.

Это видно из тех выводов, которые сделаны партией из уроков Борнемутского конгресса. Она делает в «Воркерс Викли» от 17 сентября следующие выводы. Во-первых, что старые руководители образовали единый фронт предательства рабочих интересов. Во-вторых, что бывшие «левые» из Генерального совета окончательно сдались правым. В-третьих, что Кук сделал второй шаг по пути к установлению единого фронта с Генеральным советом. В-четвертых, что даже этот конгресс, состоявший более чем наполовину из должностных лиц, обнаружил сдвиг рабочего класса влево. В-пятых, что нет надежды на то, чтобы в рядах трэд-юнионистского движения, могли, кроме как из рядов коммунистической партии и движения меньшинства, появиться новые лидеры, готовые вести действительную борьбу с хозяевами. В-шестых, лидеры, сдавшиеся капиталистическому правительству 12 мая, говорили очень много на конгрессе трэд-юнионов об отказе правительства от применении 48-часовой недели, о введении им закона о восьмичасовом рабочем дне в угольной промышленности, о его выступлении против горнорабочих и т. д., но они избегали всяких указаний относительно того, как можно все это изменить.

Все эти замечания совершенно правильны. Но ни слова не сказано о том, почему они выставили требование о роспуске правительства, а также не об'яснено рабочим, что все эти выводы основаны на том факте, что с нынешнего момента классовое пролетарское движение постоянно будет наталкиваться на вопрос о классовой власти, что диктатура буржуазии может быть свергнута лишь путем решительной борьбы за диктатуру пролетариата; что именно это основное противоречие классовых сил заставило Генеральный совет решиться пойти по пути предательства; что именно это обострение противоречий толкнуло левых в об'ятия правых; что именно это обострение противоречий лежит в основе перегруппировки социальных сил, совершающейся на наших глазах и находящей свое подтверждение на самом конгрессе трэд-юнионов. Никогда еще в истории Великобритании не было периода, когда было бы столь необходимо раз'яснить рабочим массам основные политические вопросы, как теперь.

Каково же нынешнее положение дела в Англии? Вкратце оно сводится к следующему: английский капитализм находится в состоянии хронического кризиса и обнаруживает все симптомы государства, находящегося в состоянии разложения. Консервативное правительство, представляющее собою наиболее реакционно выраженные буржуазные элементы, борется с напряжением всех своих сил. Оно стало слабее со времени всеобщей стачки, когда ему удалось собрать около себя часть либеральных и мелкобуржуазных элементов. Каждые частичные выборы обнаруживают изменения в отношении общественного мнения к правительству. Последнее не может сделать ничего другого, как только выступить с классовой войной против рабочих масс. Рабочий класс под влиянием все ухудшающихся условий труда все более стремится повести борьбу против угнетателей. Он проникается все в большей степени классовым сознанием и обнаруживает явное желание вести борьбу. Весь состав лидеров был напуган угрозой гражданской войны и той ответственностью, которую па них возложила бы подобная ситуация. С этого момента лидеры выступили против массовой борьбы. Массы двинулись влево, в то время как лидеры двинулись вправо, и лишь коммунистическая партия и движение меньшинства выделили из своей среды настоящих классовых руководителей рабочего движения. Поворот лидеров вправо, а также явное недовольство средних слоев неспособностью консервативного правительства создать «мирную» ситуацию, о которой они тоскуют, сблизило руководителей рабочей партии и либеральной партии и заставляет их думать о созда-

нии блока, направленного против правительства и в то же время против массовых выступлений пролетариата.

Здесь я напомню об одной речи Ллойд-Джорджа, произнесенной им в марте 1920 года и цитированной Лениным в его книге «Детская болезнь «левизны». В то время Ллойд-Джордж призывал,—что очень знаменательно,—к созданию блока либералов и консерваторов против рабочих. По тем же основным мотивам он трудится теперь над созданием блока с бюрократией рабочей партии против консерваторов. Он заявил, что «цивилизация находится в опасности», но этот процесс сделал шаг вперед, большой шаг вперед с 1920 года. Заметьте: «Четыре пятых населения страны заняты в промышленности и торговле, едва одна пятая занята сельским хозяйством. Это одно из тех явлений, о которых я постоянно думаю, когда размышляю об опасностях, предстоящих нам в будущем. Во Франции преобладает земледельческое, население, и вы имеете там наличие солидного общественного мнения, не подвергающегося быстрым изменениям и не поддающегося столь легко влияниям революционного движения. Не таково положение в Англии. Эта страна более тяжеловесна, чем какая-либо другая страна в мире и, если она начнет раскачиваться, то здесь произойдет больший крах, чем в какой бы то ни было другой стране».

Этот диагноз положения дел в Англии, сделанный Ллойд-Джорджем, правилен. Он призывал либералов и консерваторов об'единиться для того, чтобы противостоять движению рабочего класса, но Англия уже начала раскачиваться. Коалиции потерпели крушение. Массы находятся в движении, и создаются новые коалиции для удержания лавины, надвигающейся со все возрастающей скоростью. Таков смысл братских отношений, установившихся между Ллойд-Джорджем и руководителями рабочей партии. Таков смысл свирепых выступлений консервативного правительства и тяготения рабочих к коммунистической партии. Борнемут—это барометр, трэд-юнионистского движения, и он показывает, что «левые» фразеры вылупились в настоящих защитников буржуазии. Он показывает, что процесс изживания иллюзий в массах все более развивается и что для английской коммунистической партии наступило время, когда она должна во все более ясной форме раскрывать перед массами основные проблемы сегодняшнего дня и значение нового соотношения социальных сил. Только сделав это, она станет действительным вождем масс, который поведет их по-ленински «по пути к восстанию».

А. Слепков.

Путь „рабочей“ оппозиции.

«Думаю, что они неправильно это название носили»...

(Ленин. «Доклад о деятельности ЦКРКП на XI с'езде партии». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 33).

I. Ленинская постановка вопроса о гегемонии пролетариата и синдикализм.

В нашей партии неоднократно появлялись течения, которые критиковали партию в целом с так называемого «левого» конца. Правда, этот метод критики не является монопольным в руках внутрипартийных оппозиционных течений. Бывало так, что в мелкобуржуазности «уличали» коммунистическую партию даже типичные представители мелкобуржуазной партии. Вспомним, хотя бы, что писал о социальном характере Октябрьской революции и большевистской политики вождь меньшевиков Л. Мартов. Это он утверждал, что социально-определяющим фактором большевистской политики в революции был мелкобуржуазный солдат [1]).

Другой меньшевик, Далин, автор наиболее «фундаментального» литературного клеветнического поклепа на нашу партию, в своей книге «После войн и революций», «доказывал», что советская власть имела и имеет успехи лишь постольку, поскольку она встает на путь *не* пролетарской, *а* мелкобуржуазной политики.

Подобного же рода «критическую» тенденцию проявили и западно-европейские идеологи оппортунизма (Каутский, Бауэр и др.).

Однако, политическая программа этих «критиков» была настолько явно оппортунистической, что их «левизна» могла возбуждать только смех.

Гораздо труднее разоблачить об'ективно-антипролетарские тенденции в прикрывающихся «левой» фразой внутрипартийных оппозиционных течениях. Всем памятно, что представитель некого антиленинского течения внутри партии в ответ на характеристику его платформы как мелкобуржуазной с «ехидством» указывал на вопиющее «противоречие»: с одной стороны, дескать, представленный им уклон отличается недооценкой роли крестьянства в нашей революции, а, с другой стороны, он мелкобуржуазен; не очевидно ли, что здесь не связаны концы с концами?

[1]) А. А. Богданов, проводящий эту же идею в «Курсе политической экономии», здесь совсем не оригинален.

Не может быть никакого сомнения в том, что с точки зрения *формально-логической*, еще *большее* право на этот аргумент имеет «рабочая» оппозиция. Но столь же несомненно и то, что право на этот аргумент можно обосновывать *не* диалектически, *а* лишь формально-логически.

Меньшевики тоже недоучитывали роль крестьянства в революции, и тем не менее они представляли в революции не пролетарское, а мелкобуржуазное начало.

Политическая зрелость пролетариата и, прежде всего, его передовых отрядов определяется способностью выполнять функции *гегемона* трудящихся масс. Если пролетариат еще не дорос до понимания своей роли как гегемона, если он не сделал и не делает повседневно в этом направлении практических выводов,—то он еще не является «классом для себя», осознавшим свои исторические задачи.

> «*Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же*,—писал тов. Ленин еще в «Что делать?»,—*тот не социал-демократ*, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее, даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений *о взаимоотношениях всех классов современного общества*» [1]).

«Современным» обществом для пролетариата СССР является советское общество. Быть *марксистом* в условиях СССР (ибо в 1902 г., когда Ильич писал «Что делать?» «социал-демократ» еще было равнозначно «марксисту») это значит, прежде всего, понимать неразрывную связь «самопознания рабочего класса», стоящего у власти, с правильными, «на опыте политической жизни выработанными представлениями о взаимоотношениях *всех* классов» *советского* общества. Другими словами и более конкретно выражаясь,—это значит: правильно понимать роль и назначение диктатуры пролетариата, ее соотношения с разными классами советского общества.

Характеризуя диктатуру пролетариата, как «новую форму классовой борьбы», т. Ленин в плане невыполненной брошюры «О диктатуре пролетариата» (относящемся ко второй половине 1919 г.—началу 1920 г.) намечал, между прочим, для разработки и обоснования, следующие мысли:

> «Диктатура пролетариата как *руководство* трудящимися массами (и всем обществом) со стороны пролетариата. Две основные задачи (и соответственно, две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:
>
> (1) подавление сопротивления эксплоататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям).
>
> (2) систематическое руководящее *воздействие* (тоже—борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев».

---

[1]) Курсив во всех случаях, где нет специальной оговорки, принадлежит автору настоящей статьи.

Или несколько ниже:

> «Диктатура пролетариата есть обучение *одним* классом, пролетариатом, всех трудящихся, idem руководство. *Вести. Господствующий класс—пролетариат, один*...
>
> ...Советы—пролетарская демократия—диктатура пролетариата.
>
> ...Опыт революции. *Увлечь и направлять*. Авторитет революционного пролетариата среди *трудящихся*». (Ленинский Сборник, III, стр. 494, 497).

В этом отрывке из полуплана-полуконспекта заключена, таким образом, следующая цепь положений:

1. «Советская власть является формой диктатуры пролетариата, *одного* класса.

2. Эта диктатура есть *особая форма классовой борьбы*.

3. Последняя осуществляется *по-разному* в отношении *эксплоататоров* (капитал) и *трудящихся мелкобуржуазных масс* (подавляющие массы крестьянства).

4. В отношении последних необходимо «руководящее воздействие», в котором бы моменты борьбы (но «особого рода», другой, чем с капиталом) сочетались с «руководством» «увлечением и направлением», «ведением», «обучением» и т. д., ибо *диктатура пролетариата есть обучение одним классом, пролетариатом, всех трудящихся*».

После перехода к нэпу тов. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость осуществления гегемонии пролетариата, организованного в государство, по отношению к крестьянству в *экономической* области, необходимость длительной работы по перестройке, переделке основной массы бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств на социалистический лад.

Таким образом, «особого рода» «преодоление» крестьянского частного хозяйства тов. Ленин мыслил методами *переделки* в условиях «*прочного союза*» между пролетариатом и основной массой крестьянства (простых товаропроизводителей).

Наконец, в самой последней своей статье «О кооперации» он наметил и главные пути этой переделки.

Итак, Ильич исходил при выработке политической линии диктатуры пролетариата из представления о властвующем пролетариате, как *гегемоне* трудящихся непролетарских масс, прежде всего, бедняцко-середняцких масс простых товаропроизводителей.

Тот, кто исходит из другого представления о пролетариате,—тот не дорос до марксизма и ленинизма. Когда некоторые «леваки», забывая о необходимости рабоче-крестьянского блока и осуществления пролетарской гегемонии—в отношении широких масс крестьянства—ставят сие себе в заслугу и, во всяком случае, считают это «забвение» гарантией от мелкобуржуазного уклона,—то они выступают как опошлители марксизма, как политики, молящиеся на «заднюю пролетариата».

Рабочий класс в своей массе вышел из деревни. Приходящий из деревни новый, «сырой» рабочий приносит с собою на завод и мелкобуржуазный подход к явлениям, ограниченность, индивидуализм. Школа индустриального производства, воздействие передовых кадровых пролетариев, воздействие компартии преодолевают эту ограниченность, этот индивидуализм новых рабочих. Но у многих из них повышение сознательности, так

сказать, «застревает» на цеховом самосознании, противостоящем сознательно-классовому подходу пролетариата, как гегемона всех трудящихся.

Таким образом, «цеховщина» в политике—с социально-психологической точки зрения—имеет мелкобуржуазные корни. Она не выражает взглядов и устремлений пролетариата вперед, к социализму, к освобождению всех эксплоатируемых, а культивирует мелкобуржуазные пережитки в психологии рабочих масс. Само собой разумеется, что имеющие подобный источник «цеховые» тенденции в пролетарской партии в своем развитии могут привести только к оформлению резко-враждебного пролетариату течения.

История «рабочей» оппозиции—тому яркое доказательство.

II. «Рабочая» оппозиция в период дискуссии о профсоюзах.

«Рабочая» оппозиция оформилась как особое фракционное течение в нашей партии в конце 1920 года—в начале 1921 года во время дискуссии о роли профессиональных союзов. В данном случае нас интересует не состав фракции (включавшей в свои ряды, несомненно, и весьма видных большевиков-рабочих) и не организационная сторона дела, а существо идейно-политической платформы «рабочей» оппозиции. Наибольший интерес, с этой точки зрения, для первого периода развития оппозиции, представляет дискуссионная статья тов. А. Шляпникова «О задачах рабочих союзов», написанная в декабре 1920 г. и обосновывающая платформу «рабочей» оппозиции [1]).

Как известно, важнейший пункт тезисов «рабочей» оппозиции гласил:

> «Организация управления всем народным хозяйством принадлежит всероссийскому с'езду производителей, об'единенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Каким же образом тов. А. Шляпников обосновывал необходимость подобной «реформы» в области управления производством и радикального изменения в соотношениях различных организаций пролетариата?

В статье имеются два основных аргумента: один—от истории, другой—от программы партии.

Тов. Шляпников, прежде всего, указывает на то, что существующее к началу 1921 года положение дел является громадным отступлением в сравнении с непосредственно послеоктябрьским периодом, когда профсоюзы, по сути дела, руководили производством.

> «Октябрьский переворот открыл новую страницу в истории не только российского профессионального движения. В то время, когда власть во всей стране завоевывалась советами рабочих, солдат и крестьян, профессиональные союзы вели борьбу за диктатуру рабочего класса в хозяйственной области... Вместо «защиты экономических, правовых и моральных интересов рабочего класса», путем стачек и др. средств, профессиональным союзам пришлось стать, при самых труднейших условиях, во главе отдельных производств, целых отраслей промышленности и транспорта.
>
> Задачи профессионального движения новой эпохи впервые были определены на первом всероссийском с'езде профсоюзов, в январе 1918 года. В принятой по докладу тов. Зиновьева резолюции, в пункте шестом, говорится отчетливо, что «центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил...»
>
> Так обстояло дело в начале революции. Какие же изменения внесла вся полоса гражданской войны?
>
> «Но с того времени, времени весны пролетарской власти, прошли три года, работа которых и должна быть теперь учтена... Былой размах в союзной деятельности конца семнадцатого и начала восемнадцатого года через три года приводит нас к погребальному звону... В резолюции о задачах профсоюзов, принятой на III с'езде, очень много говорится о правильности положений, принятых на обоих предыдущих с'ездах, но отсутствуют былые отчетливость, ясность и перспективы. Вместо выпуклых задач, резолюция содержит ряд скромных пожеланий и рекомендаций союзам, как им держать себя по отношению к органам государственной власти».

[1]) См. сборник «Партия и союзы» под ред. Г. Зиновьева. Госиздат, Петроград, 1921 г., стр. 287—304.

Итак, «рабочая» оппозиция настаивала на возвращении к тем соотношениям профсоюзов и промышленности, которые установились непосредственно после Октябрьского переворота. Ошибочность аргумента от истории заключается в том, что он не учитывает того радикального изменения в соотношениях общественных организаций пролетариата, которое произошло со времени Октябрьской революции к 1921 году.

Во время Октябрьского переворота и непосредственно после него профсоюзы были теми массовыми революционными организациями пролетариата, которые, по призыву большевистской партии, боролись за захват государственной власти в руки пролетариата и за укрепление этой власти. При этом не следует забывать, что строящееся при непосредственном и инициативном участии руководимых партией профсоюзов советское пролетарское государство оформило, прежде всего, те свои организации, которые имели целью непосредственное подавление классового врага в гражданской войне. Экономические командные высоты пролетарского государства окрепли значительно позднее. Естественно, что в этих условиях революционный захват промышленных предприятий и руководство ими на первых порах осуществлялись профсоюзами.

По мере же укрепления пролетарского государства и оформления его экономических органов, эти функции перешли к ВСНХ, а профсоюзы стали играть роль «резервуара», непрерывно обновляющего и пополняющего рабочими организаторами хозяйственные органы государства и помогающего госорганам преодолевать хозяйственные трудности.

Именно на это и указывает пункт третий резолюции т. Рудзутака о роли профсоюзов, поддержанный т. Лениным и принятый ЦК:

«Управление государственных экономических органов, постепенное овладение ими аппаратом производства и управления, согласование отдельных частей этого аппарата—все это перенесло центр тяжести работы по управлению промышленностью и выработке производственной программы в эти органы. В связи с этим, работа профсоюзов в области организации производства свелась к участию в формировании коллегий главков, центров и заводоуправлений».

Отмечая необходимость более тесного сближения профсоюзов и хозорганов в области промышленного строительства, подчеркивая необходимость участия профсоюзов в составлении общей производственной программы, резолюция, тем не менее, отнюдь не предлагает возвращения к тем беспорядочным и хаотическим отношениям, которые были характерны для начала гражданской войны, и построена в духе сохранения государственного руководства производством.

Таким образом, историческая ссылка тов. Шляпникова не могла рассматриваться, как аргумент.

В октябре и в непосредственно послеоктябрьский период промышленность находилась в руках профсоюзов (вернее, ими захватывалась) потому, что не было окрепших государственных экономических органов: в 1921 году последние имелись, хотя и с «бюрократическими извращениями».

Еще более неудачен был аргумент от программы.

«Если мы обратимся к нашей программе, принятой VIII с'ездом РКП, являющейся руководством для всей политики, то там, в главе «В области экономической», в пункте пятом имеется достаточно рельефное указание целей профдвижения: «Будучи уже, согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым...»

И если теперь снова подымается вопрос о «задачах профсоюзов», то это происходит не по причине «неясности» стоящих перед союзами задач. Некоторые критически мыслящие товарищи просто несогласны с резолюциями и программными положениями о задачах профсоюзов. Их пугает предоставление союзам проведения в жизнь этих задач, так как они не верят в силу, сознательность и способность рабочих организаций выполнить программные задачи...»

Нетрудно понять, что между программными положениями и политическими задачами дня существует большая дистанция; не трудно понять, что развернутый социализм, предполагающий «растворение» государства, предполагает и иное разрешение проблемы хозяйственного руководства, чем то разрешение, которое дается в исходный момент движения к социализму, в момент возникновения и укрепления пролетарской диктатуры.

«Рабочая» же оппозиция в момент укрепления и оформления пролетарской диктатуры настаивала на осуществлении таких экономических мероприятий, которые могут быть осуществлены лишь в результате длительной полосы развития, подводящей вплотную к безгосударственному обществу.

Критикуя аргумент оппозиции от программы, тов. Ленин делает следующие замечания к отдельным местам программы:

1) «профсоюзы должны притти» (значит, не пришли и даже еще не приходят)»;

2) «к фактическому сосредоточению в своих руках» (в своих, т.-е. в руках профсоюзов, т.-е. в руках масс, об'единенных поголовно; всякий видит, как далеки еще мы даже от первого приближения к такому фактическому сосредоточению)»;

3) «сосредоточению... всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» (значит, не отраслями промышленности и не промышленностью, а промышленностью плюс земледелие и т. д. Близки ли мы к тому, что фактически сосредоточено в руках профсоюзов управление земледелием?)».

Нетрудно заметить, что Ильич особенно налегает в критике на то обстоятельство, что рабочая оппозиция не видит задачи руководства народным хозяйством в целом; что она разрешает вопрос о руководстве промышленностью так, как будто бы у нас и существует только эта промышленность, а состав советского общества исчерпывается пролетариатом.

«Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»),—утверждает т. Ленин,—уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством» (курсив т. Ленина).

В дискуссии о роли профессиональных союзов, на пороге к «мирному» хозяйственному строительству, в своеобразной форме был поставлен вопрос о гегемонии пролетариата в революции, о руководящей роли пролетариата в экономической жизни Советской Республики.

При этом «рабочая» оппозиция отвечала на этот вопрос отрицательно; вернее, она даже не видела проблемы гегемонии пролетариата в «строительный» период.

Как «текла» мысль идеологов «рабочей» оппозиции?

Их установку можно характеризовать следующим образом.

В экономической системе Советской Республики имеется промышленный сектор: он-то—и только он— и интересует пролетариат; задача экономической политики пролетариата ограничивается задачами организации и руководства промышленностью: эти задачи лучше разрешат массовые профсоюзные организации пролетариата, чем обюрокраченные экономические органы советского государства; посему—да здравствуют с'езды производителей и властвующие над промышленностью профсоюзы—и долой ВСНХ!

Именно к таким выводам и приходит тов. Шляпников:

«Наша партия практически должна вырешить вопрос о том, какими путями она будет проводить свою политику экономического строительства, через рабочие организации или

по старому методу, усвоенному от буржуазной эпохи через бюрократически построенные аппараты... Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качестве пупа земли, вокруг которого вращаются солнце, луна и прочие советские планеты...

В настоящее время все участие рабочих организаций в деле организации и управления нашей промышленностью сводится к тому, что союзы служат поставщиками работников для ВСНХ. В остальных областях при практической работе мы имеем сплошные трения и конфликты, тяжело отражающиеся на больном теле нашего хозяйства. Это возможно избежать только путем или уничтожения профессиональных производственных рабочих союзов или уничтожения самодовления ВСНХ и подчинения его работы производственным рабочим организациям. Дело идет не о простом подчинении головок, персональной перетряске или пересадке, а о проведении в жизнь двух исключающих друг друга начал...»

Тов. Шляпников утверждает, что «проводить свою политику экономического строительства» через государство—это значит только пользоваться «старым» буржуазным методом; он же высказывается за «новый» метод, т.-е. за непосредственное руководство производством со стороны профсоюзов.

Какую политическую установку, по сути дела, противопоставлял «рабочей» оппозиции тов. Ленин?

Господствующий в Советской Республике пролетариат должен, опираясь на свои командные высоты, стремиться к руководству «всем народным хозяйством», что, прежде всего, означает стремление к руководству и промышленностью и сельским хозяйством; социально это означает, прежде всего, что пролетариат должен обеспечить в экономическом строительстве свою гегемонию в отношении широких бедняцко-середняцких масс крестьянства и отвоевание этих масс из-под влияния капитала. Советское государство и является таким орудием классовой борьбы пролетариата, которое обеспечивает разрешение этой задачи.

Почему функции руководства «народным хозяйством в целом» взяло на себя пролетарское государство и не могут взять «с'езды производителей»?

Во-первых, потому, что пролетарская государственная власть может сочетать методы насилия (в отношении эксплоататоров) с методами руководства, воздействия, переделки (в отношении непролетарских масс трудящихся), что является условием относительного роста социалистических элементов.

Во-вторых, государственная власть обнимает своим, частью непосредственно управленческим, частью регулирующим, воздействием все народное хозяйство в целом (и промышленность и сельское хозяйство), чем обеспечивается постепенная переделка на социалистический лад всей хозяйственной системы СССР, постепенное уничтожение противоречий между городом и деревней.

В-третьих, являясь пролетарским по своему классовому существу, советское государство является рабоче-крестьянским по составу и включает в свои низовые звенья представителей бедняцко-середняцких крестьянских масс, перевоспитываемых в процессе советского строительства.

Именно благодаря всем этим особенностям, наличие и функционирование пролетарского государства есть непременное условие успешного социалистического строительства, есть главнейший, основной фактор этого строительства; и именно благодаря этому лучшие и главные силы коммунистической партии были брошены для руководства государством пролетариата.

«Рабочая» оппозиция не поняла этой роли диктатуры пролетариата. Она не доросла до марксистско-ленинской постановки вопроса о диктатуре пролетариата и ее роли в строительстве социализма. В более общей формулировке,—ее ошибка заключалась в том, что она разрешала основные вопросы политики, в переходный от капитализма к коммунизму период, не под углом осуществления и укрепления гегемонии пролетариата, а под углом—цехово-синдикалистским. Эта ошибка являлась тем более опасной, что она делалась в обстановке перехода к «мирному» строительному периоду, когда вопрос о смычке с крестьянством и о гегемонии пролетариата в отношении крестьянства—стал особенно остро, когда речь шла о «переходном периоде в переходном периоде».

«Анализируя текущий политический момент,—заявлял т. Ленин во время профсоюзной дискуссии, еще до перехода к нэпу,—мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде.

Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов этого не выходит. Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать»...

К X с'езду и Ленин и партия в целом уже присмотрелись к новой обстановке и сделали политический вывод из оценки изменений, перейдя к новой экономической политике.

III. «Рабочая» оппозиция во время перехода к нэпу.

Следующим этапом в развитии «рабочей» оппозиции являются: 1) выступление ее идеологов в период X с'езда, когда партия решила повернуть советское государство на рельсы новой экономической политики, и 2) апелляция «рабочей» оппозиции к Коминтерну.

Типичным документом этого периода развития «рабочей» оппозиции является брошюра тов. А. Коллонтай («Рабочая оппозиция». На правах рукописи. Только для членов партии. Москва.

1921 год) [1]). В этой программной брошюре дана общая политическая оценка партийной политики и поднят большой круг партийных проблем, выходящий далеко за пределы вопроса о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве.

Несмотря на то, что партия намечала к X с'езду поворот к новой экономической политике, поворот, который ни в коей мере не вязался с военно-коммунистическими тенденциями платформы «рабочей» оппозиции о роли профсоюзов, тов. А. Коллонтай в своей брошюре в вопросе о профсоюзах стоит на той же позиции, на которой «рабочая» оппозиция оформилась в конце 1920 года.

> «Кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства? Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т.-е. производственным союзам или же советским аппаратам, оторванным от непосредственной живой, хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит за первое».

Так ставит и разрешает вопрос тов. Коллонтай. Синдикалистская установка сохранена здесь полностью. Промышленное строительство должно вестись профсоюзами, а не советским государством.

При этом тов. Коллонтай пытается доказать, что советская власть перестала быть орудием классовой борьбы пролетариата, что она, в значительной мере, переродилась и продолжает перерождаться. Внутренняя логика в рассуждениях тов. Коллонтай несомненна: социалистической промышленностью должны руководить профсоюзы, а не советское государство, потому что последнее перестает быть по своему существу классово-пролетарской организацией, а профсоюзная организация является таковой.

Вот что пишет тов. Коллонтай о советском государстве:

> «Задачи общегосударственного характера заставляют как местные, так и центральные советские органы, комиссариаты и даже Совнарком и ВЦИК прислушиваться, приноравливаться к этим трем разнородным группам населения трудреспублики (рабочий класс, крестьянство и мещанство и остатки прежней буржуазии—спецы, техники, дельцы,—как писала тов. Коллонтай выше. *А. С.*), отчего теряется устойчивость и чистота классовой линии, носителем которой в интересах революции, должна остаться наша партия. Соображения «общегосударственные» начинают перевешивать интересы класса рабочего».

Совершенно очевидно, что выставляя тезис об отклонении государственно-советской линии от классово-пролетарской линии, «рабочая» оппозиция считала непролетарской и линию партии, руководящей советским государством.

[1]) Само собою разумеется, что эту брошюру тов. Коллонтай мы рассматриваем лишь как исторический документ, помогающий выяснить эволюцию «рабочей» оппозиции в целом, и. во всяком случае, не имеем оснований приписывать тов. Коллонтай теперь те взгляды, которые она, в качестве представителя «рабочей» оппозиции, высказала в 1921 году.

Это можно иллюстрировать следующей цитатой из платформы тов. Коллонтай:

> «Отчетливая классовая политика нашей партии, в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом, превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, мешанного состава населения».

«Корень зла» тов. Коллонтай усматривает в неправильной политике в отношении крестьянства, в искривлении классовой линии советского государства под напором мелкой буржуазии, в иллюзиях, будто пролетариат может вести советское строительство на основе рабоче-крестьянского блока.

> «А мы в Советской России принуждены убеждать и себя, весь рабочий класс, что мелкая буржуазия, мещанство (не говоря уже о крестьянстве во образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) великолепно могут ужиться под общей вывеской: «вся власть советам», забывая, что именно в ежедневной практике жизни интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость».

Особой критике подвергается стремление т. Ленина обратить внимание партии и рабочего класса на необходимость прочного экономического союза с середняком. «Рабочая» оппозиция усмотрела в этом стремлении соглашательские тенденции, антипролетарскую политическую линию.

Да и весь намечающийся партией маневр перехода к новой экономической политике рассматривался тов. А. Коллонтай, как проявление соглашательства.

> «Пролетариат,—писала тов. Коллонтай,—требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм... Ваша политика,—обвиняла она Ленина,—выбирающая равнодействующую между тремя социальными группами населения, весьма мудрая политика. Но она пахнет старо-знакомым, приспособленчеством, оппортунизмом».

«Рабочая» оппозиция, в лице тов. А. Коллонтай, стала при переходе к новой экономической политике на ту точку зрения, что пролетариату дело только до промышленности, что всякие разговоры о союзе с середняком—это оппортунизм, что советское государство, становящееся в своей политике на почву этого союза, изменяет классовым интересам пролетариата. При этом, во-первых, «рабочая» оппозиция даже не поставила вопроса о том, что само развитие промышленности немыслимо без экономического под'ема основной бедняцко-середняцкой массы крестьянских хозяйств и смычки промышленности с этими хозяйствами, во-вторых, она не поняла роли пролетариата, как гегемона трудящихся масс, роли советского государства, как орудия переделки широкой массы крестьянских хозяйств на социалистический лад.

Ильич подчеркивал эту роль на X с'езде, в выступлении по поводу перехода к новой экономической политике.

«Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелкобуржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которых мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду».

Не понимая роли диктатуры пролетариата, как важнейшего фактора социалистического строительства, «рабочая» оппозиция в корне неверно ставила и вопрос о партийном руководстве советами. Если в деятельности советских организаций давали себя чувствовать бюрократические тенденции, если кое-где инициативно-руководящие функции «уплывали» из рук партийцев и переходили к представителям мелкой буржуазии,—то надо было подчеркнуть необходимость усиления повседневного систематического партийного руководства советами. А тов. А. Коллонтай предлагала как раз обратное. Она писала

«о превращении всех наших партийных центров, начиная от ЦК партии и кончая уездкомами, из органов, руководящих мелочами повседневной советской политики, вмешивающихся в назначения, перемещения и переброску сил с чисто ведомственной точки зрения,—в орган контроля над политикой советских аппаратов».

Это не логика, а логика «дыбом». Советы перерождаются, они перестают быть классово-пролетарскими организациями, а потому... не надо «руководить мелочами повседневной советской политики», а потому... необходимо выступать против «назначений, перемещений и переброски сил» со стороны партии.

Наконец, следует отметить, что «рабочая» оппозиция совершенно неправильно разрешала вопрос о внутрипартийных отношениях, ибо она стала на почву поощрения и «нормализации» таких внутрипартийных порядков, при которых партия представляла бы собой не единую монолитную организацию, а сумму различных течений.

Исходя из абстрактной постановки вопроса о «свободе мнений», «рабочая» оппозиция требовала легализации в партии различных течений и даже поощрительной политики в отношении этих течений.

В практически-резюмирующей части своей платформы рабочая оппозиция требовала «права не только свободных дискуссий, но и права на материальную субсидию для издания литературы внутрипартийных течений».

С другой стороны, оппозиционеры по существу дела выступали против принципа партийного централизма. Они обнаружили непонимание руководящей роли партийных центральных организаций. Руководство предполагает, что ЦК намечает партийную

политику, что он раньше, чем вся партийная масса, учитывает изменения в политической обстановке, что он воздействует на партийную массу, предлагая ее вниманию определенные линии, позиции, способы решения проблем партийной политики. А тов. Коллонтай писала о необходимости «вернуться (?) к тому положению вещей, когда все основные вопросы партийной жизни и советской политики раньше обсуждаются низами, а затем уже суммируются верхами». ЦК «суммирует», а не руководит под контролем партийных масс; ЦК—это что-то в роде «почтового ящика».

Вопрос о внутрипартийной демократии ставится у идеолога «рабочей» оппозиции несерьезно и наивно. Чего стоит, например, требование права «присутствия любого члена партии на заседаниях партийных центров, за исключением особо-секретных дел».

Подведем итоги. Не может быть сомнения в том, что в экономической и политической обстановке Советской Республики 1920—21 гг. имелось налицо достаточно оснований для тревоги за дело пролетариата, для критики существеннейших недостатков советского аппарата и т. д.

Несомненно, далее, что в предложениях «рабочей» оппозиции было и кое-что правильное (постановка проблемы «орабочения» партии и т. д.).

Но так же несомненно, что в платформе «рабочей» оппозиции 1921 года были заложены все те ошибки, развитие которых привело т. Медведева в 1924 году к его антипартийной платформе. Выступление «рабочей» оппозиции в 1921 году обнаружило:

1) что ее идеологи не понимали и не принимали политики союза пролетариата и крестьянства, не понимали и не принимали ленинской постановки вопроса о пролетариате как гегемоне широких масс трудящихся вообще, бедняцких и середняцких крестьянских масс в частности;

2) что в соответствии с этим, они не понимали роли советского государства, как орудия социалистического строительства, орудия приобщения крестьянских масс к социализму и усмотрели в осуществлении советским государством рабоче-крестьянского блока показатель его социального перерождения;

3) что они неправильно ставили вопрос о партийном руководстве советами, выступая против осуществления систематического повседневного партийного руководства советскими организациями;

4) что они рассматривали пролетарскую партию не как единую монолитную организацию, а как некую «сумму течений», что они не понимали проблемы руководства партией, несерьезно и неверно ставили вопрос о внутрипартийной демократии.

IV. «Рабочая» оппозиция в 1924 году («медведевщина»).

По истечении почти трех лет со времени перехода к новой экономической политике «рабочая» оппозиция провела новую веху, отделяющую ее от общепартийных позиций. Мы имеем в виду платформу тов. Медведева, в его письме бакинским товарищам.

В течение этих трех лет неуклонно укреплялась экономическая основа диктатуры пролетариата; в течение этих лет социалистическая промышленность вышла из состояния чудовищной разрухи и невиданного хаоса и вступила на линию под'ема; за этот период пролетариат научился наступать на рельсах новой экономической политики, усиливая, по мере укрепления своих экономических командных высот воздействие социалистических элементов хозяйства на все хозяйство в целом.

Но новые достижения сопровождались и новыми трудностями. В 1923 году с большой остротой стал вопрос о согласовании промышленного строительства с развитием сельского хозяйства, о сжатии так называемых «ножниц» и т. д.

Правильная экономическая политика потребовала учета сложных взаимоотношений всех частей народного хозяйства и, прежде всего, обязывала к разрешению основных вопросов экономической политики под углом сохранения и укрепления рабоче-крестьянского блока. Большие теоретические и практические трудности встали перед партией в связи с разрешением вопроса о том темпе, в котором должна развертываться промышленность.

Стала совершенно очевидной глубокая правота следующих утверждений тов. Ленина:

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе подчиняющая задача новой экономической политики, это — установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, очень плохо, очень неумело, но все же начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить» (28 стр.).

Или несколько ниже:

> «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» (т. XIV, ч. 2, 29—30 стр.).

И именно эти трудности, эта необходимость повседневно учитывать, согласовывать, экономить; двигаться вперед, не зарываясь; определять темп развития промышленности в соответствии с материальными ресурсами, которыми располагает пролетарское государство, с учетом процессов, происходящих в деревне,— оказались не по душе тем партийным товарищам, которые хотели бы достичь социализма несколькими ударами, несколькими напряженными усилиями, а не длительной борьбой, а не путем систематического преодоления трудностей, встающих на пути строящего социализм пролетарского государства.

«Рабочая» оппозиция, в лице тов. Медведева, исходя из этих настроений нетерпения и боязни трудностей, договорилась до

таких вещей, которые не имеют ничего общего с ленинской политикой партии.

Тов. Ленин, как мы видели, говорил о необходимости «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса». Только такая политика, с точки зрения т. Ленина и всей партии, сможет обеспечить небывалое «ускорение этого движения» в дальнейшем. А тов. Медведев усматривает в этой политике «курс на превращение крупной госпромышленности лишь в придаток потребностям крестьянского двора».

Однако, подобное утверждение кое к чему обязывает. Оно по своему существу направлено против основ новой экономической политики, против рабоче-крестьянского блока, продиктовавшего, при переходе к хозяйственному строительству, новую экономическую политику. И тов. Медведев последователен. Он прямо и недвусмысленно выступает против новой экономической политики. Как оценивает он нэп?

> «Путем этого маневра имели в виду лишь на время, под давлением к этому жестокой необходимости, дать некоторый простор мелкобуржуазному капиталистическому напору крестьянства и неразрывно связанной с ним торговой буржуазии, чтобы вместе с тем с максимальной энергией за этот же период восстановить, упрочить материальную базу нашего господства и начать с помощью укрепленной госпромышленности борьбу с неизбежным ростом нэпа и с частным капиталом на свободном рынке купли-продажи».

Если бы здесь шла речь о необходимости борьбы с частным капиталом и сельской буржуазией, то ничего неверного в этих утверждениях не было бы. Но из всего контекста следует, что тов. Медведев говорит о необходимости отступления от принципов новой экономической политики. Он возмущается тем, что партия и представляющий ее ЦК рассматривают нэп, вслед за т. Лениным, как единственно «правильную хозяйственную политику пролетариата».

> «Теперь почти никто уже так вопроса не освещает,— негодует тов. Медведев.—Наоборот, теперь мы слышим почти сплошь чуть ли не... что «из нужды эта политика претворяется теперь в высшую политическую добродетельность. Вот, если вы примете во внимание,—продолжает тов. Медведев,—этот момент отношения к так наз. «новой экономической политике» вообще,—отношения, которое служит прямым непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных городских и крестьянских масс, в целях удовлетворения интересов которых она и была провозглашена,—то курс на превращение крупной госпромышленности лишь в придаток потребностям крестьянского двора, домашнего обихода и личных потребностей этих масс становится еще более угрожающим основным завоеваниям рабочего класса».

Итак, новая экономическая политика провозглашена не в интересах пролетариата, а только в интересах «мелкобуржуазных, городских и крестьянских масс». Тов. Медведев не понял того.

что тов. Ленин разрешал вопрос о переходе к новой экономической политике *под углом укрепления диктатуры пролетариата*, ибо глубоко прав тов. Сталин, когда он говорит:

«Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. *Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата*, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. *Крестьянский вопрос*, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, *является вопросом производным*».

Ильич доказывал при переходе к нэпу, что этот переход диктуется интересами пролетариата. Он исходил *прежде всего* из необходимости создания таких условий, при которых могла бы развиваться национализированная социалистическая промышленность. Да и сам вопрос о переделке крестьянских хозяйств разбирался т. Лениным как составная часть общего вопроса о гегемонии социалистического пролетариата в экономическом развитии СССР в переходный период. Именно об этом говорят приведенные нами выше цитаты из выступлений тов. Ленина. Но тов. Медведев вообще не стоит на точке зрения *гегемонии* пролетариата. Продолжая традиции «рабочей» оппозиции, углубляя уже сделанные ею ошибки, он считает невозможным руководство бедняцко-середняцкими массами со стороны пролетариата; он считает невозможной некапиталистическую эволюцию значительной массы сельских простых товаропроизводителей в условиях укрепившейся диктатуры пролетариата.

«Мы считаем,—пишет тов. Медведев,—что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и зависимости от международного рынка обречено на гибель. Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться—есть реакционные утопические попытки.

Выходом из такого положения этих разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил. *Та же часть деревенщины, которая остается за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации*».

Итак, бедняк и середняк, которые не заняты в промышленности, а ведут свое простое товарное производство в деревне, попадают у тов. Медведева в разряд «мужицко-кулацкой буржуазии» вместе с собственно кулаком, при чем из посылок тов. Медведева следует, что простые товаропроизводители враждебны нам «не меньше буржуазии старой формации».

Это чудовищное извращение ленинских оценок и взглядов партии лежит в основе того поистине ликвидаторского пессимизма, которым дышит все письмо тов. Медведева.

Если социализма нельзя строить, опираясь на бедноту и на основе союза со середняком; если капитализм безраздельно властвует в деревне и ему не противостоят и не могут противостоять никакие силы; если утверждение о возможности некапиталистической эволюции сельских простых товаропроизводителей

в условиях диктатуры пролетариата—иллюзия,—то нужно искать каких-то *отчаянных* попыток спасти положение вещей, то нужен какой-то *радикальный* поворот на рельсы *совсем новой* политики. Та политика, которую ведет партия, питается иллюзиями о возможности строить социализм на основе смычки с бедняцко-середняцкими массами крестьянства; с этими иллюзиями надо бороться.

«Думать, что мы можем при той роли и удельном весе рабочего класса нашей страны, которую он играет в государственной политике, собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем налогов—значит тешить себя напрасной иллюзией.

Думать же, что эти массы капитала мы сложим «из пятаков» только более бдительно,—это значит дополнить прежнюю иллюзию иллюзией мелкобуржуазных эпигонов. Для такого способа накопления нам потребовалось бы полста лет. Мы не знаем еще и примерно того, когда выберемся из дефицитности нашего госбюджета—говорить же при наличии этого обстоятельства о накоплении могут только пустые болтуны»...

В этой цитате из письма тов. Медведева постановка вопроса «рабочей» оппозиции становится замечательно ясной. «Из пятаков» (о необходимости сбережения которых для социалистического строительства говорил не кто иной, как т. Ленин) не может вырасти социалистическая промышленность, налоговый нажим со значительными материальными последствиями, пожалуй, произвести не удастся, ибо этого может не позволить крестьянство, — какой уж тут социализм! «Пустые болтуны» через год после этих ламентаций тов. Медведева добились бездефицитного бюджета; они провозгласили, далее, необходимость борьбы за режим экономии, за собирание и урывание «пятаков» на дело *индустриализации* страны, которая проводится и будет проводиться,—но этого они достигли только потому, что не слушали нытиков и действительных болтунов, твердящих в течение ряда лет во время борьбы нашей партии с величайшими трудностями о невозможности построить социализм в нашей отсталой стране.

Этого они достигли потому, что строительство социализма проводили на основе смычки пролетариата с крестьянством; потому, что правильно смотрели на пролетариат, обладающий государственной властью, как на гегемона широких масс трудящихся.

То, что тов. Медведев капитулировал перед капиталом в своих концессионных планах; то, что он говорит о Коминтерне не как пролетарский революционер, а как социал-демократ; то, что он так обеляет социал-реформистов—это является неизбежным следствием его «ликвидаторского безверия в социалистические пути развития» внутри нашей страны, это вытекает из непонимания им роли пролетариата как *гегемона* трудящихся.

V. «Рабочая» оппозиция в наши дни.

То, что тов. Медведев решился сказать против партии и ее политики в нелегальном документе, то представители «рабочей» оппозиции не решаются сказать прямо, открыто, недвусмысленно, без замазывания, перед лицом всей партии.

Тов. Шляпников, выступивший на-днях на страницах «Большевика» [1]) в защиту тов. Медведева, пытается, во-первых, доказать, что письмо тов. Медведева извращено, во-вторых, дать ряд «раз'яснений», долженствующих смягчить положения тов. Медведева. Мы не считаем необходимым отвечать здесь на обвинения в подлоге, пред'явленные со стороны т. Шляпникова ЦО, ибо эта сторона дела уже нашла свое освещение [2]).

Подчеркнем только тот факт, что даже при из'ятии из письма тов. Медведева тех мест, которых, по утверждению тов. Шляпникова, в письме якобы не было,—основные, бесспорно ликвидаторские тенденции, проявившиеся в письме тов. Медведева, остаются представленными.

И что бы потом ни писал тов. Шляпников, как бы он ни «раз'яснял» письма тов. Медведева, но солидарность с платформой тов. Медведева является солидарностью с полуменьшевистской платформой. А тов. Шляпников на всем протяжении своей статьи солидаризируется с положениями тов. Медведева, стремясь лишь смягчить эти положения, причесать их, сделать менее явной их антипартийность.

Обратитесь хотя бы к рассуждениям тов. Шляпникова по центральному вопросу о рабоче-крестьянской смычке.

Тов. Шляпников пытается убедить читателя, что он тоже за «смычку».

Но после такого утверждения он бесцеремонно на глазах читателя ревизует ленинизм в этом вопросе: он солидаризируется с утверждением тов. Медведева о невозможности некапиталистической эволюции крестьянских хозяйств в условиях диктатуры пролетариата.

> «Мы хорошо помним нашу старую борьбу с реакционными эсэровскими теориями о жизненности мелкого хозяйства, и, поскольку в сельском хозяйстве у нас существуют капиталистические отношения, мы не намерены обманывать бедноту обещаниями спасти ее карликовое «самостоятельное» собственническое хозяйство в условиях нэпа и жестокой рыночной борьбы. Редакция не опровергает т. Медведева фактами, доказывающими, что развитие нашего мелкособственнического сельского хозяйства идет по иному пути. Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства в деревне укрепились на основе частной собственности? Нет, этого сделать она не может, ибо слишком хорошо известно ныне каждому, что за два года, истекшие со времени написания т. Медведевым письма, расслоение в деревне сделало огромный шаг вперед. О судьбе этого мелкого и мельчайшего хозяйства и писал т. Медведев, его судьбой интересовался он прежде всего, а не развитием «крестьянского хозяйства» вообще, как пишет редакция. Да, крупное (кулацкое и по-современному «мощно-середняцкое») хозяйство в деревне имеет богатые перспективы, о смычке с ним хлопочет «Правда», когда упрекает нас в желании размычки. Ведь капиталистические отношения в деревне не изжиты, а поскольку они есть, законы капиталистической конкуренции продолжают действовать. Забывать об этом не следует».

[1]) См. «Большевик», № 17, 1926 г.

[2]) Смотри там же статью тов. В. Л. «Еще раз о правой опасности в нашей партии».

Разве в этом отрывке не заключается отрицание возможности некапиталистической эволюции крестьянских хозяйств на ряду с капиталистической и против нее?

Разве здесь перспективы развития крестьянских хозяйств при господстве буржуазии и при господстве пролетариата не изображаются идентичными?

Разве эти рассуждения не направлены полностью и целиком против положений тов. Ленина, особенно рельефно выраженных в статье «О кооперации»?

Разве не является центральной посылкой этих рассуждений утверждение о невозможности переделки бедняцко-середняцких хозяйств?

Разве здесь не снята крупнейшая проблема середняка, стоящая сейчас перед диктатурой пролетариата как одна из важнейших проблем нашего времени?

Нет, тов. Шляпников, при решении принципиальных вопросов нашей программы и тактики нельзя играть в прятки. Вы стоите на платформе тов. Медведева, выражая только его мысли более «деликатно».

Правда, тов. Шляпников соизволил сказать несколько слов и о кооперации, но что он сказал?

> «Редакция указывает на кооперацию, как на путь развития для мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, но явно не понимает, что этот путь развития означает отказ от перспективы развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства и лишь подтверждает высказанное тов. Медведевым положение о неизбежности гибели самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства».

Значение кооперации, согласно воззрениям тов. Ленина и нашей партии, заключается в том, что кооперирование дает возможность постепенно обобществлять развивающуюся массу бедняцких и середняцких крестьянских индивидуальных хозяйств.

Экономический рост, «перспектива развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства» становятся нестрашными постольку, поскольку эта перспектива связывается с перспективой роста кооперирования этого хозяйства и усиления на него через кооперацию воздействия пролетарского государства и его экономических командных высот.

Исторически кооперация может привести и должна привести, при благоприятных условиях, к преодолению мелкого производства: это редакция ЦО понимает лучше тов. Шляпникова.

Но суть дела в том, что тов. Шляпников, вслед за тов. Медведевым, проморгавшим кооперацию, не понимает путей кооперативного развития и соотношения роста кооперации с «развитием собственнического самостоятельного мелкого хозяйства»; суть дела в том, что вместо «переделки» у него «гибель».

С точки зрения тов. Шляпникова непременным условием развития кооперации является «обеднячение» охватываемых кооперацией крестьянских хозяйств («развиваться» бедняцкие и середняцкие хозяйства не смеют!), а с точки зрения партии, кооперация будет расти тем быстрее, чем интенсивнее она будет вовлекать в сферу своего воздействия экономически подымаю-

щиеся слои бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств, хозяйств простых товаропроизводителей. Партия подчеркивает далее и тот факт, что кооперирование, успевающее вначале преимущественно в области обращения, только постепенно будет переводить широкие массы крестьянства на путь обобществления производства, только постепенно переделывая растущее хозяйство простого товаропроизводителя.

Середняцкое хозяйство, как таковое, вообще вне поля внимания автора.

Когда он говорит «о смычке с деревней» через кооперацию и т. д., то он говорит только о смычке с бедняком.

«Смычка с середняком решается проще,—пишет он,—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод».

Пахнет ли от подобных рассуждений хоть чуть-чуть ленинской постановкой вопроса о «переделке» основной массы крестьянских хозяйств?

Существуют пролетарский город и мелкобуржуазная деревня. Пролетарский город развивается сам по себе; деревня — сама по себе. Чтобы середняки, представляющие основные массы деревенского населения, не «рыпались» против пролетарского государства, чтобы осуществлялась «смычка»,—надо «удовлетворить товарный голод» (как это сделать, при какой политике цен и т. д.— об этом тов. Шляпников не говорит).

Никаких других проблем «смычки» перед тов. Шляпниковым не встает, ибо для него ясно, что неотвратимые «законы капиталистической конкуренции» безраздельно господствуют в деревне; ибо для него очевидно, что сопротивляться этому закону невозможно; ибо, что может сделать пролетариат, по выражению тов. Медведева, «при той роли и удельном весе рабочего класса нашей страны, которую он играет в государственной политике»?

Где уж тут думать о «переделке»!

Таким образом, тов. Шляпников, солидаризующийся с тов. Медведевым, более прикрыто, более лицемерно, но представляет ту же тенденцию неприятия рабоче-крестьянского блока, тот же курс на разрыв рабоче-крестьянского блока, которые более оголенно представил тов. Медведев. А отказаться от рабоче-крестьянского блока значит, между прочим, отдать деревню на с'едение частному капиталу; значит укрепить капитализм и ослабить социализм, значит подготовить крушение пролетарской диктатуры. Куда же еще «левее»?

Оправдывая и подправляя тов. Медведева в его программе крупных уступок концессионному капиталу, тов. Шляпников вертится, как белка в колесе. Он не отмежевается от тов. Медведева, а смягчает его: он—за «малую» программу концессионных сделок. Но он же пытается оспорить положение редакции ЦО о том, что «не всякое развитие у нас крупной промышленности следует расценивать, как успех социалистического строительства».

Он усматривает в этой формуле поход против «государственно-подконтрольной крупной промышленности»; он тем самым в противоположность ЦО склоняется к тому, что «всякое развитие у нас крупной промышленности» есть «успех социалистического строительства».

Эта тенденция станет более ясной, если взять ее в связи со следующим местом из статьи тов. Шляпникова:

«...В экономике идет буквально наступление на рабочий класс. На девятом году после Октябрьской революции рабочие наших основных отраслей промышленности еще не смеют и мечтать о довоенной заработной плате».

Клеветнический характер этих писаний невольно напоминает «Социалистический Вестник», на страницах которого так долго и неудачно доказывается «превосходство» капиталистических условий труда над таковыми в «закрепощенной» советской промышленности.

Итак, «наступление на рабочий класс» ведет советское государство, одновременно пекущееся о мелкой буржуазии, исходящее в своей политике из иллюзий «мелкобуржуазных эпигонов». Но так как перерождающимся советским государством руководит коммунистическая партия, то линия партии отнюдь не является линией пролетарской революции.

«Бичуя» партийное руководство и изображая себя гонимым «левым», истинным представителем «рабочих» интересов, тов. Шляпников намекает на то, что руководящие организации партии, не позволяющие «рабочей» оппозиции развертывать ее разлагающую «работу», ведут «июльскую» политику, аналогичную той, которую вели в июльские дни 1917 г. мелкобуржуазные контрреволюционеры против пролетарских революционеров.

А в отношении редакционного фельетона «Правды» тов. Шляпников дает следующую обобщенную оценку:

«Автор фельетона совершает ныне ту же ошибку, как и большинство соглашателей и «тоже социалистов» национально-ограниченного типа в 1917 г., когда они видели опасность в левом секторе революции и не замечали ее в лагере буржуазной контрреволюции».

Если «левизна» характеризуется такой бесцеремонной клеветой на нашу партию, то не увидит ли эту «левизну» тов. Шляпников в критике нашей партии и советского государства на страницах «Социалистического Вестника», так одобрительно относящегося к выступлениям «рабочей» оппозиции? Не придется ли тов. Шляпникову, при углублении своих ошибок, зачислить в «левый сектор революции» и меньшевистских критиков нашей партии?

Тов. Шляпников солидаризировался с тов. Медведевым. Его попытки «раз'яснить» позиции тов. Медведева, причесать и пр.— не могут изменить существа дела.

«Левая» «рабочая» оппозиция, выступавшая при своем возникновении «левее» т. Ленина, умножив и уплотнив свои ошибки, приобретает на наших глазах черты правого, полуменьшевистского течения в ВКП(б).

Эволюция «рабочей» оппозиции—это яркая иллюстрация того, как «цеховое» течение в нашей партии, считающее себя застрахованным от мелкобуржуазного влияния, выступающее против всяких блоков пролетариата с мелкой буржуазией, требующее «чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм»—приходит к почти меньшевистским оценкам нашего положения,—оценкам, из которых, при последовательности, будут сделаны и практические меньшевистские выводы.

Мы пытались проследить путь «рабочей» оппозиции, разобрав четыре характернейших документа, дающих представление об эволюции взглядов идеологов «рабочей» оппозиции (1920 год, 1921 год, 1924 год, 1926 год). Из этого сравнительно-исторического обзора можно видеть, как углублялись ошибки «рабочей» оппозиции, как по мере углубления этих ошибок с платформы «рабочей» оппозиции сползала ее марксистская оболочка, и в основных установках ее платформы проявлялись меньшевистские тенденции.

Если в 1920 году—во время дискуссии о профсоюзах—неправильные неленинские оценки классовых взаимоотношений в Стране Советов еще скрывались под рассуждениями по важному, но частному вопросу о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве, то уже при переходе к нэпу эти оценки были даны «рабочей» оппозицией в более отчетливой форме по более общему политическому вопросу—вопросу о нэпе.

В этих выступлениях идеологи «рабочей» оппозиции обнаружили: 1) непонимание ленинской постановки вопроса о диктатуре пролетариата, как орудия привлечения непролетарских трудящихся масс на сторону рабочего класса; 2) непонимание политики рабоче-крестьянского блока; 3) непонимание большевистских принципов внутрипартийной организации.

Поскольку коммунистическая партия в последующий период своей политики исходила из ленинских постановок всех этих вопросов, а не из постановок «рабоче»-оппозиционных, постольку «рабочая» оппозиция через несколько лет нэпа должна была или признать свои ошибки, которые она делала в 1920—21 гг., или «констатировать» перерождение партии и советского государства.

«Рабочая» оппозиция вступила на второй путь.

И тов. Медведев и тов. Шляпников, выступившие в 1924 г. и в 1926 г., по сути дела, считают, что перерождаются и коммунистическая партия и советское государство; при этом в своих критических оценках они начинают сбиваться на меньшевистский тон.

С другой стороны, те посылки, на основании которых они приходят к таким критическим оценкам, толкают их в сторону меньшевизма и в положительной программе. Если революция в СССР не имеет внутренних сил для строительства социализма, если невозможно осуществление рабоче-крестьянской смычки, если невозможно на основе этой смычки проводить индустриализацию на «пятаки», если, благодаря этим невозможностям, и происходит перерождение,—то не лучше ли пойти на широкое привлечение концессионного капитала с большими жертвами, то не пора ли «потрезветь» и в области международной политики?

Таков путь «рабочей» оппозиции. Обозревая этот путь, всякий коммунист должен согласиться с тов. Лениным, считавшим неосновательными претензии тт. Медведева и Шляпникова на представительство интересов рабочих и выразившим это в фразе:

«Думаю, что они неправильно это название носили».

А. Зайцев.

Международная социал-демократия и оппозиция в ВКП(б).

Появление в рядах нашей партии новой оппозиции, об'единение ее с прочими, осужденными партией, оппозиционными группами, образование оппозиционного блока под общей идейно-политической гегемонией троцкизма вызвали многочисленные торжествующие отклики в стане врагов пролетариата, в частности и в особенности—в лагере международной социал-демократии.

Мы должны внимательнейшим образом следить за этими выступлениями и тщательно их анализировать. Не для того, конечно, чтобы убеждать меньшевиков. Это нужно в интересах нашей партии, для наиболее успешного и наиболее безболезненного преодоления указанных оппозиционных течений. Для того, чтобы иметь лишний, косвенный способ проверки своих оценок и перспектив. Для того, чтобы лишний раз, окольным путем, проверить ошибочность оценок, даваемых оппозицией. Для того, чтобы еще и еще раз посмотреть—куда и во что растет ее идеология.

Событиями в ВКП(б) подняты важнейшие вопросы нашей революции. В самом деле, разве это не коренные вопросы нашей революции, когда нам говорят о природе нашего государства, о характере нашего строительства, о перспективах строительства социализма, о природе нашей партии? Конечно, коренные.

На эти вопросы свой старый, т.-е. ленинский, ответ дает наша партия и Коммунистический Интернационал. Оппозиция, вместе с ничтожным меньшинством Коминтерна, т.-е. с различными группами и группочками ультра-левых и правых, пытается давать на них «свой ответ» (мы берем эти слова в кавычки; их смысл будет раз'яснен во всей этой статье в целом). И, наконец, свой ответ дает международная социал-демократия вкупе и в полной солидарности с международной буржуазией.

Ответ социал-демократии нам как раз и нужно рассмотреть, прежде чем перейти к выяснению ее отношения к оппозиционным группочкам в ВКП(б), ибо это последнее определяется оценкой смысла и задач «текущего момента».

Предварительно необходимо припомнить основные черты самой политической методологии меньшевизма, которая окрашивает социал-демократические оценки «текущего момента» в специфический цвет. Выяснение теоретических корней этих оценок поможет партии увидеть, где и как может иметь место переход от большевистского понимания социализма в нашей стране к меньшевистскому.

I. Социал-демократическая оценка нашего развития.

Легко видеть, что все перечисленные выше проблемы, поставленные перед международным пролетариатом событиями в ВКП(б), увязываются в один старый и давно знакомый нам узел.

Вопросы о характере нашего строительства, о перспективах и возможностях строительства социализма в нашей стране, о сущности нашего государства, о «перерождении» нашей партии упираются в один коренной вопрос—о природе нашей революции. Не нужно об'яснять того, что ответы на перечисленные вопросы будут совершенно различны в зависимости от того, как мы будем отвечать на основной вопрос о характере Октябрьской революции. И обратно: различные системы оценок нашего развития могут быть об'яснены только через различие в понимании природы Октябрьской революции.

Собственно говоря, у нас нет никаких сомнений в правильности ответов, которые уже неоднократно давались на эти вопросы нашей партией вообще и Лениным в частности. Но мы должны снова припомнить эти ответы, чтобы полностью и до конца уяснить себе характер тех ошибок, которые делаются оппозиционными группами в ВКП(б).

Итак, вопрос о природе нашей революции.

Как «решили» его теоретики меньшевизма?

«Всем известно»,—и об этом «сам Маркс писал»,—что для социализма требуется высокий уровень производительных сил. Россия же, как известно всем, страна технически и экономически отсталая. «Об'ективные предпосылки» для социализма в ней отсутствуют. Поэтому революция в России может носить только буржуазно-демократический характер. Ставить же задачи организации пролетарского государства и социалистического производства в стране, где пролетариат составляет ничтожное меньшинство населения, это — безумие. Враждебные столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства неизбежно покажут всю утопичность этих попыток. Партия, возглавляющая эти попытки, подвержена или гибели или—что по сути то же—неизбежному «термидорианскому перерождению».

И... все!

Уровень производительных сил и больше ничего!

Как ни гнусен, как ни похабен этот меньшевистский «марксизм», специально приготовленный на потребу империалистической буржуазии, им пробавляются и пробавлялись все так называемые «социалисты», отравляя ядом этой лакейской идеологии классовое сознание пролетариата. И большевики, как подлинные марксисты, как ленинцы, вынуждены были реагировать на него, противопоставив ему понимание действительного смысла диалектики социалистического переворота.

Приведем основные положения большевистской концепции пролетарской революции вообще, Октябрьской революции в частности.

Первое. Уровень производительных сил в мировом масштабе вполне позволяет ставить задачи социалистической революции, как непосредственно практические задачи. Доказательство: империалистическая стадия капитализма, империалистические войны, которые к тому же сами неслыханно ускоряют зрелость капитализма для пролетарской революции.

Второе. Закон неравномерного развития капитализма. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин, т. XIII, стр. 133; курсив наш. *А. З.*).

Третье. Какая именно «отдельно взятая» страна окажется первой страной победоносной социалистической революции—зависит от многих и многих конкретных условий, которых невозможно предвидеть заранее и которые нужно уметь анализировать каждый раз особо. Имеется одно единственное общее и обязательное ограничивающее условие. Оно носит практически-действенный характер. Это—степень подготовки самого пролетариата, его уменье об'единиться с деревенской беднотой, уменье его нейтрализовать и затем привлечь на свою сторону трудящиеся слои мелкой буржуазии и, в частности, трудящихся угнетенных национальностей.

При этом только опыт самой революционной борьбы может показать, имеются эти условия или нет; и здесь, как и везде, практика является критерием истины. Уровень производительных сил играет здесь роль постольку, поскольку от него зависит величина рабочего класса и его вышколенность механизмом капиталистического производства.

Четвертое. При наличии такого условия,—а оно у нас, в России, было и есть, не говоря уже о всей совокупности подходящих конкретных условий (империалистическая война, безвыходность положения рабочих и крестьян, начавшееся освободительное движение на Востоке),—при таких условиях предательством является отказ от революции под тем предлогом, что перед страной стоят еще задачи буржуазно-демократической революции. Эти последние могут решаться «походя, мимоходом, как «побочный продукт»... пролетарско-революционной, социалистической работы». Умение пролетариата об'единиться с деревенской беднотой и привлечь на свою сторону трудящееся крестьянство служит гарантией (внутренней!) «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Пятое. При наличии указанного условия предательством является отказ от революции под тем предлогом, что страна не принадлежит к числу самых передовых. Ибо, «если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?» (Ленин, «О нашей революции», том XVIII, ч. 2).

Шестое. При наличии достаточно мощного и закаленного рабочего класса отсталость страны сама по себе не может ограничить революцию пределами одних только буржуазно-демократических задач. Она может определить лишь темп и формы строительства социализма после захвата власти. При этом только опыт практической борьбы может показать, удастся ли более быстрый путь к социализму, или же придется избрать более замедленный.

Седьмое. Всем опытом революционной борьбы нашего пролетариата подтверждено, что Октябрьская революция представляет один из образцов перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Рабочий класс показал политическую зрелость, свое умение об'единиться с деревенской беднотой, умение сначала нейтрализовать, затем сплотить вокруг себя трудящиеся массы мелкой буржуазии (чего стоит один опыт создания Красной армии!). Буржуазно-демократические задачи мы решили и продвинулись вперед за их пределы, за их границы. Проделана громадная, уже чисто пролетарско-социалистическая работа, которая сводится к следующему: во-первых, революционный выход из империалистической войны, срыв империалистической бойни; во-вторых, создание нового типа государства, советского государства типа Парижской Коммуны, с максимумом демократизма для трудящихся масс, невиданного ни в одной из самых «передовых» и самых «демократических» буржуазных стран. В-третьих, удалось гигантски продвинуть дело экономического строительства социализма.

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы... Мы социализм протащили в повседневную жизнь» (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 108).

Таково большевистское понимание пролетарской революции и, в частности, природы Октябрьской революции. Всякому свежему человеку бросается в глаза, как далеко отстоит одно от другого. Там, в меньшевистском—мертвечина, здесь, в большевистском—подлинная диалектика. Здесь чувствуется биение пульса истории, там—фатализм, пассивность, отговорка от революции. Здесь—анализ всех конкретных условий, учет всех особенностей пролетарской борьбы, там—общие лакейские фразы. Здесь—подлинный марксизм Маркса и Энгельса, там—«марксизм» социал-демократов, «марксизм» меньшевистский, фаталистический, тот самый «марксизм», который, под видом настоящего марксизма, критиковал когда-то немецкий проф. Штаммлер.

Эти две концепции Октябрьской революции выступили перед международным пролетариатом, в частности и в особенности, в виде двух конкретных вопросов, связанных друг с другом теснейшей внутренней связью.

Первый вопрос: возможна ли в отсталой крестьянской России диктатура пролетариата? Можно ли в России, в конкретной обстановке 1917 года брать курс на социалистическую революцию?

Этот первый вопрос служил в тогдашней обстановке инструментом, который безошибочно указывал, кто является подлинным пролетарским революционером и кто им не является. Ответ на этот вопрос прокладывал водораздел между социалистами и «социалистами». Большевизм давал на него положительный ответ, меньшевизм—отрицательный. Ответ проверялся практикой гражданской войны и советского строительства.

Большевизм победил. Меньшевизм был побежден, его софизмы—разоблачены.

Второй вопрос, выступающий перед международным пролетариатом сейчас, в настоящую полосу развития СССР. Он гласит так: возможна ли в условиях затяжки мировой революции победа социализма в СССР? Негрудно видеть, что второй вопрос есть первый вопрос, только примененный к теперешней полосе развития диктатуры нашего пролетариата. Положительный ответ на первый вопрос влечет за собой положительный ответ на второй. Эту связь понимают не все. Ее не понимает оппозиция, и ее не понимает меньшевизм. Меньшевизм, оскандалившийся на первом вопросе, доказывает сейчас, что диктатура пролетариата у нас может быть, и была, но что теперь она перерождается и победа социализма в СССР без государственной поддержки западно-европейского пролетариата ни при каких условиях невозможна.

Как бы то ни было, теперь как раз этот второй вопрос является той лакмусовой бумагой, которая показывает, где кончается пролетарская революционность и где начинается мелкобуржуазная контрреволюционность. Ибо только два ответа возможны на этот вопрос точно так же, как и на первый. Большевистский и меньшевистский. Третьего понимания не дано. Или—или. Между ними нужно выбирать. Всякое третье понимание есть лишь одна из промежуточных станций по пути от марксизма-ленинизма к меньшевистскому «марксизму».

Водораздел между большевизмом и меньшевизмом в оценке СССР прокладывается сейчас именно этим вопросом.

Бесспорно, оба эти вопроса относятся к числу труднейших. Не даром по обоим этим вопросам даже в нашей партии обнаружились оппортунистические течения, пытавшиеся давать на них ответ в духе мелкобуржуазного реформизма. В 1917 году—по вопросу о власти, в 1925—26 году—по вопросу о победе социализма в одной стране. («Далеко не случайно» и то, что в обоих случаях эти течения возглавляются почти одними и теми же лицами).

Однако, трудно или нетрудно, но международный пролетариат поставлен сейчас перед необходимостью дать точный ответ на вопрос о построении социализма в СССР точно так же, как раньше он должен был давать ответ на первый вопрос. И международная социал-демократия напрягает все силы к тому, чтобы ответы давались в ее духе. Ей усиленно помогают связанные с оппозицией в ВКП(б) ультра-левые, которые этим самым оказались на деле ультра-правыми.

Какие же пускаются в ход «аргументы»?

Оскандалившись с вопросом о возможности диктатуры пролетариата в СССР, меньшевизм волей-неволей должен был отступить на следующую позицию. Он начал пророчествовать о провале большевизма—и об окончательном провале—на фронте хозяйственном.

Но случилось непредвиденное. Новая экономическая политика. Сначала легкое оживление хозяйственной жизни, а затем—бурный, невиданный, экономический под'ем. Пришлось меньшевизму отступать на третью линию окопов. Пришлось наскоро, на ходу выдумывать об'яснение новым фактам. «Об'яснение» было придумано такое, что хозяйственный под'ем происходит не благодаря руководству советского государства и большевистской партии, а помимо этого руководства, вопреки большевистской политике. Растет и укрепляется не социализм, а капиталистическое и крестьянское хозяйство. Рост самой государственной промышленности означает вовсе не укрепление со-

циализма, а скорее рост государственного капитализма, ибо господромышленность представляет, дескать, лишь своеобразный капитализм, находящийся под эгидой советского государства.

Понимание же общественно-классовых соотношений в СССР у меньшевиков такое:

Октябрьская революция произвела сдвиги в соотношении классов в России, уничтожив или оттеснив исторически отжившие классы и тем самым создав экономические предпосылки для буржуазного развития, движущей силой которого является, конечно, буржуазия, рождающаяся в частности из крестьянства. Однако, реализация этих экономических предпосылок тормозится диктаторским политическим строем. Буржуазия и крестьяне оказывают поэтому давление на советское государство и коммунистическую партию, вырывая у них одну уступку за другой, в результате чего происходит превращение крестьянства в господствующий класс современной России, а пролетариат оттесняется на позиции, которые, по мнению меньшевиков, соответствуют действительному удельному весу рабочего класса в экономике страны, ее населении.

Вот, например, типичное рассуждение в этом духе газеты непременного участника Лиги Наций, Эмиля Вандервельде:

> «Развитие СССР за последние годы характеризуется следующим фактом: крестьянство, притом не только бедняцкое, но и в первую голову кулацкое, стало господствующим классом. Правда, проектировали и совершали революцию рабочие и их вожди, интеллигенты. Но плоды революции пожинает крестьянство. Революция освободила их от помещиков и дала им землю. Крестьянство приняло политический, советский строй, но отказалось принять социалистический хозяйственный строй... Оно вынудило руководящих большевиков вернуться к строю полукапиталистическому... Большевистские вожди по всей линии вынуждены были уступить давлению его (крестьянства. *А. З.*), даже в тех случаях, когда интересы крестьянства явно противоречили интересам пролетариата, как класса. При так называемой диктатуре пролетариата единственным более или менее свободным классом является крестьянство. В действительности Россия отошла от «диктатуры пролетариата», и в ней развивается крестьянская демократия, где рабочему классу отводится все более и более скромное место. Рабочий класс фактически начинает играть роль оппозиции, более соответствующую его численному и экономическому значению» («Ле Пепль», 3/VIII—26 г.).

Полемизировать с этой брехней желтой содержанки Лиги Наций нет необходимости. Но посмотрите, как под оболочкой разглагольствований о «перерождении» сочится признание банкротства всей меньшевистской концепции Октябрьской революции.

Прислушайтесь к этому отрывку внимательней, и от вандервельдевского писателя, доказывавшего 8—9 лет назад, что октябрьская революция не есть пролетарская революция и что режим, рожденный в ее буре, не есть диктатура пролетариата, — вы услышите теперь, что «совершили революцию рабочие», чтобы в России была диктатура пролетариата, от которой уже «Россия отошла» (ну, конечно, отошла; не хватало еще того, чтобы Вандервельде написал, что «в России и сейчас существует диктатура пролетариата»). Вы услышите, что рабочий класс занимал у нас господствующее положение, от которого он теперь оттесняется на «роль оппозиции» (ну, конечно, оттесняется; не хватало еще того, чтобы Вандервельде написал, что пролетариат у нас и сейчас занимает командующие посты). Вы услышите, что в России был «социалистический хозяйственный строй», от которого большевики возвращаются к «строю полукапиталистическому» (ну, конечно, возвращаются, конечно—к капитализму. Еще бы Вандервельде написал, что большевики сейчас руководят строительством социализма). Вы можете узнать также, что пролетариат СССР сумел привлечь на свою сторону крестьянство, которое в результате «приняло политический, советский строй». Крестьянство «отказалось принять социалистический хозяйственный строй»,—добавляет писатель, нанятый Вандервельде. Ну, конечно, отказалось. Еще бы он написал, что при диктатуре пролетариата перед мелким крестьянским хозяйством открываются несколько иные перспективы, чем при диктатуре буржуазии.

Больше того. В навозной куче меньшевистских рассуждений вы можете разрыть даже такую «жемчужину», что большевики защищали интересы пролетариата; теперь они, большевики, уступают «по всей линии» эту позицию. Конечно, уступают; еще бы меньшевик сказал, что большевики и сейчас осуществляют пролетарское руководство крестьянством. Что бы тогда осталось от меньшевистской теории о неизбежных враждебных столкновениях пролетариата с широкими массами крестьянства.

Мы помним, что в прошлом году т. Бухарин поймал как раз «на «ефтом самом месте» даже такого социал-черносотенца, как К. Каутский (см. «Международн. бурж. и К. Каутский, ее апостол», изд. «Правда», 1925 г., стр. 29—32).

Так могучий исторический процесс, совершающийся в СССР, пробивает себе путь к признанию даже в затхлых ренегатских мозгах.

Но что же остается после этого от меньшевистской концепции Октябрьской революции?

Обратимся теперь к «Форвертсу», который по существу пишет то же самое, что и «Ле Пепль»:

> «Ныне все явственнее и явственнее выявляется тот факт, что от русской революции выиграл главным образом русский крестьянин, который хотя и оставляет еще коммунистическую партию у власти, но по мере роста своей экономической силы толкает советскую власть на путь явно частно-капиталистической крестьянской политики, в политическом отношении резко враждебной рабочему классу» («Форвертс», 27 июля).

Не менее четко выражается бывший коммунист, шведский ренегат—Хеглунд.

> «Русская компартия,—говорит он,—ведет сейчас в своей стране капиталистическую и буржуазную политику».

Если в СССР господствующим классом является уже не пролетариат, если политика советского государства и коммунистической партии ведет к усилению не социалистических, а буржуазных и мелкобуржуазных секторов хозяйства, тогда, конечно, неизбежен вывод о неотвратимом термидорианском, или буржуазном и мелкобуржуазном перерождении советского государства и коммунистической партии, о превращении большевизма в своеобразный «середняцкий большевизм»..., то бишь, в «крестьянский коммунизм». Меньшевики так и говорят. Например, орган так называемых «левых» германских социал-демократов «Лейпцигер Фольксцейтунг» пишет, что оппозиционеры

«об'единяются для общей борьбы против диктатуры крестьянского коммунизма, возглавляемого Сталиным и Бухариным» («Лейпцигер Фольксцейтунг», 4/VIII).

Неделей раньше (28/VII) тот же «Лейпцигер Фольксцейтунг» раз'яснял свою идею о «середняцком большевизме», или, что то же,—о «крестьянском коммунизме» следующим образом:

«Бухарин и Сталин,—писал он,—ныне стремятся приспособиться к существующим историческим и экономическим условиям и режим диктатуры в России заменить постепенно господством тех слоев, которые политически и экономически признаны задавать в России тон в течение целого ряда десятилетий. Мы имеем в виду крестьянство. Отсюда борьба за влияние на середняцкие слои крестьянства и возврат к мелкобуржуазной политике, наподобие той, которая проводилась во Франции в начале прошлого столетия». (Автор намекает на события после 9 термидора. Кому пошла на затычку «теория» тов. Залуцкого о термидоре! *А. З.*).

Отметим здесь кстати «высокую» политическую «грамотность» социал-демократического писаки, согласно которому «борьба за влияние на середняцкие слои крестьянства» означает «возврат к мелкобуржуазной политике». По этому методу можно, пожалуй, договориться и до того, что и Ллойд-Джордж проводил пролетарскую политику! Кто не знает, сколько сил потратила эта старая лиса на то, чтобы завоевать «влияние» на английский пролетариат? Можно договориться до того, что и социал-демократы—вместе с Шейдеманом и Носке—пролетарские борцы! Кому неизвестно, что они «боролись за влияние» на германский пролетариат, пускаясь на все, вплоть до убийства вождей рабочего класса?

В утешение «Лейпцигер Фольксцейтунг» можно, впрочем, сказать, что теоретический уровень рассуждений о перерождении советского государства и ВКП(б) до сих пор никем еще в мире не был поднимаем выше указанных фокус-покусов меньшевистского грамотея.

О том, что же, по мнению меньшевиков, представляет собой «крестьянский коммунизм» и «коммунизм 100-процентный», рассказывают нам также русские меньшевики: Далин и С. Шварц.

«Зиновьев,—пишет Далин,—хочет вернуться к 100-процентному коммунизму, он решительный противник «нэпа» и множащихся уступок буржуазии (под множащимися уступками буржуазии» Далин, очевидно, понимает решения XIV партконференции. *А. З.*). Зиновьев стоит за разрыв отношений с английскими трэд-юнионами» («Социал-демократ». 6/VIII—26 г., Чехо-Словакия).

По Далину, т. о., быть 100-процентным коммунистом означает быть «решительным противником нэпа». Стоять же за нэп означает, очевидно, «крестьянский коммунизм». Это вносит известную ясность в вопрос о «крестьянском коммунизме». Послушаем теперь С. Шварца:

«По существу,—пишет он,—коммунистическое движение есть движение крайнее... Коммунизм абстрактно революционен. В принципе он не знает компромиссов. В принципе он глумится над всякой «реальной политикой», как предательством интересов пролетариата» («Форвертс», 14/VIII).

По С. Шварцу, быть 100-процентным коммунистом значит «не знать компромиссов». С этой стороны настоящими 100-процентными коммунистами являлись, конечно, всякие «отзовисты», «ультиматисты», «левые коммунисты» и им подобные. Но каждый комсомолец знает, что все эти «левые» лишь постольку являлись «левыми» («никаких компромиссов»), поскольку они отходили от большевизма (т.-е. подлинного (без кавычек) 100-процентного коммунизма). Что же касается допущения компромиссов, то Шварц не может не знать (в кабинете Шварца в редакции «Форвертса», конечно, имеются сочинения Ленина, которые сам же он в той же статье цитирует)—Шварц не может не знать хотя бы «Детской болезни «левизны» в коммунизме», в которой весьма популярно (и доступно даже для его понимания) об'ясняется, что большевизм—против компромиссов, предающих пролетариат, но что он за компромиссы, допускаемые в интересах рабочего класса (например, Брест, нэп). И, конечно, только в устах меньшевиков, у которых нет иных компромиссов, кроме предательских, понятны разглагольствования о превращении большевизма (в результате компромиссов, идущих по линии интересов рабочего класса) в крестьянский коммунизм.

Первые крики в указанном выше духе мы услышали от меньшевиков в начале нашего перехода к новой экономической политике. Переход к нэпу меньшевики оценили следующим образом: большевики повернули назад к капитализму; Октябрьская революция оказалась все-таки буржуазной и только буржуазной; Ленин теперь сам проповедует реформистские способы действия вместо революционных. Наконец-то, Ленин почувствовал экономические реальности, наконец-то, он начинает проявлять экономический реализм.

Впрочем, обнаружилось сразу, что все это было сплошным шарлатанством. Обнаружилось по их тактике по отношению к нашей партии («экономический реализм») и группочкам, существовавшим среди большевиков, в частности «рабочей» оппозиции («экономический утопизм»), которая, как известно, сеяла панику, дезорганизуя крупнейший маневр коммунистической партии — переход к нэпу. Из вышеприведенных криков меньшевиков о повороте большевиков к капитализму можно было бы вывести, рассуждая по-человечески, что меньшевики взяли курс на поддержку «экономического реализма» Ленина. Можно было бы подумать, что они повели ожесточенную борьбу против «утопистов» из рабочей оппозиции. Но они взяли как раз обратный курс. Они повели ожесточенную борьбу против большевизма и всячески пытались подать руку «рабочей» оппозиции, подталкивая их ближе к себе.

Сейчас повторяется та же картина. Те же самые слова об «экономическом реализме», о победе «экономического реализма» Сталина и Бухарина над «утопизмом Зиновьева», крики о торжестве «национально ограниченной политики» над интернационализмом, о победе советского государства над Коммунистическим Интернационалом. («Торжествовать начинает,—«Гамбургер Эхо»,—национальная русская действительность. Старая мечта о мировой революции, возглавляемая Россией, тает». № от 10/VIII).

Проверка подлинного смысла этих инсинуаций чрезвычайно проста. Нужно приглядеться лишь к тому, как расшифровываются эти слова, и сразу выясняется политическое мошенничество меньшевиков. Вот Ф. Дан раскрывает содержание всех этих «реализмов», «национализмов» и пр. По его мнению, «за рассуждениями о победе социализма в одной стране скрывается экономический реализм, а за экономическим реализмом скрывается «стопроцентное» отстаивание диктаторских форм властвования внутри страны, превращающее самый реализм в нелепейшую утопию («Соц. Вестник», № 17—18, стр. 4). Под утопией скрывается реализм, а под реализмом—снова утопия.

А если подойти к вопросу иначе, то нужно поставить вопрос, один только единственный вопрос: кому же меньшевики пытаются подать свою руку: утопически-реалистически-утопическому большевизму или просто—утопической оппозиции; «крестьянскому коммунизму» «Сталина и Бухарина» или «100-процентному коммунизму» оппозиции? Ответ ясен. Международная социал-демократия ведет бешеную кампанию как раз против *большевистской* партии точно так же, как и при переходе к нэпу вела жесткую борьбу именно против Ленина, несмотря на его «экономический реализм», несмотря на «поворот Ленина к капитализму». Руку же свою она пытается подать как раз «100-процентному коммунизму», как раз «утопическому» оппозиционному меньшинству, точь в точь, как в 1921 г.—«утопической» «рабочей» оппозиции.

Таково отношение социал-демократии к СССР, к ВКП(б), если говорить о доминирующем, типичном, задающем тон в с.-д. печати.

Не следует только думать, что это сопровождается анализом фактов, цифр, мероприятий партии и советского государства. Меньшевики не любят фактов. Ибо фактами невозможно доказать того, чего невозможно доказать. Между фактами и социал-демократической оценкой—вопиющая разноголосица. Оценки их об'яснимы не с точки зрения фактов действительности. Они об'яснимы *только с одной точки зрения, а именно: обанкротившейся меньшевистской концепции Октябрьской революции* («буржуазная революция»).

Тем грустнее констатировать,—а это приходится констатировать,—что оппозиция ВКП(б) в своем анализе «текущего момента» берет такие ноты, которые явно созвучны меньшевистской музыке («термидор» тов. Залуцкого, «середняцкий большевизм— тов. Зиновьева, тезис тов. Троцкого о «государственной поддержке западно-европейского пролетариата», тезис о «далеко непролетарском характере советского государства», о «сходе партии с пролетарских рельс, о невозможности победы социализма в СССР при затяжке мировой революции даже при отсутствии интервенции, о роли крестьянства сейчас в развитии СССР» и пр. и пр.).

Приходится ставить вопрос: что же, выходит, что нужно свертывать знамя Ленина? Сдать в архив ленинское понимание Октябрьской революции? Вытащить из мусорной ямы истории старое меньшевистское барахло? Так или нет? А если нет, то как же вы связываете концы с концами? Ведь, даже ребенку ясно, что речь идет о ревизии ленинской концепции Октябрьской революции.

Перейдем к более подробному выяснению отношения с.-д. к оппозиционному блоку. Характерно здесь то, что это отношение наиболее ясно и откровенно формулируется *бывшими коммунистами*, ныне ренегатами. Пожалуй, понятно, почему. У «этих» имеется свой собственный, ими самими лично проделанный, опыт по части перехода от ленинизма к социал-демократизму. Они знают, *как* «это» делается. Они знают, *куда* «это» приводит. И они ликуют, видя в поведении оппозиции *оправдание своего ренегатства*.

II. За что социал-демократия хвалит оппозицию?

«Для нас, наблюдающих происходящее издалека, из Западной Европы, совершенно ясно одно: *мы на стороне оппозиции* («Unsere Stellung ist bei der Opposition», «Лейпцигер Фолькс-цейтунг» 30/VII. Курсив наш. *А. З.*).

Это слова Пауля Леви.

Ренегат коммунизма и социал-демократ Леви «*на стороне оппозиции*».

То же самое другой ренегат—Транмель. Этот еще после XIV с'езда писал, что (с *точки зрения классовой — наши симпатии на стороне ленинградской* (?!) *оппозиции*». Понятно, почему это так. Поскребите, как следует, иного оппозиционера — и вы получите Пауля Леви. Впрочем, к чему скребок? Зачем заниматься срыванием мантий, когда имеются *живые люди*, уже готовенькие и в совершенно прозрачных облачениях? Возьмите выкинутых из наших рядов—профессора Корша, Рут Фишера и К°, Оссовского. Эти люди оказались более бесстрашными и попытались быть совершенно последовательными, делая все выводы. Тем интереснее сопоставить их взгляд с приведенными выше и приводимыми ниже схемами социал-демократов. Природа какой-либо тенденции уясняется всего лучше, когда берешь ее в завершенном виде.

Вот, например, платформа группы Корша, помещенная в № 13—14 «Коммунистише Политик» (орган коршевцев) по поводу «кризиса в ВКП и Коминтерне». Прочтите следующий отрывок:

> «Ныне, когда революционное движение международного пролетариата временно отброшено назад, все отчетливее и отчетливее вырисовывается *радикально-буржуазный характер русской революции*, оставшейся изолированной в окружении мирового капиталистического хозяйства.
>
> Беспощадное отметание всех тормозящих капиталистическое развитие деревни помещичьих и феодальных рамок, национализации земли и крупной промышленности—в виду невозможности строительства социализма вследствие задержки мировой революции—и реставрация капиталистического способа производства и товарообмена—*открывают широчайшие возможности не строительству социализ-*

ма, а быстрому и основательному развитию капитализма в СССР. Это развитие идет ускоренным темпом».

И далее:

> Ей (большевистской партии. *А. З.*) суждено заботиться о возможно более быстром и основательном развитии производительных сил, что при изолированности России равно капиталистическому их развитию и росту государственного и частного капиталов, коротко говоря, капиталистическому развитию России» (курсив наш. *А. З.*).

Не ясно ли, что ультра-левый Корш равен ультра-правому социал-демократу?

А, ведь помнится, Корш начал с гораздо более умеренных заявлений. Заслуга Корша состоит лишь в том, что он не боится быть последовательным. Конечно, как и подобает ренегату, Корш пытается прикрыть свою меньшевистскую философию Октябрьской революции «ужасно революционными» фразами относительно интересов рабочего класса, неверия большевиков в его силы (точь в точь, ну слово в слово, как бывший коммунист, а теперь социал-демократ Пауль Леви в первые дни своего предательства). Для этого ренегата коммунизма, Корша, наша партия представляет собой сборище «ликвидаторов коммунизма». Оппозиции же он советует поэтому итти прямо на раскол с большинством:

> «Она (новая оппозиция. *А. З.*),—пишет Корш,—не должна отступить и перед навязываемым (!!!) ей расколом, если ликвидаторы (!) коммунизма захотят (!) увенчать свое дело этим преступлением».

Прибавьте к этому еще «оравы мелкобуржуазной челяди» Медведева и спросите себя: что, собственно, может Леви требовать от Корша еще, дополнительно? Теория меньшевизма принята, практические лозунги—тоже; ставка—что у Леви, что у Корша,—два сапога—пара (раскол партии). Что еще можно уступить меньшевизму, что?

Возьмите Якова Оссовского с его статьей «Партия к XIV с'езду» (см. «Большевик» № 14).

Что писал Оссовский? «Партия,—писал он,—оставаясь формально единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны и в том числе и капиталистических предпринимателей». Прочтите следующий отрывок, и станет яснее ясного, что Оссовский оказался переодетым Р. Абрамовичем:

> «ВКП,—пишет Р. Абрамович,—превратилась в механический конгломерат самых различных групп и течений, отражающих в себе не только все оттенки социалистической мысли—от самых левых вплоть до самых правых, но и идеологию и воззрения, а главное, интересы самых различных социальных сил и классов вплоть до капиталистических» («Социалистический Вестник», № 15—16, стр. 2. Курсив наш. *А. З.*).

Да что там Абрамович! Даже Николай Бассехес, этот корреспондент буржуазной «Фоссише Цейтунг», говорит языком Оссовского:

> «Новая экономическая политика,—говорит он, — создает групповые (Бассехес хочет, очевидно, сказать: классовые) интересы,—и эти групповые интересы естественным образом должны найти свое выражение также и в политике. На узком базисе одной единственной партии обнаруживаются идеологии различных групповых интересов. Промышленность и сельское хозяйство, вновь возникающий частный капитал, интеллигенция и государственные чиновники—все они имеют в руководящих слоях партии совершенно естественным образом своих глашатаев» («Фоссише Цейтунг» 1/VIII. Курсив наш. *А. З.*).

Н. Бассехес... Р. Абрамович, Пауль Леви... Корш... Яков Оссовский...

Где же кончается эта цепочка?..

«Мы на стороне оппозиции»—изрекает Пауль Леви. Как же ему не говорить этого после Оссовского, после Корша, после Медведева и других, им подобных?..

В чем же он, Пауль Леви, сам видит пункты, сближающие его с платформой оппозиции?

Леви смотрит в корень вещей. Он берет основные вопросы нашей революции и по ним прослеживает те пункты, где начинается отход оппозиционного блока от ленинизма по направлению к социал-демократизму.

> «Победа пролетариата,—пишет он,—не может быть одержана в одной России... Поскольку западно-европейские рабочие не последовали дерзкому прыжку русских, Россия лишена была возможности осуществить социализм».

Итак, Леви выражает свою солидарность с тем положением, что победа социализма в одной стране невозможна, ибо западно-европейские рабочие не последовали нашему примеру и не совершили пролетарской революции. Последняя мысль является, конечно, лишь более картинной, хотя и более туманной, перефразировкой известного нашей партии тезиса о «государственной поддержке западно-европейского пролетариата».

Что же касается внутренних сил, пробужденных нашей революцией, то Леви называет их «сплошной видимостью». Идея рабоче-крестьянского блока является для него лишь «коалиционной идеей».

> «Идею солидарности интересов (рабочего класса и крестьянства. *А. З.*),—пишет он,—мы считали той же коалиционной идеей, принявшей лишь иную форму. Если марксизм вообще сколько-нибудь прав в своих положениях, если история развивается диалектически, то это противоречие (интересов пролетариата и крестьянства. *А. З.*) должно было опрокинуть идею коалиции в России, как уже опрокинуло ее в Германии».

Последнее положение Леви, конечно, является прямой фальсификацией истории. Но для нас сейчас важно не это. Важно то, что Пуаль Леви ополчается (и в этом ополчении находит общие пункты с нашей оппозицией) против двух основных положений революционного марксизма в области законов пролетарской революции против возможности привлечения трудящихся масс из мелкой буржуазии к борьбе пролетариата, в частности к строи-

тельству социализма, и против возможности построения социализма в одной стране. Он чует нюхом, что как раз в этих пунктах налицо отход оппозиционного блока от позиций ленинизма:

«Часть старой большевистской гвардии,—пишет он,—и, несомненно, русский пролетариат постепенно стряхивает с себя коалиционные заблуждения и возвращается к основной идее марксизма» (Курсив наш. О каком «марксизме» может говорить ренегат коммунизма—не нужно об'яснять).

Леви усматривает—и правильно усматривает—в вопросе о рабоче-крестьянском блоке один из кардинальнейших пунктов расхождения большевизма и меньшевизма. Такой блок невозможен,—говорит меньшевик и кивает при этом головой на свой меньшевистский, в угоду буржуазии изготовленный, «марксизм». Такой блок возможен в пролетарской революции и при строительстве социализма,—отвечает на этот вопрос Ленин. Но это, по мнению Леви, означает смешение социализма с крестьянской демократией (тот самый «крестьянский коммунизм Сталина и Бухарина», о котором писал «Лейпцигер Фольксцейтунг»):

«Надо было различать две вещи,—пишет Леви,—1) возможное в данный момент; год тому назад мы писали: развертывание демократии с созданием демократической крестьянской партии; такую партию,—писали мы тогда,—пожалуй, необходимо создать, пожертвовав для этого лучшим из людей—Лениным; 2) на будущее: сохранить в рабочих массах идею социализма, как экономического строя, превосходящего ныне существующие в России возможности. Ошибкой большевиков было смешать все это в одной партии».

Леви даже думает, что «гениальный оппортунизм (!) Ленина отсрочил бы момент разрушения партийного организма замаскированным противоречием» интересов рабочих и крестьян. Он полагает, что это «замаскированное» противоречие сейчас, после смерти Ленина выступило уже наружу. Нашлась «часть старой большевистской гвардии», которая «отстаивает социализм перед натиском со стороны крестьянства». (О каком «социализме» может говорить Леви—ясно). И за такую «заслугу» Леви готов простить этой «части старой большевистской гвардии» даже те «грехи», которые резюмируются во введении нэпа, что, конечно, для Леви представляет крупнейшее грехопадение большевизма «перед натиском со стороны крестьянства».

«Пусть,—вещает Леви,—все они долгое время грешили при нэпе: мировой трибунал (при Лиге Наций? *А. З.*) не доискивается причин,—несомненен факт, что в России вновь возникает сомнительное антикапиталистическое, идущее путем классовой борьбы рабочее движение».

Предатель коммунизма восходит до пафоса. Изменник рабочего класса бьет в литавры: наконец-то в ВКП появилась группа, возглавляющая такое «рабочее движение», которое так нужно, которое так близко, которое так сродни ренегатскому сердцу!

«Возвращается к основной идее марксизма», «отстаивает социализм», «вновь возникает рабочее движение». В таких словах Пауль Леви передает содержание

того перехода, который проделывается и олицетворяется нашей оппозицией.

Социал-демократия редко удостаивает большевиков таких «комплиментов». Обычно это происходит тогда, когда кто-нибудь из большевиков начинает «сдавать». Мы помним, например, как тот же самый (помнится) Пауль Леви писал (в 1924—25 г.), что в «Уроках Октября» олицетворяется настоящий «западно-европейский марксизм». Такой же отзыв дает теперь «Нью-Йоркер Фольксцейтунг», орган другого ренегата коммунизма—Лоре, который пишет, что оппозиция Троцкого группе Сталина—Бухарина—Зиновьева в 1924—25 г. уходила корнями в марксизм. Троцкий, — думает эта меньшевистская газета,—первым делом марксист. Быть может, он—виднейший марксист среди нынешних лидеров СССР» (№ от 4/VIII).

До сих пор тов. Троцкий был в нашей партии монополистом на эти «комплименты». Теперь его монополия устранена. Теперь какой-нибудь Пауль Леви говорит уже о «части старой большевистской гвардии»... Трудные времена...

Обратимся к Р. Абрамовичу.

Этот изворотливый, как угорь, меньшевистский политик старается показать себя об'ективистом: он ни за, ни против, он против тех, и он против других, он вещает, как Моисей с горы Синая.

«Ни одна из борющихся сторон,—пишет он,—сейчас не является фактором исторического прогресса, способным спокойно вывести страну из того тупика, в который она зашла... бесплодны и исторически обречены все положительные проекты и планы как сталинского толка, так и троцкистского направления».

Но немного нужно усилий для того, чтобы обнаружить, что в крупнейших вопросах нашей революции он выражает свою солидарность с тенденциями оппозиционного блока (в вопросе о перерождении нашей партии, о перерождении советского государства, о социальной природе нашего строительства), обвиняя одновременно нашу партию в слепоте.

Вот, например, Абрамович бичует «сталинское отсутствие перспектив». Конечно, он не может бичевать этого «отсутствия перспектив». Давно известно и доказано, что для Абрамовичей перспектива строительства социализма означает отсутствие перспектив. Правда, этой критикой разоблачается тезис «Соц. Вестника» об экономическом реализме, но, ведь, шарлатанский характер тезиса был и до того известен. (Вспомните цепь: за утопизмом—реализм, за реализмом—утопизм). Послушайте вслед за этим комплименты Абрамовича нашей оппозиции:

«С какой остротой,—пишет он,—оппозиция подмечает все признаки прогрессирующего мелкобуржуазного перерождения как государственного аппарата, так и правящей партии. С какой силой разоблачает близорукость правящей группы, зарывающей голову в песок и стремящейся обмануть себя и других уверениями о том, что все «обстоит благополучно». Как справедливы нападки оппозиции, обличающие ту систему подавления всякого проблеска критики и свободы мыслей, ту духовную мертвечину, которая господствует вну-

три коммунистической партии, и ее указание на то, что при такого рода внутреннем строе революционная партия никогда не сможет выполнить тех исторических задач, которые перед ней стоят. И, наконец, как правильны ее указания на все усиливающееся влияние непролетарских элементов в советском государстве, которое благодаря этому все более и более поворачивается спиной к рабочему классу, как продавцу своей рабочей силы, и взваливает на его плечи все издержки нэпа.

Что может правящее большинство ответить на эту уничтожающую критику оппозиции, разоблачающую печальную действительность нынешней России? Ровным счетом ничего» («Социалистический Вестник», № 15, стр. 4).

Р. Абрамович учуял свое родство с Оссовским, который пишет как раз на эти самые темы и тем же в точности языком. В самом деле, неопровержим тот факт, что в статье Оссовского («Партия к XIV с'езду», см. «Большевик» № 14) содержится все то, за что Р. Абрамович хвалит оппозицию.

Но одновременно выясняется и смысл придуманной в оправдание Оссовского теории «башмака». Теперь уже ясно, теперь уже не нужно об'яснять, какой именно «башмак», какому именно «пролетариату» жмет ногу! Большевистский башмак зажал меньшевистскую лапу, и она судорожно пытается высвободиться из него,—в этом суть.

Оправдание Абрамовича—вот что получилось на деле у оппозиции в результате фракционной борьбы. И с другой стороны: трогательная благодарность идет оппозиции из меньшевистского лагеря. Меньшевизм полагает, что есть за что благодарить. Вот Ф. Дан пишет, что оппозиция:

«взращивает не только в рабочих, но и в среде рабочих-коммунистов ростки таких идей и настроений, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды». («Соц. Вестник», № 17/18, стр. 6).

Мы не будем останавливаться на выступлениях других представителей международной социал-демократии. Достаточно и этих, наиболее характерных. Если же свести преобладающие ноты в криках международной социал-демократической печати воедино, то получится следующее:

Оппозиция права, утверждая, что построение социализма в СССР из-за затяжки мировой революции невозможно.

Оппозиция права, выставляя условием победы социализма государственную поддержку западно-европейского пролетариата.

Оппозиция права, утверждая, что строй общественной экономической жизни СССР есть строй государственно-капиталистический.

Оппозиция права, когда начинает понимать, что пролетарское руководство крестьянством невозможно и что ВКП(б) держится антимарксистской «коалиционной идеи» (рабоче-крестьянского блока), которую пустил в оборот оппортунист Ленин.

Оппозиция права, утверждая, что ВКП(б) сходит с пролетарских рельс.

Оппозиция права, утверждая, что в ВКП(б) происходит процесс термидорианского перерождения.

Оппозиция права, утверждая, что политика большинства ВКП(б) означает отказ от интернационализма и переход к национал-большевизму.

Оппозиция права, утверждая, что большевизм есть (или превращается) в «крестьянский коммунизм».

Оппозиция права, утверждая, что советское государство перерождается в форму крестьянской демократии.

Оппозиция права в своем понимании нэпа как «отхода от социализма» (Далин, отчасти Транмель).

Оппозиция права в критике партийного аппарата и внутрипартийного режима.

Оппозиция возвращается к марксизму (о каком «марксизме» может говорить меньшевик—ясно).

Оппозиция несет в себе элементы исторического прогресса, поскольку борьба ее ставит вопрос о ликвидации большевистской диктатуры.

Оппозиция защищает от напора крестьянства социализм (о каком «социализме» может говорить социал-демократия—понятно).

Оппозиция представляет собой пролетарские интересы («Соц. Вестник», Транмель).

Оппозиция дословно повторяет социал-демократическую критику большевизма (Ф. Дан).

Оппозиция подготовляет умы к восприятию меньшевистской положительной программы.

Оппозиция взращивает ростки таких идей, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды (Ф. Дан).

И так далее и так далее.

Конечно, здесь, у меньшевиков, много преувеличений. Многие зародыши и тенденции в оппозиционном блоке здесь представлены, как уже готовый результат. Но не подлежит сомнению то, что меньшевизм, при всей своей тупости, правильно схватил суть самих зародышей, и тенденций оппозиции.

Оппозиция стала рупором даже меньшевистских настроений. Это—основное. Это—решающее.

За это по адресу оппозиции со страниц «Соц. Вестника» несется горячая признательность: «Своей критикой «существующего строя»,—пишет Ф. Дан,—почти дословно повторяющей критику социал-демократии, большевистская «оппозиция» подготовляет умы... к восприятию и положительной платформы социал-демократии».

Если это неубедительно, последите за поведением меньшевиков, которые имеются, правда, в ничтожных количествах, у нас в СССР. Не наблюдается ли, что эти меньшевики, действующие, несомненно, по директивам своих центров, перекрашиваются в цвет оппозиции, благо, для этого требуется немного краски. Разве они сейчас меньшевики? Упаси, боже. Они—просто оппозиционеры (вне партии). Они идут не за какими-то там заграничными «Соц. Вестниками», а за течением, существующим в самой ВКП(б).

Вы думаете, что это—случайно?

III. «Новые времена, старые ошибки в новом виде».

Большевизм «вырос, окреп и закалился», на ряду с прочим, в борьбе с мелкобуржуазным реформизмом и мелкобуржуазной революционностью. Основные черты этой последней обрисованы Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» следующим образом: «неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику», отсутствие «выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (том XVII, стр. 125).

Несмотря на общеизвестность этих истин, несмотря на богатейший опыт большевизма в борьбе с этими уклонами, эти последние, время от времени, снова всплывают наверх.

«Теоретическое, абстрактное признание этих истин,—говорит Ленин,—нисколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной—более или менее оригинальной—обстановке» (там же; подчеркнуто нами).

Это было написано в 1920 году.

Следующий, 1921 год обогатил нашу партию новым опытом, целиком подтвердившим сказанное Лениным раньше. Статья Ленина «Новые времена, старые ошибки в новом виде» как раз и подытоживает уроки партийной борьбы с указанными мелкобуржуазными влияниями в новой, оригинальной обстановке, в обстановке перехода к нэпу.

Эта статья дает очень много и для понимания теперешнего положения партии и теперешних ее задач. Ибо вопросы нэпа представляют один из важнейших предметов спора современной оппозиции с большинством партии. В известном смысле можно даже сказать, что ни одна из «спорных» в настоящее время проблем не может быть решена вне ее связи с проблемами нэпа. Отсюда понятно, что современная оппозиция, спорящая с нами по вопросам нэпа, не может не иметь родственных черт с оппозиционными группами 1921 года. Вхождение остатков бывшей «рабочей» оппозиции в оппозиционный блок 1926 года дает одну из ярких иллюстраций преемственности в идеологии оппозиций в ВКП(б). Выясненное выше отношение социал-демократов к оппозиции дает такую же иллюстрацию, с другой стороны. И если мы не хотим быть Иванами—непомнящими родства, если мы хотим иметь перспективно правильную оценку оппозиционного блока и его места в исторической цепи мелкобуржуазных шатаний внутри нашей партии,—нам нужно вновь и вновь вспомнить ленинский, 1921 года, анализ, хотя, конечно, нужно заранее быть готовым к тому, что самые формы и «облачения» этих шатаний могут быть—и не могут не быть—несколько иными, в связи с новой обстановкой, несмотря на старую-престарую, партии давно знакомую, сущность.

«Каждый своеобразный поворот истории,—пишет Ленин в этой статье,—вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата... Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики советской власти» (т. XVIII, ч. 1, стр. 302—303).

Как же характеризуются Лениным основные черты указанных «потоков» мелкобуржуазных шатаний в связи с коренными проблемами нэпа? Следующим образом:

«Основной мотив у меньшевиствующих: «большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной и Октябрьская в том числе!»..

«Основной мотив у полуанархистов, в роде немецкой «ком. раб. партии», или той части нашей бывшей «рабочей» оппозиции, которая ушла из партии или отходит от нас: «не верят теперь большевики в рабочий класс!..» (стр. 353).

Следует обратить внимание, во-первых, на то обстоятельство, что речь идет не только о явных меньшевиках, но и о «меньшевиствующих». Речь идет не только об элементах, пребывающих вне нашей партии и изо всех сил старающихся навести панику на партию извне. Речь идет также о «паникерах и крикунах» внутри нашей партии, как это явствует из прямой ссылки Ленина на неисправившуюся часть «бывшей рабочей оппозиции». Это именно к внутрипартийным «паникерам и крикунам» обращены следующие слова Ленина: «Где ваша работа, любезные, где ваши дела по реальному выдвиганию беспартийных на главный современный «фронт», на фронт экономический, на дело хозяйственного строительства?» Вот какой вопрос должны сознательные рабочие ставить крикунам. Вот как всегда можно и должно разоблачить крикунов, доказать, что на деле они не помогают, а мешают строительству хозяйства, не помогают, а мешают пролетарской революции, проводят не пролетарские, а мелкобуржуазные стремления, служат службу чужому классу.

Наш лозунг: долой крикунов!» (Там же).

По отношению же к настоящим меньшевикам у Ленина, как известно, был в это время другой «лозунг».

Во-вторых, простого сопоставления этих «меньшевиствующих» «паникеров» и «крикунов» с теперешними меньшевиствующими паникерами и крикунами достаточно, чтобы видеть идейную преемственность указанных оппозиционных течений, точно так же, как эти Корши и Урбансы в свою очередь недвусмысленно показывают свою рабскую зависимость от идеологии международной социал-демократии.

Новое в теперешней обстановке состоит лишь в том, что оба потока мелкобуржуазных шатаний выступают против большевизма об'единенным фронтом. Существует определенно выраженная тенденция к их идейному и организационному слиянию, блоку. Новая обстановка в нашем развитии (перевал от задач восстановления к грандиозным, необ'ятным задачам по реконструкции нашего хозяйства, огромные трудности, возникающие при этом, перевал в международном рабочем движении) вызывает необходимость решительной размежевки, и отсюда—тенденция к об'единенному натиску мелкобуржуазного реформизма и мелкобуржуазной революционности против большевистской тактики и идеологии. Об'единение в одном блоке троцкизма (который представляет собой лишь одну из разновидностей «западно-евро-

пейского марксизма», что в русском переводе тт. Каменева и Зиновьева в 1923—24 гг. означало попросту меньшевизм), далее *рабочей оппозиции* и так называемой *новой оппозиции* (начавшей с страшно революционных фраз и кончившей полной капитуляцией перед троцкизмом)—заставляет предполагать далеко не случайный характер указанной тенденции к «слиянию» ответвлений мелкобуржуазного давления в одно. Не случайно и то, что в этом блоке меньшевистские тенденции имеют явную гегемонию и задают тон.

Характерно то, что Ленин уже в 1921 году дает нам один (из симптоматичных, хотя и единичных тогда) примеров такого слияния или, как он выражается, «совпадения». Эту тенденцию олицетворял тогда *Леви*, тот самый Пауль Леви, которого мы цитировали выше и который, как мы видели, в настоящее время в ряде пунктов *выражает свою солидарность с современной оппозицией*.

Тогда, в 1921 году, он только еще отходил, или, вернее, только-что еще отошел от большевизма к меньшевизму.

Меньшевики тогда, как и сейчас, кричали о крахе коммунизма. «К этим меньшевикам,—говорит Ленин,—прибавился за границей бывший коммунист Леви», который «докатывается до меньшевизма по всей линии... Докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам... обратиться за помощью *ко всему* рабочему классу... *Здесь Леви совпадает замечательным образом с теми полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса...»* (стр. 356). «*Под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса»*,—добавляет Ленин,—*проводится сейчас на деле усиление меньшевистских и анархистских влияний*» (357. Подчеркнуто нами).

Как показывает опыт, такое «совпадение» меньшевистских и ультра-левых элементов отнюдь не было случайным.

Все дальнейшее развитие подтвердило полную закономерность этой, подмеченной Лениным, тенденции к «совпадению» меньшевистских и «левых» нападок на большевистскую партию. И в настоящее время мы внутри нашей партии—в лице оппозиционного блока—имеем олицетворение этой тенденции, хотя и в неполном виде. Кое в ком она нашла уже вполне завершенное и законченное выражение. Например, в *Медведеве*, из той самой «рабочей оппозиции», которая уже в 1921 году—как это установлено Лениным—показывала тенденцию перенимать меньшевистские лозунги. Этот ультра-левый Медведев говорит сейчас таким языком и выбрасывает такие лозунги, которым мог бы позавидовать любой ультра-правый меньшевик (сдача промышленности в концессию, неотвратимые конфликты между пролетариатом и крестьянством, ликвидация Коминтерна, Профинтерна, линия на слияние с социал-демократами и проч.). Не даром «Соц. Вестник» так восторженно целуется с Медведевым! Не даром орган норвежского ренегата—Транмеля—утверждает, что «рабочая оппозиция режет правду-матку в глаза, что в России нет предпосылок для строительства социализма».

Другой живой, человеческий пример—*Корш*, который еще «пущает» в воздух несколько заученных им наизусть революционных фраз, но в обосновании своих взглядов, в своей теоретической концепции стоит уже целиком и полностью на позициях меньшевизма. Революционные фразы для него служат пока-что некоторым прикрытием ренегатства (как и для Леви в 1921 г.), но недалек тот день, когда революционная оболочка, не соответствующая меньшевистскому содержанию, будет разорвана последним и выкинута в помойную яму.

Считаем лишним упоминать здесь об Урбансе, Рут Фишер, Я. Оссовском. Все они, вместе с перечисленными выше, представляют лишь воплощение различных стадий одной и той же тенденции—слияния воедино потоков мелкобуржуазных влияний на пролетариат.

Было бы кретинизмом и непозволительной близорукостью не разглядеть за этой новой формой — старой мелкобуржуазной сущности. Таков основной урок, который мы должны вывести из изучения современной обстановки на основе ленинских выводов о мелкобуржуазных шатаниях в истории нашей партии и, в частности, в период новой экономической политики. И именно такой вывод подтверждается целиком и полностью анализом социал-демократического отношения к идеологии и тактике оппозиции.

Оппозиция есть выражение мелкобуржуазного давления на партию и пролетариат. Это давление сейчас является для нас основной опасностью, особенно, если иметь в виду, что *опасность интервенции находится с ней в отношении прямой зависимости и пропорциональности*. Борьба с оппозицией есть поэтому в известном смысле борьба с опасностью интервенции извне и с опасностью консолидации элементов буржуазной реставрации внутри,—короче: это есть борьба против возможных попыток к взрыву диктатуры пролетариата. Поэтому меньшевизм и поддерживает оппозицию, несмотря на ее «утопичность», что оппозиция должна, исходя из меньшевистских оценок нашего развития, притти неизбежно к лозунгу политической демократии.

> «Историческая реальность в том и состоит,—пишет «Соц. Вестник»,—что не только *притти* к власти, но и *бороться* за нее никакая большевистская «оппозиция» не может, не поднимая *на деле* знамени восстания против диктатуры и не втягивая тем самым в свою борьбу силы, ее утопиям глубоко враждебные...
>
> В этом, а не в чем другом, заключается историческое значение «оппозиции». Социальные силы, развязываемые ею, весят на весах истории больше, чем ее суб'ективные намерения, утопии и иллюзии» («Соц. Вестник», стр. 5).

Преодоление диктатуры пролетариата и скат к буржуазно-капиталистической России («спуск на тормозах» Р. Абрамовича, см. «Соц. Вестник» № 15—16, стр. 6),—такова та программа, которая, вытекая из меньшевистской схемы, дает тон отношению меньшевиков к оппозиции. Интересно то, что и печать империалистической буржуазии оценивает оппозицию в ВКП(б) как раз под этим углом зрения.

Основная ставка меньшевиков и империалистической буржуазии—*раскол нашей партии*. Они чувствуют—и пра-

вильно чувствуют, и тов. Зиновьев в 1923 году умел показывать это партии,—что раскол партии приведет не к победе той или иной части, выросшей из раскола, а к **победе третьей силы**. И этой третьей силой, зорко стерегущей нас, является международный империализм. Мы помним, как вела себя буржуазия в дни Кронштадта, и мы знаем, как она будет себя вести при угрозе раскола партии...

Из всего сказанного следуют ясные и понятные всякому выводы.

Тот, кто поддерживает оппозицию, тот, кто ведет линию на раскол партии, организуя нелегальную централизованную организацию с ячейками и центрами, на ряду с нашей партией и внутри нашей партии,—тот действует в **прямых интересах международного империализма**.

Кто поддерживает оппозицию, тот дезорганизует **наш пролетариат**, строящий в труднейших условиях социализм и находящийся в настоящее время в полосе перехода к труднейшим задачам реконструкции хозяйства от задач простого восстановления.

Кто поддерживает оппозицию, тот дезорганизует борьбу **международного пролетариата** за пролетарскую революцию, против диктатуры буржуазии, внося в его ряды деморализацию, неверие в силы рабочего класса.

Кто поддерживает оппозицию, тот ведет к распаду ВКП(б), к распаду Коминтерна, тот действует в **интересах меньшевиков**, уже старающихся «уготовить местечко» (слова Пауля Леви) для рабочих-коммунистов в рядах социал-демократической партии.

Представители оппозиции «забывают» эти обстоятельства с легкомысленностью, граничащей прямо с преступностью.

Они должны быть призваны к порядку! Нельзя допускать и запускать игры оппозиции с единством партии и диктатурой пролетариата! Мы должны вспомнить лозунг Ильича: «Опасность велика—больше сплоченности, выдержки, хладнокровия, выкидывайте с презрением вон меньшевиствующих, эсэрствующих паникеров и крикунов» («Новые времена, старые ошибки в новом виде», т. XVIII, ч. 1, стр. 359).

От редакции.

Переживаемый нами момент, когда из среды внутрипартийной оппозиции начали раздаваться голоса с нотками ликвидаторского характера, в массе членов партии пробуждается весьма естественный и закономерный интерес к той эпохе из партийного прошлого, когда партии приходилось бороться с ликвидаторством в 1908—1914 годах.

Интерес к этому периоду вызывается также тем обстоятельством, что во главе современного оппозиционного блока стоит тов. Троцкий, который во времена борьбы большевизма с ликвидаторством являлся одним из крупнейших и активнейших вождей антиленинских, антибольшевистских группировок в социал-демократическом движении России.

Вместе с тем, оппозиционный блок внутри нашей партии в настоящий момент выявляет ряд специфических черт, которые, в известной мере и в известных пределах, повторяют черты так называемого „августовского блока" в 1912—14 годах, когда вне нашей партии создалось для борьбы с ней об'единение всех антибольшевистских и антиленинских социал-демократических групп.

Из таких общих черт достаточно указать на некоторые: отсутствие полного идейного единства в блоке, построение его на основе принципа суммы течений („живи и жить давай другим"), выступление всех групп, несмотря на их разнородность, единым фронтом против ленинизма, беспринципное прикрывание центристскими элементами блока его ликвидаторских элементов и, наконец, самые тенденции ликвидаторства.

Говоря о тенденциях ликвидаторства, имеющихся в современном оппозиционном блоке, мы отнюдь не хотим грубо упростить вопрос и поставить знак равенства между этими тенденциями и законченным, зрелым ликвидаторством меньшевиков. Но в традициях нашей партии всегда было предупреждать ошибающихся товарищей, разоблачая в зародыше опасные тенденции к оппортунизму, могущие развиться, если они не получат достаточного отпора, в законченный оппортунизм. Точно так же было бы огромной ошибкой позабывать о различии эпох, а стало быть, и о различии форм проявления оппортунизма или его тенденций в современной обстановке и в 1908—1914 годах.

Исходя из вышеизложенных соображений, редакция считает необходимым освещение в журнале того периода партийной истории, когда большевики во главе с Лениным вели борьбу с ликвидаторством меньшевиков. В настоящем номере мы печатаем: 1) статью тов. Сорина об „августовском блоке" и 2) выдержки из произведений В. И. Ленина, характеризующие отношение В. И. к „августовскому блоку".

Вл. Сорин.

Августовский блок.

Проводя аналогию между последним (XIV) и Стокгольмским с'ездами нашей партии, новая оппозиция пыталась в борьбе большевиков с меньшевиками в Стокгольме найти историческую и моральную поддержку своим фракционным притязаниям и оправдание своей кампании против ленинского ЦК и проводимой им политики. Разногласия между большевиками и меньшевиками, формально входившими в единую социал-демократическую партию, привели, как известно, в конце концов к расколу и образованию двух партий. Своей апелляцией к Стокгольмскому с'езду оставшаяся в меньшинстве оппозиция хотела сказать, что она не прекратит борьбы с большинством партии и будет бороться с ним так же, как боролись в Стокгольме и после него большевики против меньшевиков. Как потом ни пыталась оппозиция ослабить впечатление, вызванное напоминанием о Стокгольмском с'езде, и «истолковать» значение своей «исторической» аналогии, партия сумела понять подлинный смысл этого «случая со Стокгольмом».

Тактика, усвоенная оппозицией в период последнего—июльского—пленума ЦК, совместное выступление с Троцким потерпевшей на XIV с'езде поражение группы Зиновьева и Каменева, известных до того своей крайней враждебностью к «троцкистской» оппозиции, об'единение прежних оппозиционных группировок на почве общей борьбы с ЦК,—все это заставило партию вспомнить о другом историческом факте из прошлого нашей партии—именно об **августовском блоке** (1912 г.).

Что такое «августовский блок»? Союз оппозиционных и враждебных нашей партии групп и течений, созданный Троцким в августе 1912 г. для борьбы с Лениным и большевиками и просуществовавший до начала 1914 г., когда блок распался—незадолго перед войной. Почему уместно сейчас напомнить факты и идеи, связанные с августовским блоком? Потому, что история повторяется, потому, что есть известное сходство между тогдашним и теперешним положением партии, отстаивающей ленинизм против натиска об'единенной оппозиции.

Попробуем восстановить в сознании читателя некоторые моменты из истории этого пресловутого блока.

Известно, что в эпоху реакции, наступившей после поражения революции 1905 года, русская социал-демократия делилась на множество фракций и группировок, ведших между собою ожесточенную внутрипартийную борьбу. Партия, как единое организованное целое, не существовала. Не было также общепризнанного авторитетного руководящего центра. Между тем, начавшийся в России с 1910 г. под'ем рабочего движения настоятельно требовал сплочения и об'единения всех революционных элементов рабочего класса. В конце 1911 года задачу восстано-

вления партии взяли на себя большевики-ленинцы, поддержанные частью «плехановцев» или меньшевиков-партийцев,—и эту задачу выполнили: в январе 1912 г. в Праге состоялась всероссийская партийная конференция, на которой были представлены почти все действовавшие в России организации. На этой конференции большевизм окончательно оформился как **партия**: конференция провозгласила себя верховным органом, избрала ЦК и исключила из партии ликвидаторов, проповедывавших разрушение старой, подпольной революционной партии и создание новой, «открытой», легальной, приемлемой для царизма, «столыпинской рабочей партии»—как называл ее Ленин. Ликвидаторы—эта распространеннейшая и гнуснейшая разновидность меньшевизма в 1910—1914 гг.—представляли собой глубоко антипартийный элемент внутри социал-демократии, и потому они были поставлены вне рядов партии.

Пражская конференция, знаменовавшая укрепление большевизма в русском рабочем движении и прошедшая под знаком безраздельного господства принципов революционного марксизма, вызвала бурю негодования со стороны ликвидаторов, «националов» (польские, латышские и еврейские социал-демократы) и остальных социал-демократических направлений и течений: «Голос социал-демократа» (заграничные ликвидаторы), «Вперед» (отколовшиеся от большевиков «левые»), «За партию» («большевики»-примиренцы), «Правда» Троцкого, издававшаяся в Вене (не смешивать с той, основанной Лениным «Правдой», которую читатель держит сейчас у себя на руках), плехановский «Дневник социал-демократа» и др. Все эти заграничные группки в один голос проклинали «узурпаторов» и заявляли о своем «непризнании» ленинской конференции.

На почве общей ненависти к большевизму в ликвидаторской и близкой к ней среде возникла мысль о создании, путем созыва особой конференции, нового об'единения, новой партии в противовес ленинской конференции и избранному на ней ленинскому ЦК. Хотя формально инициатива по созданию блока непартийных и оппозиционных большевизму группировок принадлежала латышским ликвидаторствующим социал-демократам, но душою блока, его главным организатором и вдохновителем, наконец, его главной литературной силой был Троцкий и его кружок, принадлежавший к числу тех заграничных кружков, о которых Ленин писал, что они «колеблются то туда, то сюда, занимаются торгашеством, но не представляют никакого направления, и их деятельность проявляется прежде всего в пустом интриганстве; к этим группам принадлежит также и «Правда» Троцкого» (т. XII, ч. 1, стр. 84—85). Все, что накопилось в социал-демократии реформистского и оппортунистического или «левого», «обиженного» большевиками, все это теперь заговорило о необходимости об'единения и борьбы с большевиками-ленинцами. «Удастся ли ликвидаторам создать «открытую» партию,—писал Ленин в апреле 1912 г., наблюдая деятельность различных группировок,—или они состряпают фиктивную партию на основе какого-нибудь лживого компромисса,—даст ответ будущее» (XII, ч. 1, стр. 87).

Все первое полугодие 1912 г., до августа месяца, заполнено небывалой суетней и возней заграничных группок по сколачиванию антибольшевистского блока: ведутся переговоры,

устраиваются совещания, вырабатываются платформы и резолюции, рассылаются агенты по русским организациям. Несмотря, однако, на «героические» усилия блока, сплотить всех и вся для борьбы с ленинцами не удалось: блок оказался неполным. Чтобы не возвращаться позже к вопросу о составе августовского блока, перечислим здесь те направления, из которых этот блок составился. Это, прежде всего, ликвидаторы, которым принадлежала, как это показал Ленин, гегемония в блоке; затем еврейские (Бунд) и латышские социал-демократы, поддерживавшие ликвидаторов; ликвидаторский «Голос социал-демократа» (Мартов, Аксельрод, Дан); группа Троцкого; грузинские меньшевики. Стремясь расширить единый фронт против ленинцев, оппозиция не остановилась даже перед тем, чтобы втянуть в блок «Польскую партию социалистов», которая не входила в социал-демократию и по своим воззрениям стояла гораздо ближе к русским эсэрам, чем к соц.-демократам, но, конечно, для борьбы с большевиками являлась желанным союзником. Об'единиться с «пепэсовцами», впрочем, не успели, и те сидели на августовской конференции только в качестве гостей, с «правом участия в дебатах». Польская социал-демократия сначала обнаружила намерение принять участие в блоке, но увидя, что дело идет об организации и сплочении правых элементов социал-демократии и что конференция будет носить ликвидаторский характер, отказалась войти в созданный участниками блока Организационный Комитет (О. К.) по созыву новой конференции. Группа «Вперед» ревностно поддерживала кампанию по созданию блока и даже послала на августовскую конференцию своего представителя—небезызвестного Г. Алексинского. Однако, на конференции царила такая атмосфера ненависти и злобы к большевикам, что даже Г. Алексинского—как-никак считавшего себя «левым»,—стошнило после одной речи Мартова, и он сбежал с конференции. Наконец, группа «За партию», после некоторого колебания и Плеханов—вообще отказались участвовать в августовской конференции. Позиция Плеханова чрезвычайно важна и показательна: Плеханов прямо заявил, что на конференции будут представлены «непартийные» и «антипартийные» элементы, собирающиеся учредить новую партию, а он, Плеханов, стоит за старую партию и потому на ликвидаторскую конференцию не пойдет. Ленин полностью солидаризировался с плехановской оценкой блока. «Плеханов,—писал Ленин,—выяснил: 1) что конференция предполагается «учредительной», т.-е. конференция не РСДРП, а некоей новой партии; 2) что в основу ее созыва положен «анархический» принцип; 3) что конференция созывается ликвидаторами» (XII, ч. 1, стр. 94).

Таким образом, в блок не вошли или из блока отпали польские социал-демократы, плехановцы, впередовцы и «большевики»-примиренцы, то-есть группы и течения, в которых соображения партийности взяли в конце концов верх над враждебностью к ленинцам и которые, при всем своем расхождении с большевиками, не сочли все же возможным для себя принимать участие в организации правого крыла. В блоке, в конечном итоге, оказались троцкисты и ликвидаторы разных оттенков.

На ряду с практическими шагами по подготовке августовского блока и созыву ликвидаторско-троцкистской конференции (в Брюсселе) на страницах меньшевистской, троцкистской, «впередовской» и иной, враждебной большевизму, прессы, организуется бешеная травля Ленина и ленинского ЦК вплоть до обвинения в «расхищении» и «захвате общепартийных средств». Центром этой литературно-агитационной кампании являлась «Правда» Троцкого.

Большевики исключили из партии ликвидаторов; горячо поддерживавшие ликвидаторов троцкисты об'явили эту абсолютно необходимую со стороны революционеров меру—«расколом», ленинскую политику по отношению к ликвидаторам—«раскольнической». Ликвидаторам, проводникам буржуазного влияния в рабочем движении, только того и надо было, чтобы их оставили в партии, как «одно из течений», и дали свободу разлагать партию изнутри. Практически агитация троцкистов в период августовского блока сводилась к двум пунктам: расписывание большевиков в самом черном свете, как раскольников и злостных фракционеров, как врагов «единства», и защита изгнанных из партии ликвидаторов, доказывание необходимости об'единения с ними.

Непримиримую борьбу ленинского ядра против оппортунистов и реформистов во имя создания и сохранения крепкой революционной партии венская «Правда» об'явила «пристрастно-кружковой, раскольнической, уродливо-сектантской» политикой, которая «ведет в ужасающий тупик» (венская «Правда» № 25). Нежелание большевиков входить в одну партию с ликвидаторами выводилось из побуждений «фракционно-кружкового самосохранения». Что такое ленинская партия? «Кружок, интересы которого противоречат интересам развития партии», кружок, который «только смутой и хаосом может жить и питаться». «Литературная группа т. Ленина,—писала венская «Правда»,—всеми средствами отстаивает, оправдывает и углубляет раскол в партии» (№ 24). Зато свою многостороннюю «нефракционную» деятельность по созданию блока с ликвидаторами против ленинцев троцкисты именовали—совсем скромно и отнюдь не рекламно—борьбой «за единство»... единство с антипартийными элементами.

Венская «Правда» излагала дело так, будто «все» хотят единства и «только группа ленинцев, недавно созвавшая свою фракционную конференцию, пытается стать поперек дороги партийному об'единению» (венская «Правда» № 24). Венская «Правда» фальшивила. «Нечего играть в прятки,—писал Ленин,—и говорить об «об'единении» вообще, когда речь идет, по сути, только об об'единении с ликвидаторами» (XII, ч. 1, стр. 45). Для партии пролетариата пойти на об'единение с ликвидаторами—значило отказаться от своей революционной программы, сойти с почвы марксизма, стать на путь беспринципных идейных сделок. Ленин и большевики не испугались единого оппозиционного фронта и угроз «изоляции». Соглашению «верхушек» они противопоставили единство «низов». Во все время существования августовского блока и борьбы с ним большевиков, большевики боролись за единство рабочего класса, рабочих масс на основе революционных лозунгов и революционной политики, и они добились сплочения вокруг нашей партии громадного большинства рабочих. Ни малейших принципиальных уступок Ленин не допускал—и потому наша партия победила в борьбе с августовским блоком.

«Попытки создать «единство» «соглашением» или «союзом» таких интеллигентских групп,—писал Ленин,—которые на деле проводят тенденции, вредные рабочему движению (народничество, ликвидаторство и т. п.),—такие попытки ведут лишь к полному разложению и бессилию. Только против этих групп, группок и групп очек складывается (в тяжелой борьбе, неизбежной при буржуазной обстановке и тьмы мелкобуржуазных шатаний) действительное единство рабочих масс, руководимых большинством сознательных пролетариев» (XII, ч. 2, стр. 303).

«Никаких заигрываний с ликвидаторами, никаких дипломатических переговоров с кружками разрушителей целого [1]),—и все силы на сплочение рабочих-марксистов вокруг марксистских лозунгов, вокруг марксистского целого» (XII, ч. 2, стр. 433).

«Мы утверждаем,—писал Сталин спустя некоторое время после возникновения августовского блока, — что прочным будет только то единство, которое создадут сами рабочие на фабриках и заводах. Лозунгом тех, кто хочет действительно единства, должно быть: единство снизу. Начать с другого конца—с дипломатических «переговоров» с руководящей группой ликвидаторов—значило бы отдалить, а не приблизить единство» («Правда»—петербургская, большевистская—№ 31, 1913 г.). Вместо сговора группок на основе гнилых компромиссов—реальное единство рабочих масс на почве революционной программы,—такова была политика партии в отличие от дипломатии «об'единителей».

Насколько враждебно относилась венская «Правда» к большевикам, настолько же благожелательно — к ликвидаторам. Вокруг О. К.,—писала «Правда» Троцкого,—об'единяется теперь все, что есть живого и жизнеспособного в рядах социал-демократии» (№ 24). В числе этих «живых» и «жизнеспособных» были ликвидаторы, но не было Ленина. Без ликвидаторов троцкизм вообще не мыслил себе новой партии и созываемой для ее учреждения конференции. Участие ликвидаторов в конференции, — заявила венская «Правда» в одной из своих резолюций,—является одним из необходимых условий ее полноты и жизнеспособности ее решений» («Листок О. К.» № 1).

Агитируя за созыв конференции, долженствующей противостать ленинской конференции в Праге, троцкисты и ликвидаторы попутно сформулировали те организационные принципы, на основе которых должна быть построена новая, «широкая» партия. Кампания по подготовке конференции шла под лозунгом «равноправия» всех течений и направлений в социал-демократии, ликвидаторов—в первую очередь. Троцкистско-ликвидаторский Организационный Комитет провозгласил «единство всех течений и организаций, единство всей социал-демократии на почве общего и равного для всех партийного права» («Листок О. К.» № 1). Итак, широчайшая и идеальнейшая «демократия» антипартийные элементы, «изменники» революции, как называл ликвидаторов Ленин, получали «право», совместно с враждебными большевизму группами, определять и решать судьбы революционного пролетариата на том только основании, что ликвидаторы сами себя называют «социал-демократами»—членами партии. Ликвидатор «равноправен» ленинцу, революционер—реформисту,—таков принцип, которым хотели руководствоваться при построении новой партии. А поскольку большевики не пошли и не могли пойти на поклон ликвидаторам, поскольку инициаторы и организаторы августовского блока нашли возможным и допустимым строить новую партию совместно с ликвидаторами против большевиков, постольку теория «равноправия» ликвидаторов с революционерами весьма быстро уступила место другому принципу, больше отвечавшему действительным воззрениям и настроениям троцкистов: ликвидатор дороже и ценнее ленинца; без ликвидаторов обойтись нельзя («жизнеспособны»!), без большевиков-ленинцев («воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия»—резолюция венской «Правды» в «Листке О. К.» № 1)—можно.

Венская «Правда» уверяла публику, что партия не может доверять такому центру (О. К.), который состоял бы из единомышленников, например, ленинцев: это будет «фракционный» О. К. А вот, если в такой О. К. войдет «латыш, бундист, поляк, кавказец (т.-е. грузинский меньшевик), большевик (т.-е. большевик—«примиренец»), плехановец, ленинец, впередовец и проч». [1]) (№ 25)—тогда другое дело: это будет «нефракционное» учреждение. Венская «Правда» не против ввода большевиков в центр, но только с условием, чтобы они составляли в нем не больше $^1/_{10}$.

На опасливый вопрос колеблющихся: не откроет ли такой замечательный центр двери врагам партии—ликвидаторам, венская «Правда» отвечала следующей, одновременно возвышенной и патетической речью, которую стоит привести целиком: «На это мы отвечаем: кто поручил вам верховный контроль над всеми остальными течениями партии? Кто вручил вам ключ от ворот партии, точно победителю от ворот побежденного города? Кто дал вам право допускать одних и исключать других? Откуда у вас это помазание? На каком основании вы осмеливаетесь требовать, чтобы все остальные течения отказались от своего права отличать врагов партии от ее друзей и раз навсегда переуступили эту заботу вам, на каком основании? по какому праву?» (№ 25).

Таково обоснование троцкизмом «естественного права» ликвидаторов и прочих «элементов» сидеть внутри партии и безнаказанно разлагать ее. Стоит ли говорить, насколько это понимание партии, как суммы «равноправных» течений, как федерации разнородных групп и группок—безконечно далеко от ленинского учения о партии, требующего единства партии на определенной идейной основе.

Созванная с такой помпой августовская конференция должна была, по мысли ее вдохновителей, доказать «фракционерам» из ленинского ЦК, что ликвидаторы такие же социал-демократы, как и все другие (это только «фракционное ослепление» побуждает незаслуженно клепать на невинных ликвидаторов!) и что совместно с ними вполне можно проводить «революционную» политику не хуже большевиков. Однако, выработанная августовским блоком якобы «нефракционная» платформа оказалась, как это доказано Лениным, насквозь реформистской, оппортунистической. Ликвидаторы вели свою линию и вели за собой троцкистов. Об'ективно служебная функция троцкизма внутри блока заключалась в прикрытии и маскировке реформистской, ликвидатор-

[1]) «Целое»—название нелегальной партии на языке подцензурной печати.

[1] «Прочие»—т.-е. не названный по дипломатическим соображениям ликвидатор и по вполне понятной авторской скромности—троцкист.

ской сути платформы революционной фразеологией и терминологией. Потребная ликвидаторам реформистская либеральная тактика в своей грубой, обнаженной форме не могла рассчитывать на успех среди рабочих; поэтому надо было ее так расписать и разукрасить, чтобы «реформизм» имел «революционную» внешность, чтобы принявший сию тактику рабочий, действуя как реформист, чувствовал бы себя, однако, революционером. Прикрашивание реформизма выполнял внутри блока троцкизм.

История августовского блока лишний раз доказывает, что об'ективная логика развития сильнее суб'ективных намерений и пожеланий. Троцкисты, как таковые, мечтали позвыситься над «односторонностью» и «крайностями» большевиков и ликвидаторов, выступив в роли «нефракционных» об'единителей и примирителей. Поскольку, однако, троцкисты заняли враждебную большевизму позицию, они ходом развития должны были скатиться и скатились к ликвидаторам—антиподу большевиков, приняв их программу и превратившись в «подголоска» ликвидаторов—по определению Ленина.

И действительно, у троцкистов выбора не было: поскольку боролись две главных основных силы—большевики и ликвидаторы, постольку всякая промежуточная группа, повернувшая против большевиков, как троцкисты, неизбежно оказывалась в лагере ликвидаторов, неизбежно должна была служить службу ликвидаторам, крайнему правому крылу в рабочем движении.

Меньшевики прекрасно понимали «об'ективную логику» борьбы. «Ему (Троцкому) уйти от ликвидаторов и нас некуда»,—писал меньшевик Мартов меньшевику Аксельроду (16 мая). Тот же Мартов в письме к меньшевику Чацкому того же числа вполне правильно охарактеризовал об'ективно неизбежную капитуляцию троцкизма перед ликвидаторством: «Сила вещей заставляет Троцкого итти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком-то «синтезе» между историческими меньшевиками и историческими большевиками. Благодаря этому и благодаря противоречию его движения намеченной им схеме он не только попал в лагерь «ликвидаторского блока», но и вынужден занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину». Мартов был прав.

Августовская конференция оказалась не «нефракционной», а ликвидаторской, это была «лживая вывеска, прикрывающая новым нарядом тех же обанкротившихся ликвидаторов» (XII, ч. 2, стр. 410). Ликвидаторы торжествовали на конференции полную победу. «Дипломатическое «примирение» ликвидаторских взглядов с партийными, разыгранное Троцким на ликвидаторской конференции, ровно ничего на самом деле не «примиряет» (XII, ч. 1, стр. 318). Ликвидаторы, как были, так и остались ликвидаторами, несмотря на весь блеск и позолоту троцкизма.

Посмотрим теперь, как осуществлял августовский блок соединение практической политики ликвидаторства «с революционными» виньетками и завитушками троцкизма. Берем несколько пунктов.

1. Революция и республика. Большевики ближайшую задачу пролетариата видели в низвержении самодержавия и замене его демократической республикой. В этом именно направлении велась вся агитация и пропаганда нашей партией. Ликвидаторы же в революцию не верили и пролетариат к ней не готовили, воспитывая рабочих в духе борьбы за реформы, за «права», за улучшение третье-июньского режима, за сохранение обновленной монархии. Поэтому на августовской конференции меньшевики попроще без дальних околичностей внесли предложение вообще снять лозунг республики, как непрактичный, но более опытные лидеры признали невыгодным не упомянуть республику в платформе. Республику оставили, но в виде фразы, в виде «уходящей в даль перспективы», безразличной для текущей практической политики, а ближайшей задачей пролетариата, на которой он должен был сосредоточить все свое внимание и все силы, выставлена борьба за конституционные реформы, т.-е. как раз то, что требовалось ликвидаторам.

2. «Свобода коалиции» и «петиционная кампания». Грандиозное стачечное движение, возникшее после ленских расстрелов и носившее ярко выраженный революционный характер, означало, по сути дела, новый (после 1905 г.) революционный под'ем, направленный к низвержению самодержавия. Такова была вполне правильная оценка положения большевиками. Троцкисты и ликвидаторы не понимали революционного значения апрельско-майского стачечного движения. В полном согласии с ликвидаторами Троцкий заявил, что «основой» ленских событий и последовавших затем бурных событий, является борьба рабочих всего-навсего за право союзов и стачек (свобода коалиций) и что это требование (а не требование низвержения самодержавия) «стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата». Ленин безжалостно разоблачил насквозь либерально-реформистский характер этой оценки.

По той же линии идет и пресловутая «петиционная» кампания ликвидаторов, противопоставленная борьбе за революционные лозунги и поддержанная Троцким.

3. Аграрный вопрос. В то время, как наша партия одним из «главных избирательных лозунгов» провозгласила конфискацию всей помещичьей земли, августовский блок конфискацию сослал «в перспективу», а в «очередное» требование включил лишь «пересмотр аграрного законодательства III думы»—требование вполне приемлемое для либералов.

4. Строение партии. Августовская конференция приняла решение о «преобразовании социал-демократии в самоуправляющуюся (!) организацию». После раз'яснений венской «Правды» мы уже знаем, что это «самоуправление» сводится к федерации «равноправных» течений, к раздроблению партий на ряд групп и группочек.

Составленный из разнородных элементов, об'единившихся на почве общей ненависти к большевикам, августовский блок после полуторагодичного существования начал распадаться на свои составные части. Из блока сначала вышли представители полевевшей латышской социал-демократии, заявившие о том, что «примирители (участники августовского блока) сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов», затем выделилась и группа Троцкого. Августовский блок не смог, как предполагал, парализовать деятельность нашей партии, но он затруднил ее работу, создав прикрытие для ликвидаторов, облегчив проникновение ликвидаторских идей в рабочее движение под маской «ррреволюционности» и задержав тем самым на некоторый срок конечную победу большевизма. Об'единение враждебных большевизму элементов, оформившихся в виде августов-

ского блока, создало в свое время громадную опасность справа для нашей партии. Партия эту опасность преодолела. Ни у Ленина, ни у большевиков ни на одну секунду не возникло колебания насчет необходимости и обязательности непримиримой идейной и организационной борьбы с «блоком». Ленин не убоялся союза «всех групп и течений», противопоставив ему сплоченность большевиков и последовательно выдержанную революционную политику партии. Неверие в революцию и дешевенький скептицизм насчет ее необходимости и неизбежности; оплевывание революционных стачек, как «стачечного азарта»; сосредоточение внимания рабочего класса на реформах и частичных правах, вместо низвержения самодержавия; стремление к созданию новой партии, взамен старой, революционной; теория «равноправия» течений,—все эти идеи и идейки августовского блока были безжалостно вскрыты и разоблачены большевиками. Рабочий класс пошел не за блоком, а за партией.

В новой исторической обстановке, на новом этапе движения партия в борьбе с об'единенной оппозицией сумеет учесть опыт своего прошлого, в том числе и уроки троцкистско-ликвидаторского августовского блока.

Ленин об августовском блоке.

(*Отрывки из статей*).

Об избирательной платформе «августовского блока».

Взгляните на платформу ликвидаторов. Ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить и показаться даже «примирением» ликвидаторов с партией. Но самое небольшое внимание быстро рассеет такой самообман.

Платформа ликвидаторов писана после майских стачек и летних попыток восстания. И мы прежде всего спрашиваем, ища делового реального ответа на вопрос о сути этой платформы: как оценила она эти стачки и эти попытки?

«Экономический под'ем»..., «ростом своего стачечного движения пролетариат отметил грядущее наступление нового общественного под'ема...», «могущественное апрельское движение пролетариата с требованием свободы коалиций»,—вот все, сказанное ликвидаторами в платформе об апрельско-майских стачках.

Но ведь это же неправда! Это—вопиющее извращение дела! Здесь опущено главное, именно, революционный характер политической стачки, направленной как раз не к завоеванию одной из конституционных реформ, а к свержению правительства, т.-е. к революции.

Как могло быть, что в нелегальной, революционной, полной «красных» фраз прокламации сказана такая неправда? Это должно было быть так, потому что так смотрят либералы и ликвидаторы. Они видят в стачках то, что им хочется видеть,—борьбу за конституционные реформы. Они не видят того, чего не хотят видеть, т.-е. революционного под'ема. За реформу мы, либералы, хотим бороться, за революцию нет,—вот та правда классовой позиции, которая нашла себе выражение в неправде ликвидаторов.

Про попытки восстания мы читаем: «...солдат в казарме насилием, унижениями, голодом доводят до вспышек отчаянного протеста, а затем усмиряют свинцом, веревкой» и г. д....

Это—либеральная оценка. Мы, революционные социал-демократы, в попытках восстания видим начало восстания масс, начало неудачное, несвоевременное, неправильное, но мы знаем, что масса учится успешному восстанию лишь на опыте неуспешных,—подобно тому, как русские рабочие рядом неуспешных и иногда особенно неудачных политических стачек 1901—1904 годов научились удачной стачке октября 1905 года. Рабочие и крестьяне, наиболее забитые казармой, начали восставать, говорим мы. Отсюда ясный и прямой вывод: им надо раз'яснить, во имя чего и как следует готовить успешное восстание.

Либералы судят иначе: солдат «доводят» до «вспышек отчаянного протеста», говорят они. Для либерала повстанец-солдат—не суб'ект революции, не первый вестник восстающей массы, а об'ект правительственного зла («доводят до отчаяния»), служащий для демонстрации этого зла.

Посмотрите, как плохо наше правительство, когда оно доводит солдат до отчаяния и потом усмиряет свинцом, говорит либерал (вывод: вот ежели бы мы, либералы, были у власти, у нас бы не было солдатских восстаний)...

...Они (т.-е. ликвидаторы, авторы платформы. *Ред.*) «раз'ясняют» вслед за этим программу нашей партии.

В программе РСДРП стоит:

«...РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечила бы: 1) самодержавие народа...» и т. д.,—следует перечень «свобод» и «прав».

Казалось бы, этого нельзя не понять. «Ближайшая» задача низвержения самодержавия и замена его республикой обеспечивает свободы.

Ликвидаторы все это переделали.

«...Социал-демократия,—читаем мы в их платформе,—призывает народ бороться за демократическую республику»...

«...Стремясь к этой цели, осуществить которую народ сможет лишь в результате революции, социал-демократия в настоящей избирательной кампании (слушайте!) зовет трудящиеся массы сплотиться вокруг следующих очередных требований: 1) всеобщее и т. д. избирательное право... при выборах в государственную думу» и т. д...

...Они не отказываются от лозунга республики,—какая клевета! Они только «раз'ясняют» его надлежащим образом, руководясь очевидными для всякого обывателя соображениями. Будет революция или не будет, это еще вопрос,—говорит обыватель попросту, и повторяет Троцкий по-ученому в «Нашей Заре» (№ 5, стр. 21) [1]). Республика «лишь в результате революции», а «в настоящей избирательной кампании» «очередными» являются конституционные реформы!

«Все вышло так гладко: республика и признана—и отодвинута вдаль. Ррреволюционных слов наговорено с три короба,—а на деле «в настоящей избирательной кампании» (платформа вся пишется только для этой настоящей кампании!) «очередными» выставлены [2]) требования реформ.

Да, да, большие «дипломатических дел мастера» сидели на ликвидаторской конференции... И лицемерные же эти мастера...

Те же, кто массам проповедует свой пошлый, интеллигентский, бундистско-троцкистский скептицизм: «будет ли революция или нет, неизвестно, а на «очереди»—реформы,—те сейчас уже развращают массы, проповедуют массам либеральные утопии (статья «Платформа реформистов и платформа революционных с.-д.», т. XII, ч. 1, стр. 313—317).

---

[1]) «Наша Заря»—главный орган ликвидаторов (*Ред.*).

[2]) Здесь опечатка: в тексте вместо «выставлены» напечатано «вытравлены». (*Ред.*).

О лозунге «борьба за свободу коалиций».

23 апреля (6 мая) в Вене Троцкий, божась и клянясь, что он «об'единяет», проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций является основой» (!!) ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в центре (!!) революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль,—«представителями всех организованных рабочих С.-Петербурга, социал-демократической группой «Об'единение», «Центральной социал-демократической городской группой», «группой рабочих с.-р.», «группой рабочих с.-д.» и «представителями майских комитетов» [1]).

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба (ст. «Лозунги Всер. Конф. РСДРП в январе 1912 г. и майское движение». Том XII, ч. 1, стр. 183).

Роль Троцкого в «августовском блоке».

До выхода «Борьбы», редакция «Северной Рабочей Газеты» [2]) напечатала злую заметку: «Действительная физиономия этого журнала, о котором в последнее время довольно много говорили в марксистских кругах, для нас остается пока еще невыясненной».

Подумайте только, читатель: с августа 1912 года Троцкий числится в главарях августовского об'единительного блока, но уже весь 1913 год показывает его отстранение от «Луча» и «лучистов». В 1914 году этот Троцкий основывает свой журнал, продолжая фиктивно числиться и в «Северной Рабочей Газете», и в «Нашей Заре». «В кругах довольно много говорят» о скрываемой ликвидаторами секретной «записке» Троцкого против лучистов, господ Ф. Дана, Л. Мартова и тому подобных «незнакомцев».

А правдивая нефракционная и об'единительная редакция «Северной Рабочей Газеты» печатает: «Для нас физиономия еще не выяснена!»

Для них еще не выяснено, что августовский блок распался!!

Нет, господа Ф. Дан, Л. Мартов и прочие лучисты, для вас это превосходно «выяснено», и вы просто обманываете рабочих.

Августовский блок оказался, — как мы говорили тогда же, в августе 1912 года, — пустым прикрытием ликвидаторов. Он разорван. Не удержались вместе даже русские его друзья. Пресловутые об'единители не сумели даже об'единиться между собой, и получилось два «августовских» направления: лучистское («Наша Заря» и «Северная Рабочая Газета») и троцкистское («Борьба»). Оба держат по кусочку разорванного ими «общего

---

[1]) Ленин имеет в виду здесь прокламацию, изданную собранием представителей всех организованных рабочих Петербурга перед 1 мая. Прокламация содержала все главнейшие революционные лозунги (*Ред.*).

[2]) Газета ликвидаторов (*Ред.*).

об'единенного» августовского знамени—и оба охрипшим голосом кричат: «единство»!

Каково направление «Борьбы»? Об этом Троцкий написал громадный фельетон в № 11 «Северной Рабочей Газеты», но редакция ликвидаторской газеты очень мягко ответила ему, что «физиономия попрежнему не выяснена».

Действительно, у ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Седова, Л. Мартова, Ежова, Потресова и К°, знает эту физиономию.

У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, перемётывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда.

Ни по единому спорному вопросу нет в «Борьбе» ни одного живого слова.

Это невероятно, но это факт.

Вопрос о «подполье». Ни словечка.

Разделяет ли Троцкий идеи Аксельрода, Засулич, Ф. Дана. Л. Седова (№ 101 «Луча») и т. д.?—Ни звука.

Лозунг борьбы за открытую партию?—Ни единого слова.

Либеральные речи Ежовых и др. лучистов о стачках?

Отмена программы по национальному вопросу?—Ни звука.

Выступления Л. Седова и др. лучистов против двух «китов»? [1])—Ни звука. Троцкий уверяет, что он за соединение частичных требований и конечной цели, но как он относится к ликвидаторскому осуществлению сего «соединения», об этом молчок!

На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье, уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики и т. д.

К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается со специальными длинными поучениями о том, как похитрее надо проводить отрицание подполья и партии. Эти забавные поучения ясно говорят о дальнейшем распаде семерки. От нее ушел Бурьянов. Они не могли спеться об ответе Плеханову. Они теперь колеблются между Даном и Троцким, при чем Чхеидзе, видимо, напрягает свои дипломатические таланты для замазывания новой трещины.

И эти околопартийные люди, не умеющие об'единиться на своей «августовской» платформе, обманывают рабочих криками о «единстве»! Напрасные усилия! (ст. «Распад августовского блока». Том XII, ч. 2, стр. 411—413).

Ликвидаторские взгляды Троцкого.

О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды»

[1]) Т.-е. против лозунгов демокр. республики и конфискации помещичьих земель.

(№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука. Вот почему, между прочим, мы говорим о худшей фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть без всякой идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, то целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

> «Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям рабочей партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс...» (5).

Это—давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к отрицанию партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция вела за собой рабочий класс»!!?

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой.

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи	Сельским х-вом	Промышл. и торговлей	Либеральн. профес и учащихся	Неопред. занятий и без занятий
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-е годы, когда не было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет меньшинство среди участников движения, рабочих («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское крыло социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895—1903), продолжая «меньшевизмом» (1903 — 1908) и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии.

Вот другой пример.

> «Русская социал-демократия в своем отношении к парламентаризму прошла те же три стадии... (что и в других странах) сперва «бойкотизм»... далее принципиальное признание парламентарной тактики, но... (великолепное «но», то самое «но», которое Щедрин переводил фразой: не растут уши выше лба, не растут!)... с чисто агитационными це-

лями... и, наконец, перенесение на думскую трибуну... очередных требований...» (№ 1, стр. 34).

Опять ликвидаторское искажение истории. Различие второй и третьей стадии придумано для того, чтобы тайком провести защиту реформизма и оппортунизма. Бойкотизма, как стадии в «отношении к парламентаризму социал-демократии», не было ни в Европе (там был и остался анархизм), ни в России, где бойкот, например, Булыгинской думы относился только к определенному учреждению, никогда не связывался с «парламентаризмом» и был поражен своеобразной борьбой либерализма и марксизма за продолжение натиска. Как эта борьба отразилась на борьбе двух течений внутри марксизма Троцкий и не заикается!

Если касаться истории, надо раз'яснить конкретные вопросы и классовые корни разных течений: кто пожелает по-марксистски изучить борьбу классов и борьбу течений из-за участия в Булыгинской думе, тот увидит там корни либеральной рабочей политики. Но Троцкий «касается» истории, чтобы обойти конкретные вопросы и сочинить оправдание или подобие оправдания для современных оппортунистов!

«...Фактически всеми течениями,—пишет он,—применяются одни и те же методы борьбы и строительства». «Крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность» (№ 1, стр. 5 и 35).

Это очень ясная защита ликвидаторов и очень сердитая. Но мы позволим себе все же взять хоть один маленький факт из тех, что поновее—Троцкий бросает только фразы, мы бы желали, чтобы рабочие сами обдумывали факт.

Факт—что «С. Р. Газета», в № от 13 марта писала:

«Вместо подчеркивания определенной, конкретной задачи, стоящей перед рабочим классом,—заставить думу отклонить законопроект (о печати), выдвигается расплывчатая формула борьбы за «неурезанные лозунги», на ряду с рекламированием нелегальной печати, которое способно только ослабить борьбу рабочих за свою легальную прессу».

Вот документальная, ясная, точная защита ликвидаторской политики и критика правдистской. Что же? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что оба течения применяют в данном вопросе «одни и те же методы борьбы и строительства»? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что ликвидаторы не проводят здесь либеральной рабочей политики, что либеральная опасность в рабочем движении здесь выдумана?

Троцкий потому и избегает фактов и конкретных указаний, что они беспощадно опровергают все его сердитые возгласы и напыщенные фразы. Конечно, встать в позу и сказать: «грубая сектанская карикатура»—очень легко. Подбавить еще похлеще, еще понапыщеннее словечек о «раскрепощении от консервативной фракционности» тоже не трудно.

Только не очень ли уж это дешево? Не взято ли это оружие из арсенала той эпохи, когда Троцкий блистал перед гимназистами?

«Передовые рабочие», на которых сердит Троцкий, пожелают все же, чтобы им сказали прямо и ясно: одобряете ли вы тот «метод борьбы и строительства», который точно выражен в приведенной оценке конкретной политической кампании? Да или нет? Если да, то это есть либеральная рабочая политика, это есть измена марксизму и партии, и говорить о «мире» или «единстве» с такой политикой, с группами, ее проводящими, значит обманывать себя и других.

Нет?—так скажите прямо. А фразами нынешнего рабочего не удивишь, не удовлетворишь и не запугаешь.

Кстати сказать: политика, проповедуемая ликвидаторами в приведенной цитате, даже с либеральной точки зрения глупа, ибо проведение закона в думе зависит от «земцев-октябристов» типа Беннигсена, уже раскрывшего свои карты в комиссии.

* * *

Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» об'являют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 гг., и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от искровцев перебежавший к «экономистам», он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 годах он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно левую «перманентную революцию». В 1906—1907 гг. он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию,—одним словом, «державу», толкующую об об'единении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными пре-

тензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле единство большинства на почве полного признания указанных решений (ст. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Том XII, ч. 2, стр. 459—463).

Ликвидаторы давали лозунги, Троцкий «об'единял», а движение шло помимо них.

Хороший урок тем, кто, поддаваясь болтовне либералов из Бунда и Троцких из Вены, способен еще верить в «об'единение»... с ликвидаторами. Пресловутая «Организационная Комиссия» Либера, Троцкого и ликвидатора кричала на весь мир об «об'единении», но на деле не могла дать и не дала ни единого фактически об'единяющего революционную борьбу рабочих лозунга. Ликвидаторы давали свои, нереволюционные, лозунги,—лозунги либеральной рабочей политики,—а движение шло помимо них. Вот что лежит в основе троцкистских басен об «об'единении»! (ст. «Лозунги Всер. Конф. РСДРП в январе 1912 г. и майское движение». Соч., т. XII, ч. 1, стр. 182).

Троцкий прикрывает ликвидаторов.

Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «попрежнему» свою линию в «Живом Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий—из-за границы—прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает (статья «Ликвидаторы против партии», т. XII, ч. 1, стр. 94).

Уклонение от принципиального ответа.

Если наше отношение к ликвидаторству теоретически, принципиально неправильно, то об этом следовало бы Троцкому прямо сказать, определенно заявить, без обиняков указать, в чем он видит эту неправильность. Троцкий годами избегает, однако, этот существенный пункт («О нарушении единства» и т. д., т. XII, ч. 2, стр. 450).

Капитуляция перед ликвидаторством.

Принимайте наши условия, зато мы (т.-е. Левицкий и К°) охотно соглашаемся вот на что: «в утешение себе» вы (т.-е. Троцкий и иже с ним) можете говорить, что не вы «подвинулись к ликвидаторам,—а ликвидаторы к вам (статья «Об'единители», т. XII, ч. 1, стр. 176).

«Политические ноли».

Обеспечить ликвидаторам полную возможность борьбы против подполья—вот к чему сводится «платформа» г. Ф. Дана, ибо всякий прекрасно понимает, что под фиговым листком «борьбы за открытое существование» хотят спрятать давно всем рабочим известную борьбу против «подполья».

Вот в чем суть дела, а все эти Троцкие, Аны, бундисты, примиренцы, «семерочники» и пр., все это—добрые люди, но политические ноли. Суть дела в группе г-на Ф. Дана, в «старой» ликвидаторской группе (ст. «Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях «единства». Т. XII, ч. 2, стр. 356).

О прочности мнений Л. Д. Троцкого.

Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся («О праве наций на самоопределение». Т. XII, ч. 2, стр. 537).

Кто кричит громче всех?

На базаре часто бывает, что больше всего кричит и божится тот, кто хочет сбыть особенно гнилой товар.

На базаре интеллигентской суеты часто бывает, что против командования над рабочими громче всего кричат как раз интеллигенты, командующие над рабочими, об'являющие великое множество антимарксистских и антипролетарских «течений» (ст. «Единство рабочих и «течения» интеллигентов». Т. XII, ч. 2, стр. 474).

«Об'единение»—без единой линии.

Кричат люди о пользе «об'единения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать об'единенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! Зато фразе раздолье. «Социал-демократия, — пишет Троцкий, — свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки». Красиво пишет Троцкий, не хуже Потресова и Неведомского! (ст. «Против об'единения с ликвидаторами». Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 49).

«Блок» построен на беспринципности.

Для того, чтобы строить партию, мало уметь кричать: «единство», надо еще иметь какую-нибудь политическую программу, программу политических действий. Блок ликвидаторов, Троцкого, впередовцев, поляков, большевиков (?)-партийцев, парижских меньшевиков и пр. и пр. и пр. был заранее обречен на скандальный провал, ибо он был построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе (ст. «Ликвидаторы против партии», т. XII, ч. 1, стр. 95).

Почему не полное об'единение?

Если вы — об'единитель, любезный Троцкий, если вы об'являете возможным единство с ликвидаторами, если вы вместе с ними стоите на позиции «основных идей, формулиро-

ванных в августе 1912 года» («Борьба» № 1, стр. 6 «От редакции»), то отчего же вы сами не об'единились с ликвидаторами в «Нашей Заре» и в «Луче»? (ст. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Т. XII, ч. 2, стр. 455).

Что понимать под «соглашением»?

Не надо забывать только, что с точки зрения внепартийной группы под соглашением разумеется совсем не то, что понимают под этим обычно партийные люди. Для непартийных людей «соглашение» в думе есть «выработка тактической резолюции для линии». Для партийных людей соглашение есть попытка привлечь других к осуществлению партийной линии (ст. «О нарушении единства»... и т. д. Т. XII, ч. 2, стр. 457).

Два взгляда на партийное об'единение.

Что нам дано в самом деле, как задача партии?

«Даны» ли «данные лица, группы и учреждения», которые надо «примирить» независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к ликвидаторству и отзовизму?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы, дана задача очищения этой работы от ликвидаторства и отзовизма,—задача, которая должна осуществляться независимо от «лиц, групп и учреждений», вопреки противодействию несогласных с этой линией или не проводящих ее «лиц, учреждений и групп»?

Возможны два взгляда на значение и условия осуществления какого бы то ни было партийного об'единения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «об'единительного кризиса» и без отмежовки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на об'единение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы—дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корней, их значения, их об'ективных условий—«примирить» лица и группы—в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это—«примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления—вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества».

Понятно, что в условиях заграничной базы для операций нелегальной партии эта кружковая дипломатия открывает настежь двери для «лиц, групп и учреждений», играющих роль «честных маклеров» при всяческих попытках «примирения» и «нейтрализации».

Вот как рассказывает об одной такой попытке на пленуме Мартов в № 19—20 «Голоса»:

«Меньшевики, «правдисты» и бундовцы предлагали такой состав Ц. О., который обеспечил бы «нейтрализацию» двух противоположных течений партийной мысли, не дал бы определенного большинства ни одному из них и тем самым вынуждал бы партийный орган вырабатывать по каждому существенному вопросу ту среднюю линию, которая может об'единить большинство партийных работников».

Предложение меньшевиков, как известно, не прошло. Троцкий, поставивший свою кандидатуру в Ц. О. в качестве нейтрализатора, провалился. Кандидатура же на должность бундовца—эту кандидатуру в своих речах предлагали меньшевики—не ставилась и на голосование.

Вот вам фактическая роль тех «примиренцев», в худом смысле слова, которые писали венскую резолюцию и взгляды которых выражены сейчас в только полученной мною статье Ионова в № 4 «Откликов Бунда». Меньшевики не решались предлагать Ц. О. с большинством их направления. Они даже не покушались добиваться центрального органа с определенным направлением (до такой степени ясно было в пленуме отсутствие направления у меньшевиков, от которых только еще требовалось, только еще ожидалось искреннее и последнее отречение от ликвидаторства). Меньшевики добивались в Ц. О. «нейтрализации» и в качестве нейтрализаторов выдвигали бундовца или Троцкого. Бундовец и Троцкий должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений», независимо от того, отреклась ли бы одна сторона от ликвидаторства или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионова. Когда они жалуются и плачут по поводу того, что об'единения не вышло, то это следует понимать cum grano salio. Это надо понимать так, что сватовства не вышло. «Неудача» тех надежд на об'единение, которые питали Троцкий и Ионов, надежд на об'единение с «данными лицами, группами и учреждениями» независимо от их отношения к ликвидаторству, означает только неудачу свах, означает неверность, безнадежность, мизерность точки зрения свахи, но вовсе еще не означает неудачи партийного об'единения.

Есть другой взгляд на это об'единение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких об'ективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают — иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений», создают идейные и организационные основы об'единения. Эти об'ективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контрреволюции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти об'ективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индувидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным резуль-

татом действия этих об'ективных причин—и неотделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России—является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (=полулиберализм, желающий причислять себя к с.-д.) и отзовизм (=полуанархизм, желающий причислять себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонений вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу к партийному об'единению «через все препятствия».

С этой точки зрения об'единение может итти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не итти. С этой точки зрения об'единение идет вовсе не обязательно между «данными лицами, группами и учреждениями», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает, или не хочет сознать требований об'ективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных», не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения об'единение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонений, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие. (Т. XI, ч. 2, стр. 51—54).

Что означает призыв «об'единить все течения».

Помощь «поровну» или желание слить или об'единить все течения» (о чем говорят, между прочим, депутаты думы, сочувствующие ликвидаторству) означает на деле не что иное, как стремление со стороны командовать рабочими в надежде, что сами рабочие, будто бы, не в состоянии разобраться». Каждая группка интеллигентов может издать брошюрку или журнальчик, об'явив себя «течением», как, например, группка антимарксистского философа Богданова или группка Троцкого, или группка колеблющихся между народниками и марксистами Н. Н. Гиммера и т. п.

«Течений» сколько угодно, а рабочих зовут: помогайте «поровну», признавайте «все течения»!!!

Разумеется, всякий рабочий, хоть сколько-нибудь сознательный, скажет: о чем спор идет? о моей борьбе? о моей политике и тактике? о моей партии?

Так я разберусь сам, господа любезные, и только ту тактику об'явлю своей, которую я одобряю и разделяю (ст. «Единство рабочих и «течения» интеллигентов». (Т. XII, ч. 2, стр. 473—474).

С кем «об'единяться»?..

«От хорошей жизни не полетишь»... Не пора ли, господа ликвидаторы, начать вам об'единяться и с социал-революционерами (эсэровскими ликвидаторами?). Эти господа тоже ведь рвутся к «об'единению». То-то «широкая» партия у вас будет тогда. Сам Ларин останется доволен... (ст. «Об'единители», т. XII, ч. 1, стр. 175).

Не об'единение, а раз'единение.

А наши об'единители»?

О, они так успешно, так успешно «об'единялись», что вместо одной группы «Вперед» оказалось две группы «Вперед» (не считая Богданова, эмпириомониста, которого некоторые принимают за третью группу «Вперед»),—что, вместо единого органа Троцкого и ликвидаторов («Луча»), оказался особый орган Троцкого «Борьба», сулящий на этот раз истинную «нефракционность». А кроме боязливого отпадения от ликвидаторов Троцкого, произошло еще вполне решительное отпадение от них всех организованных латышских марксистов, которые, несмотря на свою строгую нейтральность и нефракционность, на их конгрессе в 1914 году заявили прямо:

«Примирители (участники августовского блока) сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов»!!

С марта 1912 года, когда все об'единились с ликвидаторами против злых «раскольников»-«ленинцев», до марта 1914 года, когда окончательно распался фиктивный «августовский блок», обнаружилось яснее ясного, что действительное об'единение марксистских рабочих (в России, а не в Париже, не в Вене) идет и пойдет только против группы ликвидаторов и мимо пустых речей о «единстве» с поклонниками «открытой рабочей партии».

Тысячи рабочих групп, открыто перед всеми сплачивающиеся вокруг марксистской газеты,—вот живое доказательство действительного единства и его роста («Заключение к сб. «Марксизм и ликвидаторство». Т. XII, ч. 2, стр. 485—486).

Рабочая масса и интеллигентские группки.

Если практически в опыте движения, опровергается наше отношение к ликвидаторству, надо разобрать этот опыт, чего Троцкий опять-таки не делает. «Многочисленные передовые рабочие, — признает он,—становятся деятельными агентами раскола» (читай: деятельными агентами правдистской линии, тактики, системы организации).

Почему же это происходит такое печальное явление, подтверждаемое, по признанию Троцкого, опытом, что передовые рабочие, и притом многочисленные, стоят за «Правду»?

Вследствие «полной политической растерянности» этих передовых рабочих, отвечает Троцкий.

Об'яснение, слов нет, чрезвычайно лестное для Троцкого, для всех пяти заграничных фракций и для ликвидаторов. Троцкий очень любит давать, «с ученым видом знатока», с напыщенными и звонкими фразами, лестные для Троцкого об'яснения исторических явлений. Если «многочисленные трудовые рабочие» становятся «деятельными агентами» политической и партийной линии, не согласующейся с линией Троцкого, то Троцкий решает вопрос не стесняясь, сразу и прямиком: эти передовые рабочие находятся «в состоянии полной политической растерянности», а он, Троцкий, очевидно,

«в состоянии» политической твердости, ясности и правильности линии!.. И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность, кружковщину, интеллигентское навязывание своей воли рабочим!..

Право, читая такие вещи, невольно спрашиваешь себя, не из сумасшедшего ли дома раздаются подобные голоса?

Перед «передовыми рабочими» вопрос о ликвидаторстве и его осуждении поставлен партией с 1908 года, а вопрос о расколе с точно определенной группой ликвидаторов (именно группой «Нашей Зари»), т.-е. о невозможности строить партию иначе как без этой группы и против нее, этот последний вопрос поставлен в январе 1912 года, более двух лет тому назад. Передовые рабочие в огромном большинстве высказались именно за поддержку «январской (1912 г.) линии». Троцкий сам признает этот факт словами о «завоеваниях» и о «многочисленных передовых рабочих». И Троцкий отделывается тем, что просто бранит этих передовых рабочих «раскольниками» и «политически-растерянными»!

Люди, не сошедшие с ума, сделают из этих фактов иной вывод. Там, где сплотилось большинство сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть единство мнений и действий, там есть партийность и партия.

Там, где мы видели ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, или с полдюжины заграничных групп, за два года ничем не доказавших своей связи с массовым рабочим движением России, там именно царит растерянность и раскольничество. Пытаясь теперь убедить рабочих не исполнять решений того «целого»[1]), которое признают марксисты-правдисты, Троцкий пытается дезорганизовать движение и вызвать раскол.

Эти попытки бессильны, но надо же разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года полное поражение перед «передовыми рабочими», с невероятною наглостью плюют на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева («О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Т. XII, ч. 2, стр. 451—452).

Рабочие снимают с постов ликвидаторов.

Вполне естественно, что в ссылке и в эмиграции, где люди так оторваны от живой жизни, так замурованы в воспоминаниях о том, что было 7—10 лет тому назад, можно встретить десятки и десятки «бывших людей» (очень многочисленных также, только в гораздо более печальном, в нравственно-худом смысле слова, среди интеллигентских участников рабочей партии 1904—1907 годов, теперь засевших по разным легальным «доходным местечкам»), которые мечтают о «единстве»

[1]) Т.-е. решений партии. *Ред.*

рабочей партии с группой гг. Л. Мартовых, Ф. Данов, Потресовых, Ежовых, Седовых и К°.

Не менее естественно, однако, что среди современной русской рабочей молодежи, которая видела уход из партии ликвидаторов, их бегство из «омертвелых ячеек»,—которая слышала их ренегатские речи о подполье и о вреде «рекламирования нелегальной печати» (см. выше цитату из «Северной Рабочей Газеты» от 13 марта 1914 г.),—которая вынуждена была бороться против блока этих господ и с народниками и с беспартийными на целом ряде с'ездов, на выборах в IV думу, на ряде собраний рабочих обществ, на выборах в Страховой Совет,—которая вынуждена была снять с постов во всех и всякого рода рабочих обществах подобную публику,—совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи мечтания и фразы добродушных людей о «единстве» ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем не вежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых.

Пусть Троцкий в «Борьбе», кидая молящие взгляды на Скобелева и Чхеидзе, или сотрудники парижской газеты «За партию» [1]) с надеждой и упованием взирающие на Бурьянова, твердят эти фразы о «единстве»,—их слова звучат уже как-то грустно и некстати (Заключение к сб. «Марксизм и ликвидаторство». Т. XII, ч. 2, стр. 483—484).

[1]) Плеханов.

Ем. Ярославский.

Ответ тов. Ваганяну.

«Придут страсти-мордасти,
Принесут с собой напасти,
Принесут они напасти,
Разорвут сердца на части.
Ой беда, ой беда,
Где мы спрячемся тогда?»

М. Горький. «Страсти-Мордасти».

В последнее время в печати появился ряд отзывов о первом томе составляемой нами «Истории ВКП». Критика отметила как достоинства, так и недостатки этого опыта истории партии. Мы считаем своей обязанностью дать ответ на товарищескую критику. К сожалению, наша задача усложняется тем фактом, что, на ряду с товарищескими откликами на нашу книгу, мы встретили один отзыв, резко отличающийся по своему тону и содержанию от остальных. Мы имеем в виду брошюру уже прославившегося «историческими» выступлениями В. Ваганяна. Брошюра эта представляет собой во всех отношениях редкое явление в нашей литературе. Трудно встретить более яркий пример безудержной претенциозной развязности. Стиль брошюры обнаруживает бешеное стремление Ваганяна «разгромить», «уничтожить» авторов ненавистной ему книги. Чего стоит один заголовок брошюры «Сеятели безграмотности и невежества». Каждая страница—поток безудержной изощренной ругани. Это не критика, это не литературное произведение. Это—какой-то истерический припадок. И безусловно только в своем собственном издании и мог автор выпустить в свет подобное «творение» [1].

В свое время покойный Меринг разоблачил манеру подобных критиков. Этим людям,—писал он,—обязательно нужно выставить вас человеком, у которого нет ни надлежащих познаний, ни способностей суждения, ни даже доброй воли к тому, чтобы иметь право высказать по существу свое мнение. В изображении таких критиков вы обязательно напоминаете вымазанные киноварью рожи, которые вывешиваются на балаганах, а зазыватель стоит перед ними и кричит: посмотрите, что за уродины! И, разумеется, делается это подобными критиками только потому, что,

[1]) Свое произведение т. Ваганян не присылал в редакцию «Большевика»; он лишь запросил, поместит ли «Большевик» резкую статью против т. Ярославского. Конечно, такого обещания редакция ему дать не могла авансом, даже не имея статьи.

не имея ничего сказать по существу, они пытаются аргументы подменить бешеной, но—увы—бессильной злобой.

Лучше всего было бы не обращать никакого внимания на подобные истерические выпады Ваганяна, но некоторые соображения заставляют нас все же заняться разбором его критики: во-первых, известный круг читателей, не знающих Ваганяна, может принять на веру некоторые его обвинения; во-вторых,—и это самое главное,—за выступлением Ваганяна скрывается вредная тенденция пересмотреть, ревизовать взгляды Ленина по ряду важнейших вопросов.

Мы имеем в виду ту полемику, которая велась на страницах наших журналов, начиная с 1923 г. и в особенности «знаменитый труд» о Плеханове т. В. Ваганяна.

Ваганян еще в 1923 г. заявлял совершенно недвусмысленно, что никакого ленинизма, как мы его понимаем, нет и быть не может. «Что значит Маркс плюс Ленин?»—вопрошал Ваганян.—«До сих пор мы считали и я, грешный человек, по сей день продолжаю считать, что Ленин—это не есть некая «новая сущность», которую надлежит прибавить к марксизму, чтобы получить подлинную революционную практику...» («Под Знаменем Марксизма», №№ 4—5, 1923 г. Подчеркнуто нами. *Е. Я.*).

Роль Ленина, по мнению Ваганяна, сводится лишь к тому, что это был хороший практик, сумевший хорошо понять и усвоить как Маркса, так и... Плеханова. Такую линию Ваганян наиболее полно обрисовал в солидном (только по об'ему) труде о Плеханове, вышедшем в 1924 г. Здесь Ваганян высказался со всей полнотой. Суть этой линии заключается в чудовищном искажении роли Плеханова и Ленина в истории нашей партии, в искажении того революционного наследства, которое мы получили от славной эпохи 60—70-х годов. В изложении Ваганяна, фигура Плеханова вышла чрезмерно приукрашенной и возвеличенной, а фигура Ленина—умаленной и затушеванной («большой» учитель и «примерный» ученик). Истинным творцом теории большевизма по Ваганяну, оказался... Плеханов. Ленина же Ваганян представил теоретически несамостоятельным, выросшим всецело на идеях Плеханова и имеющим лишь заслуги человека, который **практически осуществил эти идеи** [1]).

Ваганян избрал «схему», которая резко расходится с исторической истиной и в корне противоречит принятому всей партией взгляду.

Само собой разумеется, что выступления Ваганяна не остались незамеченными и получили должный отпор (тт. Бубнов, Ангарский, Колоколкин), но Ваганян в короткий период засыпал читателей рядом статей и брошюрок (все в собственном издании), в которых с утомительным однообразием повторял одни и те же доводы, подправляя их неимоверной порцией площадной ругани. Правда, под этакий шумок (а вообще «шумим, братцы, шумим»—это и есть стиль нашего критика) Ваганян начал сдавать и в

[1]) См. В. Ваганян. «Г. В. Плеханов», стр. 19.
То же самое повторяет Ваганян в своей последней брошюре против нас. (Ваганян. «Два слова доктору Вольфсону», стр. 39).

сущности сдал все свои основные позиции. Но внешне, однако, он делал вид, что он прав, что он уничтожил своих противников, при чем это внешнее было тем бесподобным стилем, который должен был взять читателя «на ура». В этом отношении Ваганян до сих пор верен себе, и критика нашей книги не является, как заметил читатель, исключением.

Нападение Ваганяна на нашу «Историю ВКП» об'ясняется именно нашей постановкой вопроса об исторической роли Плеханова и Ленина, о зарождении «двух тактик» российской социалдемократии и тесно связанного с ним вопроса о революционном наследстве. Выше мы уже подчеркнули, что не только роль Ленина искажена Ваганяном, но искажено великое революционное наследство 60-х и в особенности 70-х годов,—наследство, о котором Владимир Ильич отзывался с глубочайшим уважением и над которым Плеханов-меньшевик так любил подтрунивать и поругивать большевиков за воскрешение славных революционных традиций этого наследства.

* * *

Все «благородное негодование» Ваганяна, вся его героическая поза об'ясняется только тем, что мы признали «очень неловкой» его защиту в полемике с Бубновым и другими товарищами (см. «Историю ВКП», стр. 191), а также неверною его трактовку вопроса о наследстве 70-х годов (там же, стр. 62). Что это так, а не иначе—свидетельствует сам Ваганян. Наговорив много резкостей, признав авторов «Истории ВКП» виновными в невежестве и в эклектизме, он неожиданно проговаривается: «Нельзя не отметить одно удивительное обстоятельство, которое бросается в глаза с первой же главы. История Ярославского—полемическая история. Вся ее полемика построена на противопоставлении Ленина Плеханову». Здесь тот гвоздь, который не дает покоя Ваганяну.

Вполне естественно, что мы вынуждены вопрос о Плеханове и «двух тактиках», и вопрос о наследстве выдвинуть и поставить на первый план. Первый из этих вопросов в главном достаточно уже исчерпан в полемике тов. Ваганяна с Бубновым, Ангарским и другими товарищами. Сам Ваганян в своей брошюре отсылает читателя к этой полемике. Мы намерены коснуться лишь тех доводов и тех уловок, которые применяет Ваганян в своем нападении на нас.

Ваганян оспаривает тот факт, что зародыши плехановского меньшевизма обнаруживаются в его произведениях, предшествовавших эпохе 1905 г. Но кому же, кроме Ваганяна, теперь не ясно, что Плеханов не понимал, не сумел правильно даже поставить вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции в России,—и именно отсюда его неправильный подход как к народничеству, так и к легальному марксизму. Вот что, например, мы читали недавно по этому поводу в одном из последних номеров «Большевика»:

> «Строго говоря, Плеханов никогда по-настоящему не понимал руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, как ее не понимали экономисты и меньшевики» («Большевик», № 4, 1926 г., стр. 93).

А между тем именно Ленин сумел в «Друзьях Народа» сформулировать и поставить правильно этот вопрос (т.-е. вопрос о «гегемонии»), и затем в момент формирования программы, тактики и стратегии партии—обосновать и развить его.

В «Друзьях народа» мы имеем, определенно выдержанную, исторически сложившуюся концепцию: во-первых, вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции; во-вторых, вопрос о перерастании буржуазной революции в социалистическую; в-третьих, учение о диктатуре пролетариата. В этом отношении, начиная от «Друзей народа» и до последних произведений Владимира Ильича—мы имеем одно стройное целое. Другое дело у Плеханова. Как бы ни кричал т. Ваганян о «большевике» Плеханове [1]), о том, что Ярославский «отрекается» от идеи гегемонии пролетариата в буржуазной революции (есть у т. Ваганяна и такой «аргумент» против Ярославского!)—одной из самых плодотворных идей, оставленных нам Плехановым (подчеркнуто нами, стр. 29 брошюры),—факт остается фактом: Ваганян не смог буквально ни одним словом опровергнуть написанное нами по этому поводу.

Приведя цитату, где мы говорим, почему мы приводим послесловие Плеханова, написанное в 1917 г. к его брошюре «Социализм и политическая борьба», Ваганян восклицает:

> «Плеханов в 1917 г.... Да ведь он в этом году был вождем организации «Единство». Как же можно опираться на интерпретацию позиции большевика (?!?!) Плеханова, даваемую членом организации «Единство»? Как можно не заметить, что все это Плеханов говорил лишь с одной целью оправдать себя и свой отход от марксизма, что психологически такая ревизия своего собственного прошлого весьма понятна, и историк должен ее об'яснить, а не аргументировать ею. Но это должен историк, а какой же Ярославский историк?»

И дальше, критикуя Вольфсона, т. Ваганян запускает в наш огород «камешек»: «Умудряются же люди усмотреть зачатки тактики «Единства» в... «Социализм и политическая борьба».

Да, может, действительно, показаться странным, зачем понадобилось брать документы, относящиеся к 1917 г., чтобы аргументировать против Плеханова 80-х и 90-х годов? Кто же не знает, кем был Плеханов в 1917 г.? И если только этим можно посрамить его прошлое, тогда, конечно, такая аргументация была бы в высокой степени слабой. Если бы мы, скажем, взяв известную ренегатскую книгу Плеханова «О войне», на основании того, что там написано, доказывали бы, что у Плеханова были уже в начале 900-х годов следы этого ренегатства,—это было бы бессмысленно.

Но разве так мы поступаем? Разве мы просто берем взгляды Плеханова из «Единства» и ими доказываем зародыши плехановского меньшевизма 80-х и 90-х годов? Конечно, нет: конечно, все это выдумал т. Ваганян. Мы приводим, как уже видел читатель, известное послесловие Плеханова к первой марксистской

[1]) «Оригинальность» т. Ваганяна заключается в том, что он считает Плеханова большевиком. Судите после этого сами о «большевизме» т. Ваганяна.

книге в России—«Социализм и политическая борьба». В этом послесловии замечательно то, что *Плеханов, независимо от «Единства», цельно, стройно, сжато излагает то, что раньше частично, урывками, отдельными местами, общими замечаниями, иногда даже по случайному поводу высказывал, начиная с этого первого произведения*. И можно ли отрицать значение этого документа только потому, что он написан Плехановым в период «Единства»? Разве «качественно» это отличается от тех замечаний, которые мы имеем у Плеханова в 80-х и 90-х годах, от его критики Ленина в период программных разногласий, от его тактики в 1905 г. и последующие годы? В этом смысле «Единство» является только логическим завершением того, что имело корни гораздо раньше. И Ваганян был бы, конечно, прав, если бы он доказал, что *этот* документ не имеет корней в прошлом Плеханова, что он ничего общего с тем, что имело место во время споров о народничестве, легальном марксизме, программных разногласиях, тактике 1905 г. и последующего периода—не имеет. Но наш почтеннейший критик не сумел и не сможет этого доказать.

И для того, чтобы лишить это послесловие значения аргумента, для того, чтобы доказать, что Плеханов «пал» лишь в 1914 г., Ваганяну понадобилось исказить историю, доказывать безнадежно, что «послесловие»—исключительный продукт взглядов Плеханова «1917 года» и утверждать, что Ленин, в сущности, ученик Плеханова, и, конечно, т. Ваганян лишь «скромно» допускает, что иногда, правда... учитель «ошибался», а ученик его «поправлял» и «призывал к порядку».

Мы нигде не отрицаем, что на ряду с тем, что в полной мере обнаружилось лишь в 1917 г., у Плеханова имеются неоспоримые, большие революционные заслуги по части популяризации идей марксизма на русской почве, борьбы с народничеством и т. д. И какой ленинец может и мог бы отрицать подобные вещи? Да и зачем это нужно? Ведь если стать на такую точку зрения, на какую стал Ваганян, т.-е. доказывать, что, дескать, нечего искать корней тому, что написано Плехановым в 1917 г., что это случилось *нечаянно*,—можно было бы, например, сказать, что то, что пишет Плеханов об особенностях исторического процесса в своей «Истории русской общественной мысли», тоже обязано его оборонческому периоду 1914 г.—и только. Но кто же *теперь*, после выхода в свет X тома сочинений Плеханова, не знает, что уже *тогда* Плеханов развивал свои взгляды на особенности исторического процесса, легшие впоследствии в основу всей меньшевистской философии. А ведь это было в 1889 г. [1]).

[1]) Мы имеем в виду статью Плеханова о Каронине, помещенную в X томе собрания сочинений. Об этой статье т. Рязанов пишет в своем предисловии к сочинениям Плеханова, что она имеет «огромное значение» для определения взглядов Плеханова «на происхождение и роль русского самодержавия». Жаль только, что т. Рязанов не добавил: «*оппортунистических, меньшевистских взглядов*»—это было бы тем более важно, что ведь Ваганян как это явствует из предисловия к I тому собрания сочинений Плеханова, состоит при Д. Б. Рязанове в главных сотрудниках по редактированию сочинений Плеханова. Надо надеяться, что Ваганян знает, что *плехановская теория происхождения самодержавия*, (в полном виде изложенная в «Истории русской общественной мысли»,

Теперь читателю станет понятно, почему Ваганян так жестоко обрушивается на нас за это послесловие. Понятно, почему т. Ваганян умалчивает о ряде документальных данных, приведенных нами в свидетельство о *раннем плехановском меньшевизме*. Вовсе не случайно, что это свое послесловие он написал именно в книжке «Социализм и политическая борьба». И после этого т. Ваганян позволяет себе давать нам советы, как историк должен подходить к изучению того или иного документа. Кстати сказать, добросовестная товарищеская критика, на ряду с недостатками, отметила, что *одним из лучших мест в книге, заслугой книжки является то, что она впервые сумела правильно изложить вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции в России*.

Не более убедительны «доводы» Ваганяна против нас по части трактовки легального марксизма. По вопросу об отношении Плеханова к Струве, и к либерализму вообще, арсенал Ваганяна оказывается особенно убогим. Вот, что он пишет:

> «Единственный аргумент в руках «историков»—тот, которым только и козырял Ангарский,—эти несколько строк предельно нейтральных, высказанных Плехановым в статьях, направленных против народников. На их основании об'явить Плеханова меньшевиком? На это нужно быть воистину учеником Ангарского». «Убедительными были бы обвинения Ангарского и его учеников, Каменева и Ярославского, если бы они доказали нам, что Плеханов был не согласен с Лениным насчет его критики Струве».

Здесь нельзя не отметить, конечно, опять попытку оглушить читателя. Никто, разумеется, о Плеханове 90-х годов, как меньшевике, не говорит. Речь идет только о *выяснении корней*, о *зародыше меньшевизма*. Это, разумеется, *не одно* и то же.

А теперь к делу. Читая эти строки, поневоле разводишь руками. Существует ли пример большей беззастенчивости? Неужели т. Ваганян всерьез не знает, что Плеханов не был согласен с ленинским отношением к Струве и к либерализму, и что имеется далеко не один аргумент, которым это можно доказать? Всего курьезнее, что т. Ваганян усиленно ссылается на «Ленинские Сборники», а *последние явно свидетельствуют против Ваганяна*. В свое время это было доказано Ваганяну рядом товарищей. Придется несколько возвратиться к этому вопросу. Возьмем самое основное. На стр. 407—411 III «Ленинского Сборника» помещено письмо Мартова Ленину от 21/IV—1902 г.

> «Он (Плеханов),—пишет Мартов,—все более приходит к убеждению, что между ним и нами есть различие и очень важное в оттенках миросозерцания. Он надеялся, что это различие сотрется при тесной совместной работе и терпеливо ждал, пока мы переедем в Женеву, против чего никто из нас не восставал в бытность его у нас зимой. Теперь же

в зародышевом виде—в статье о Каронине), *никоим образом не может быть названа, даже у Ваганяна, большевистской*.

Здесь же заметим, что «Друзья народа», с которыми Ваганян так бесцеремонно разделался, содержат другую действительно большевистскую марксистскую теорию происхождения самодержавия.

«вы не захотели этой тесной совместной работы», и он должен ожидать, что эти наличные оттенки разовьются в сторону еще большего обострения. Различие этих оттенков—в отношении к тебе—он определил, как различие между Бельтовым, с одной стороны, и Тулиным—с другой. На мое возражение, что различие между Бельтовым и Тулиным (в отношении к либералам, что он подчеркнул) касается вопросов тактики, я получил ответ: но, ведь, и Кричевский утверждает, что мы с ним расходимся только по вопросам тактики. Осталось засмеяться, что я и сделал. При таких условиях и лишенный возможности участвовать в ведении «Искры» он не может брать на себя ответственность за общее ведение дела: так, он не может отвечать за брошюру Ленина («Что делать?»), который не обратил внимания на сделанные им и П. Б. (Аксельродом) возражения против некоторых мест, вызывающих или способных вызвать смуту».

Наш «ученый критик» в ответ на эту выдержку заявляет:

«Ссылаются при этом обычно на слова Плеханова, переданные в письме Мартова. Но, во-первых, это слова Плеханова (Мартова?) [1]), а, во-вторых, не нужно забывать, при каких условиях они были сказаны. В пылу дискуссии, резко раздраженный против Ленина, он мог, разумеется, провести знак равенства между Тулиным и «Аннибалами», но каковы историки, которые приводят запальчивые суждения спорящих, как аргумент за свои построения» (журнал «Воинствующий Материалист», ст. В. Ваганяна, стр. 97).

Не правда ли, «научная» аргументация? Все-де, об'ясняется запальчивостью. И откуда Ваганян это знает?

На самом же деле *неодинаковый подход Плеханова и Ленина к либералам еще в 90-х годах устанавливается здесь со всей точностью на основании слов самого Плеханова*. Отличие между Бельтовым и Тулиным означает отличие между авторами «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»,—г.-е. это как раз то, что *мы* утверждаем.

Однако мы имеем не только косвенное свидетельство о позиции Плеханова. Нам известна его критика статьи Ленина, направленной против Струве—«Гонители земства и Аннибалы либерализма», о которой и говорит выше т. Ваганян, что она вызвала раздражение и «запальчивость» Плеханова. То, что пишет Плеханов Ленину, ничуть не расходится с тем, что он говорит Мартову.

«Не следует теперь ругать *либерала вообще*. Это не тактично, *надо от плохого либерала апеллировать к хорошему*, хотя бы существование такого и было для нас сомнительно...». «Вы говорите, как враг, а надо говорить, как союзник (хотя бы только в возможности)». «Итак, смягчайте, голубчик. *Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка*» («Ленинский Сборник», III, стр. 205).

---

[1]) В тексте, очевидно, опечатка. *Е. Я.*

Ну, т. Ваганян, как вы думаете, не советами ли Плеханова воспользовались меньшевики в 1917 году? Когда в своем отношении к временному правительству переходили от «плохого либерала» к «хорошему»? Кто же не понимает, что в этой меньшевистской тактике периода 1917 г. есть «доля» плехановского меду начала 900-х годов. Неистовый т. Ваганян, попробуйте доказать противное. Не ясно ли теперь, что забота Плеханова «о тактике и бестактности» вовсе не случайна и на одной «запальчивости» далеко не уедешь? Мы не будем касаться здесь расхождения Плеханова с Лениным *по существу*. Об этом уже достаточно говорилось. Об этом читатели могут прочесть и в нашем учебнике. Для нас достаточно установить это расхождение, тогда как Ваганян его оспаривает.

Что же т. Ваганян теперь сказал «нового»?

В своей книге «Г. В. Плеханов» Ваганян доказывал, что не Ленину, а Плеханову обязаны мы разоблачением Струве. Когда т. Бубнов указал на вздорность такого положения, Ваганян ответил, что хотя верно, что Ленин выступил первым, но выступил он против Струве не как либерала,—это дано было открыть Плеханову,—а просто как представителя «механического» (профессорского) марксизма, какой имел у нас распространение в 90-х годах. Ваганяну опять доказали, что Ленин критикует Струве именно как «либерала в потенции». В самом деле, что открывает Ленин у Струве?

«Абстрактный и идеалистический подход к народничеству, расположение к точке зрения апологета капитализма; Струве чересчур стремительно защищает «разумность», «прогрессивность», «рациональность» либеральной политики; ревизует марксову теорию государства, подменяя ее донельзя плоскими, либеральными разговорами насчет того, что «государство прежде всего есть организация порядка». Считает недостаточным чисто философское обоснование марксизма. Отказывается от материализма, по крайней мере говорит языком об'ективиста, а не материалиста. Проповедует мальтузианство; наконец, игнорирует классовые противоречия и опускается, стало быть, до уровня самого обыкновенного либерала» («Большевик», № 11—12, 1925 г., стр. 99).

И дальше. Ведь все, что Ленин осторожно, иногда намеками высказывал, подтверждалось буквально через пару-другую лет. Ведь, с другой стороны, Плеханов считал революционной, марксистски выдержанной эту критику народничества у Струве [1]), очень и очень косясь на Ленина за разоблачение Струве. Как же можно так искажать факты? А Ваганян отвечает буквально: «Да, конечно, все это правильно, но... но Ленин мог это сделать только потому, что он, хорошо проштудировав Плеханова, сумел применить его на практике».

Так, так. Значит, сначала не Ленин, а Плеханов. Затем Ленин, но как ученик Плеханова. И когда выбитому из последней позиции Ваганяну максимально популярно об'яснили, как вел себя «учитель»,—Ваганян и тут не растерялся.

---

[1]) Кстати сказать, даже сейчас Ваганян, как «истинный» ученик Плеханова, считает критику народничества у Струве марксистски выдержанной. Он пишет: «В споре с народниками Струве действительно за себя очень и очень мог постоять» (стр. 92 цитированной статьи).

Как же не вспомнить здесь характеристику, которую давал К. Маркс подобного рода «критикам»:

«Горе, если ему попадается перо. Он лишен такта и вкуса. Кроме того, у него нет необходимого предварительного образования. Он напоминает дикаря, который думает украсить свое лицо, размазав его всевозможными кричащими красками. Он всегда впадает в банальность и шутовство. Почти каждая фраза у него инстинктивно накрывается дурацким колпаком».

* * *

По вопросу о программных разногласиях у Ваганяна очень много иронии, слишком много, но все же недостаточно для того, чтобы прикрыть отсутствие каких бы то ни было серьезных аргументов. «Вся «история» создания программы — история мистическая»—провозглашает Ваганян. Почему мистическая? Что в ней неверного? Этого Ваганян не говорит. Он не оспаривает ни одного факта. Он продолжает упражняться в остроумии, избрав сюжетом предисловие т. Каменева к «Ленинскому Сборнику», которое цитируется в «Истории ВКП». Ваганян всячески старается дискредитировать это предисловие.

Если Ваганян не согласен с Лениным, пусть заявляет открыто. Такой «смелости» у него достаточно. Но вводить в заблуждение читателя, утверждая, что между Плехановым и Лениным не было разногласий—редкая недобросовестность. «Можно ли допустить, зная хорошо Ленина, чтобы он при первой возможности не пересмотрел программу, с которой не согласен?»—вопрошает Ваганян. Что это, если не лицемерие крайне демагогического характера? Как будто материалы «Ленинского Сборника» не дают ясного ответа на этот вопрос! Во-первых, в пользу Ленина в окончательном проекте были сделаны некоторые уступки. Во-вторых, обстановка требовала единства действия со стороны искровского ядра. Все это, повторяем, как нельзя более подробно об'яснено на страницах «Ленинских Сборников». Во всяком случае, отрицать наличие серьезных разногласий между Плехановым и Лениным в процессе выработки программы теперь никак нельзя, а об этом только у нас и идет речь. И, наконец, в-третьих, Ленин один раз попытку осветить эти разногласия сделал. Вот что мы читаем по этому поводу в только-что вышедшем V «Ленинском Сборнике». В одном из примечаний редакции сборника к неопубликованному плану статьи Ленина «Плеханов и «Новая Искра», где речь идет об одной предполагавшейся полемике Ленина с Плехановым, читаем:

«Владимир Ильич имел намерение воспользоваться данной полемикой, чтобы рассказать действительную историю выработки программы партии, принятой на II с'езде. История эта и роль в ней Плеханова оставались в то время совершенно неизвестной широким кругам партии. Так как статья о Плеханове осталось ненаписанной, то неосуществленным осталось и намерение Владимира Ильича рассказать историю программы. Она стала известной только в связи с напечатанием в «Ленинских Сборниках» III и IV соответствующих документов из архива Владимира Ильича. Бегло вопроса об истории споров о программе Ленин коснулся в примечании к статье Воровского «Плоды демагогии», напечатанной в № 11 «Вперед» от 23/10 марта 1905 г. В этом примечании содержится то «обещание», о котором Ленин говорит в тексте под цифрой 4.

Приводим это примечание целиком: «Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мною, Плеханов первый выносит на публику в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т.-е. утверждением пикантным, но неясным и непроверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда—утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?» Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина «трудящаяся и эксплоатируемая масса» термином «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники шестерки упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контр-обвинением, что я «понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски» (подчеркнуто нами).

Предоставляем теперь Ваганяну после этой выдержки уверять читателя, что мы пишем неправду, когда говорим, что Плеханов выражение «диктатура пролетариата» пытался заменить выражением «трудящихся и эксплоатируемых» и т. д. Цитируемой выдержки не может не знать Ваганян, если он не хочет прослыть «невежественным» и «безграмотным» человеком. Она давным-давно опубликована в перепзданном «Вперед».

Особенное внимание следует обратить на обсуждение аграрной программы в редакции «Искры». Ленинские тезисы о допустимости выставления лозунга национализации земли в момент революции вызвали горячий отпор со стороны Плеханова. В этом вопросе Аксельрод и другие были целиком солидарны с Плехановым, выступавшим уже тогда застрельщиком против национализации. Что же,—не предвосхитило ли обсуждение ленинской статьи все споры, которые развернулись на Стокгольмском с'езде? Почему Ваганян обходит все это? Почему он упрямо твердит одно и то же, без всякого обоснования. Вот пример, который должен вызвать горячее возмущение всякого, кто привык уважать дело литературной и научной критики. Ваганян пишет:

«Попытка доказать, что в вопросах программы Ленин один был против всех,—показывает, насколько Ярославский не уважает своих читателей.

«В этих разногласиях, как и в разногласиях по теоретической части программы, стояло тогда по одну сторону большинство редакции, по другую сторону... один т. Ленин». Так может писать человек, который гарантирован от того, что его читатель вздумает его проверять.

«Нужно ли отметить, что сказания Ярославского суть сплошные... несоответствия истине? Читатель может проверить по книге «Ленинских Сборников» (стр. 35) [1]).

Тут, действительно, ничего не скажешь.

Пусть читатель обратится к «Ленинским Сборникам». Что же он увидит? Что только в единичных, частных случаях с Лениным бывает согласен тот или другой член редакции. В подавляющем большинстве принципиальных вопросов Ленин был один против всех остальных редакторов. Мартов и Потресов поддерживали Ленина, как члена своей молодой группы, лишь во внутренних организационных вопросах и в тех вообще случаях, когда нужно было несколько одернуть горячего Плеханова. Но в основных принципиальных вопросах они шли не за Лениным, а за Плехановым. Это неоспоримый факт, и это черным по белому написано в «Ленинских Сборниках».

* * *

Ваганян предпринял безнадежное наступление на бесспорные исторические факты. При этом он упорно отворачивается от них, криком заменяя доводы. В полемическом азарте он готов пойти на какое угодно ухищрение, лишь бы создать видимость своей правоты. К числу таких ухищрений принадлежит невинно ханжеский тон, когда он неожиданно восклицает:

> «С некоторых пор некоторая категория историков считает, что признание заслуг Ленина обязательно зависит от того, насколько будут умалены роль и значение Плеханова. Какое святотатственное неуважение к памяти нашего великого учителя!» (стр. 31—32).

Самое интересное—это то, что великолепная тирада Ваганяна помещена на той же самой странице, где он—несколькими строками выше—разделывается с «Друзьями народа». Со своей «убийственной» иронией Ваганян замечает по нашему адресу:

> «Они (и только они) способны писать о произведении, которое не выходило за пределы одного кружка, такие строки: «Что такое друзья народа» было первым лучшим произведением, которое правильно поставило вопрос о борьбе с народничеством, освобождало мировоззрение от народнических утопий, срывало покров социалистичности с мелкобуржуазной сущности народничества и помогло оформиться, с одной стороны, революционным марксистам, а с другой—буржуазным демократам».

---

[1]) Ваганян даже позволяет себе прямое передергивание: у нас сказано: один против всей остальной редакции; Ваганян нам приписывает мысль: Ленин один против всей партии. Неужели я должен доказывать, что редакция «Искры» не одно и то же, что «вся партия»?! *Е. Я.*

Мы и сейчас, конечно, не отказываемся от своих слов. Приведенную выдержку мы готовы повторять и отстаивать. И, безусловно, не только мы, как это прокламирует Ваганян,—каждый добросовестный член партии подпишется под нашими словами.

Жаль, что такой многоречивый обычно Ваганян не высказался подробнее о «Друзьях народа». Как он—непогрешимый от истории—оценивает это раннее произведение Ленина? Ваганян только успел небрежно заметить:

> «Конечно, «Друзья» — примечательная (!) книга, в ней заложено много чрезвычайно ценных элементов будущего большевизма, в ней в зачатке все элементы мировоззрения Ленина, но ведь она же появилась лишь в одном—двух десятках гектографированных экземпляров. Историки!»

Разве это допустимо—определять значение того или иного произведения для истории партии количеством изданных экземпляров?! По существу—ни малейшей попытки оспорить нашу характеристику, нашу оценку «Друзей народа». Ни малейшей попытки проверить, узнать, какое влияние оказали «Друзья народа» на развитие социал-демократического движения! И своей «иронией» Ваганян бьет самого себя. Ниже мы еще вернемся к этой ваганяновской оценке «Друзей народа».

Зато свою песенку об «умалении» роли Плеханова Ваганян поет очень упорно. Он повторяет ее в нескольких вариантах. Вот другой вариант:

> «На всем протяжении книги ни единым словом авторы не говорят об Аксельроде. Они искажают революционное наследие Плеханова, чтобы не трогать подлинный оппортунизм Аксельрода».

Ярославский, видите ли, боится, что большая фигура Плеханова заслонит Ленина, и поэтому он сознательно умаляет заслуги отца русского марксизма. Ваганян уверяет, кроме того, что «умалением» Плеханова Ярославский не только хочет возвеличить Ленина, но одновременно с этим и спасти репутацию... Аксельрода. А чтобы читатель не сомневался в том, что критика Плеханова обязательно исходит из тайного желания возвеличить одновременно Ленина и Аксельрода,—Ваганян делает опять-таки наглядную операцию, сущность которой сводится к тому, чтобы показать читателю, как важно взять на учет распространение классических вещей Плеханова. Ваганян не находит ничего лучшего, как снять с пьедестала ленинское «Что такое друзья народа». Теперь судите, читатель, кто и как занимается возвеличением и умалением.

Нетрудно, конечно, убедиться, что совершенно не верно, будто «авторы ни единым словом не говорят об Аксельроде», что оппортунизм Аксельрода замазывается. В последнем Ваганян мог бы с большим основанием упрекнуть себя самого, что следует из его признания Вольфсону:

> «Я дал недостаточно ясную картину отношения между двумя крылами группы «Освобождение Труда»—между Плехановым (якобинское крыло) и Аксельродом (перманентно оппор-

тунистическое крыло). У меня весьма глухо отмечено разногласие»[1]) (стр. 44).

Верно, что в нашей «Истории ВКП» Плеханову уделено неизмеримо большее внимание, чем Аксельроду; но, во-первых, значение Плеханова неизмеримо больше; а, во-вторых, никто не пытается изображать Аксельрода большевиком, как это делает облыжно Ваганян.

Мы тем более обязаны были это сделать, что подчеркивали необходимость учета по возможности всего нового материала. Если Ваганян выполнит свое обещание и по части Аксельрода даст нам что-либо новое, кроме того, что уже известно, мы охотно обещаем ему во второе издание включить и этот материал. Обвинения в «умалении» нами роли Плеханова, в каких бы вариантах они ни высказывались, ни на чем не основаны. Мы не изображали Плеханова стопроцентным меньшевиком,—разумеется, для эпохи 90-х годов[2]). Такую вещь может нам приписывать только Ваганян.

Мы осветили достаточно ясно и недвусмысленно те стороны деятельности Плеханова, которые навсегда вписали его имя в список немногих славных и неповторимых вождей революционного пролетариата. Не наша вина, что личность Плеханова не была цельной, монолитной. Не наша вина, что в Плеханове элементы революционные сожительствовали с элементами оппортунистическими. Вычеркнуть этого нельзя. Нельзя также делить жизнь Плеханова на две, не связанные одна с другой, половинки. Вот, мол, человек, хороший во всех отношениях, и вот он вдруг (когда началась империалистическая война) испортился и погиб. Так мог бы писать только разве Л. Г. Дейч о Плеханове, но он этого не напишет, потому что восхищен даже ренегатством Плеханова. Надо проследить зародыши тех воззрений, которые привели Плеханова к политическому ренегатству. Эти зародыши были в Плеханове в самую блестящую пору его деятельности. Об этом свидетельствуют неоспоримые исторические материалы.

Отчего же сердится Ваганян на нас? Пусть он сердится на некоторые особенности своей головы, которая предпочитает нереальные фантазии фактам. Ваганян обвиняет нас в «умалении» роли Плеханова только потому, что в его представлении фигура Плеханова вырисовывается в неестественном преувеличении. Если что уже достойно осуждения, так это ваганяновское стремление преувеличить значение Плеханова, в котором, право, такой человек, как Плеханов, не нуждается.

Мы не говорим уже об основной исторической «схеме» Ваганяна, которой касались в начале статьи. Нет почти ни одного исторического момента, который Ваганян не пытался бы подкрасить по-своему. Еще более, чем по вопросу о гегемонии проле-

[1]) Мы не знаем, каким еще очередным открытием подарит мир ученый критик Ваганян; но чрезвычайно характерно, что Ваганян пытается это проделать после того, как ему не удалось навязать читательской массе свои неправильные взгляды. Теперь, чувствуя, что нельзя это проделать мытьем, он, очевидно, пытается сделать это катаньем,—сразить нас делением группы «Освобождение Труда» на два крыла. Доля правды доля истины в этом делении, разумеется, есть. Но мы посмотрим, как Ваганян попытается эту долю возвести в целое. Поживем—увидим, а пока нельзя не отметить и этого обстоятельства.

[2]) Да и о каком стопроцентном меньшевизме могла быть речь в 90-х годах.

тариата в буржуазной революции и программных разногласиях, это сказывается у Ваганяна в вопросе о народническом наследстве. Как подходит Ваганян к нашему освещению вопроса о «Земле и Воле»? Здесь лучший пример передергивания у Ваганяна.

Ваганян пытается доказать, что у нас слишком слаба фактическая сторона истории. Подходя к освещению у нас вопроса об истории «Земли и Воли», Ваганян пишет: «О борьбе течений в «Земле и Воле» и расколе этого общества сказано буквально четыре строчки». Почему сказано четыре строчки, читателю, конечно, ясно, потому что, собственно, истории революционного движения у нас нет. Мы характеризуем, главным образом, идеологическую сущность. В этом отношении, что и отмечала критика, учебник строго выдержан.

Но уже на второй странице Ваганян призывает читателя не верить тому, что у нас нет фактов и доказывает, что у нас факты преобладают, а на стр. 13 опровергает сам себя, написав, что фактов-то у нас четыре строчки. Зачем ему это? Да потому лишь, что «Земля и Воля» была создана... Плехановым, «который стал одним из самых авторитетных идеологов землевольчества».

* * *

Как же он нас критикует? Ваганян пишет: «Пытаясь выяснить различие между лавристами и народниками, Ярославский пугает своих читателей»,—а дальше следует такая цитата из нашей книги:

> «Народовольцы в вопросе о терроре и цареубийстве тем отличаются от землевольцев, что первые этим приемом ограничивали всю тактику политической борьбы, между тем, как последние, принципиально не отвергая этих приемов, пытались вызвать крестьянское движение, которое единственно в силах осуществить, как полагали землевольцы, общинный коммунизм».

Процитировав, Ваганян, конечно, с ученым видом знатока, да еще такого знатока, который должен угробить своего противника, заключает: «Выходит так, что в вопросе о политической борьбе между ними не было разногласий. Выходит, что спор между ними шел лишь о месте террора в арсенале средств политической борьбы. На самом же деле дело не в этом, а в том, что первые были за политическую борьбу, вторые ее отвергали принципиально» (стр. 13). Так победоносно заявляет Ваганян. Он убил своего противника. Рановато и без всякого основания он торжествует. Ваганян берет эту цитату из раздела, который называется «Террористическая деятельность народовольцев». Здесь речь шла только о постановке вопроса о терроре в «Земле и Воле». Что же касается общих разногласий по вопросу о политической борьбе, то выше в разделе «Земля и Воля» он выясняется, при чем строк на десять выше той страницы, какую цитирует наш мудрец, так буквально и сказано о «новом течении народников» (сторонники политической борьбы...) («История ВКП», стр. 39).

Пусть же Ваганян докажет нам, что террор в сущности не был вопросом решающим до поры до времени в «Земле и Воле», разбившим ее на две группы. Повторяем, пусть докажет, ибо некий Ваганян в своем знаменитом «труде» о Плеханове (стр. 41) нам сам рассказывает:

«**Разногласия между двумя группами начались именно как разногласия о целесообразности политического террора** (подчеркнуто нами); перед революционерами встал вопрос об отношении социализма к политической борьбе несколько позже».

Мы советуем автору брошюры «Сеятели безграмотности и невежества» в своих последующих выступлениях против «ученых мужей» заодно раскритиковать и это место автора книги о Плеханове. Но так как автор книги о Плеханове В. Ваганян является одним из р-р-ревностнейших учеников Плеханова, то ему следует об'яснить и следующую выписку из своего учителя:

> «В конце Воронежского с'езда, состоявшегося летом 1879 г. я вышел из организации «Земля и Воля», убедившись в том, что она не может и не хочет отказаться от тех приемов борьбы, которые впоследствии получили общее и, в сущности, очень неудачное название **терроризма** и которые я со всей силой твердого убеждения считал вредными для нашего прямого и самого важного дела: агитации «в народе» на почве его ближайших нужд и его непосредственных требований» (Плеханов, «Почему и как мы разошлись с редакцией «В. Н. В.», т. XIII, стр. 23).

Не ясно ли после этого, что к числу основных фактических разногласий принадлежит именно не «Социализм и политическая борьба» в своей общей постановке, а вопрос о терроре?

Переходим к вопросу о «Народной Воле» и «Черном Переделе». И здесь бездна самоуверенности и развязности и минимум аргументов. Апологетика—очень, очень плохой компас для исторической критики. Именно апологетика толкает Ваганяна к заявлениям, что близость А. Ульянова к марксизму означает вырождение народовольчества в то время, как близость к марксизму «Черного Передела»—законная эволюция землевольчества к научному социализму.

Смехотворно и чудовищно нарушены все перспективы, когда Ваганян говорит о практических связях, непосредственном охвате практической работы «чернопередельцами», ни словом не обмолвясь о тысячах нитей, связывавших народовольцев с рабочими. Независимо от того, даже вопреки тому, как оценивали народовольцы свою собственную борьбу,—эта их борьба—ценнейшее звено и этап в революционном развитии рабочего класса. Более того. Мы не поймем и самой трагедии Плеханова, если не учтем того факта, что он, якобинец по натуре, должен был ковать революционную марксистскую тактику в значительной мере не на основе принятия народовольческого наследия, а в общем и целом **борясь** с «Народной Волей», **в противовес ей**. И недаром большевистскую веру в массы Плеханов любил трактовать, как возрождение старого народовольчества. Читатель знает, как смотрел он на крестьянское восстание на IV с'езде.

Можно привести еще одну чрезвычайно характерную деталь. После V с'езда Плеханов выпустил брошюру «Мы и они», т.-е., «мы»—меньшевики и «они»—большевики, где он большевиков изображал, как отпрыск старого бакунизма и анархизма 70-х годов. Вот, говорил Плеханов, когда я выступал на европейских конгрессах II Интернационала, меня хвалили всегда за то, что я-

де единственный революционер, который говорил, что в России не предстоит на следующий день революция. А то, бывало, любили повторять Либкнехт и др.: ваш Бакунин и другие выступали и указывали, что вот-де завтра у вас будет революция, а Россия все продолжала оставаться очагом реакции.

Конечно, Бакунин был неправ, но чрезвычайно характерно, что **Плеханов гордился, что ему на первый план выдвигали эту его умеренность и противопоставлял ее большевистской, якобы бакунинской, революционности**. Что здесь сквозило? Здесь сквозило то пренебрежительное отношение к массам, которое так характерно для всей истории меньшевизма. И после этого говорить, что «Черный Передел» является основным необходимым звеном, которого не мог миновать всякий эволюционировавший к марксизму в то время,—это уж просто смешно—это от Л. Г. Дейча. Сам Ваганян в своей книге, в угоду апологетике, пытаясь «Черный Передел» все время возвеличить,—а почему, читателю должно быть понятно: ведь в «Черном Переделе» был... Плеханов,—все время поставить его выше «Народной Воли», вынужден, в конце концов, запутавшись окончательно, признать, что, в сущности, «Черный Передел» вливается, в конце концов, в «Народную Волю», что Плеханов, в **сущности, уходит** от «Черного Передела» задолго до того, как он становится марксистом. Что мы не голословны, в этом убедится всякий, кто даст себе труд (не очень производительный, правда) прочесть первые 60 страниц ваганяновских писаний о Плеханове.

Мы не станем останавливаться на трескучих фразах Ваганяна по поводу того, что нас не интересует вопрос, почему марксизм вышел из земледельческого народничества «Черного Передела».

Нельзя не отметить следующей прямо-таки **сверх-абсурдности**, до которой доходит наш критик. Обвиняя составителей «Истории ВКП (б)» в выдвигании на первый план борьбы лавристов с бакунистами, Ваганян сам («своим собственным умом») доходит до такого вопроса: «Почему бакунизм из своей среды выдвинул «человеческий материал» будущего марксизма, а не лавризм?» По-ваганяновски рассуждение, следовательно, такое: не через «Народную Волю», а через «Черный Передел» идет развитие марксизма. Не лавризм, а бакунизм. Другими словами, борьба между «Черным Переделом» и «Народной Волей», по Ваганяну, есть лишь завершение борьбы между лавризмом и бакунизмом. И это пишет «ученик Плеханова»!

Так обстоит дело с ваганяновской критикой наследства, и тут, разумеется,—ничего серьезного, ни одного аргумента, попытки оправдать собственную путаницу, собственную апологетику, которая, в конце концов, доводит суждения Ваганяна до абсурдности. А между тем учебник освещает роль, как «Черного Передела», так и «Народной Воли», как **предтеч марксизма**.

* * *

Почему, наконец, так настойчиво придирается Ваганян к нашему освещению роли группы «Освобождение Труда» и других марксистских групп в создании коммунистической партии? Чтобы приписать Плеханову исключительную **монополию** заслуги в деле создания первых кадров нашей партии.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Пресловутое обвинение в «умалении» опять выплывает на сцену. Ваганян пишет:

«Группу «Освобождение Труда» он (Ярославский) обрисовывает в трех строчках, с брошюрой «Социализм и политическая борьба» и «Нашими разногласиями» разделывается на четырех строчках. Далее Ярославский переходит к программе «Группы 1884 года». Почему Ярославский так упорно обходит молчанием эти два гениальных памфлета Плеханова, в которых блестяще изложена вся тактика с.-д. и при этом в последовательно большевистском духе? Из желания умалить значение этого источника большевизма».

Все сказанное здесь Ваганяном, чистая неправда. Разве дело в количестве строк (их на самом деле во много раз больше), а не в том, что в этих строках сказано? Кто это выучил нашего «образованнейшего» критика так подходить к вопросу? Напомним читателю, что именно пишем мы по существу о Плеханове и о группе «Освобождение Труда»:

«Главнейшая заслуга в этой области, в деле перенесения марксизма на русскую почву, принадлежит Плеханову».

«Группа «Освобождение Труда» сыграла большую роль в деле развития марксизма в России и тем самым в деле создания рабочей партии. Иногда первоначальной датой организации нашей партии считают поэтому именно 1883 г.».

«Работы Плеханова имели особо выдающееся значение. Статья «Социализм и политическая борьба» разрешала видимое противоречие между социалистическим учением и политической борьбой, долго мучившее народников. «Наши разногласия» представляют собой дальнейшее развитие идей первой статьи. Здесь еще более обстоятельно в яркой форме разбиваются народнические предрассудки и устанавливается правильный марксистский подход к русской действительности. Знакомство с работами Плеханова необходимо всякому, кто желает подробно ознакомиться с первыми шагами русского марксизма и его борьбой с народничеством в 80-х годах».

Мы могли бы привести еще большее количество выдержек, которые без всяких оговорок говорят о гениальности Плеханова, его колоссальном значении и т. д. Читатель может проверить нас по «Истории ВКП».

Мы не признаем, как это делает Ваганян, в лице Плеханова основоположника и родоначальника большевизма. Но значит ли это умалять роль Плеханова и искажать историческую истину?

Весь процесс зарождения и развития марксизма в России Ваганян чуть ли не целиком об'ясняет влиянием группы «Освобождение Труда». Мы же, признавая колоссальную роль группы, конечно, далеки от такого чудовищного преувеличения и предостерегаем от него всякого, кто изучает историю нашей партии.

Прочитав у нас, что марксистские группы в России возникали «не только параллельно, но и совершенно независимо» от группы «Осв. Тр.», Ваганян особенно нервно засуетился.

«За исключением группы «Осв. Тр.», ни одна группа не доходила до марксизма самостоятельно. Процесс отхода от народничества завершался тем, что они—эти группы—неизменно обращались к Плеханову при выработке нового научного воззрения, к его двум гениальным памфлетам. Благоевская группа обычно служила якобы доказательством того положения, что самостоятельные группы возникали. Но тут жестокая ошибка» и т. д., и т. д....

Ваганян высокомерно советует нам прочитать Невского, чтобы убедиться и т. д.

Но Невский, увы, свидетельствует против Ваганяна. Громадной заслугой Невского, если бы даже у него были здесь невольные ошибки, как раз и является то, что он показал самостоятельность процесса возникновения марксистских групп в России.

Именно В. И. Невский доказывает, что

«в дальнейшем необходимо изучить работу группы «Осв. Тр.» параллельно самостоятельному социал-демократическому движению на фоне стихийного рабочего движения 80-х и 90-х годов» (Невский, стр. 192).

Именно В. И. Невский приводит ряд примеров:

См. о Павле Точисском (стр. 272); о Н. Г. Федосееве, который «совершенно самостоятельно пришел к выводу, что учение Маркса—единственно правильная, научная теория социализма и что, исходя из нее, только и можно выработать практический и правильный революционный метод борьбы и для России»; Невский приходит к заключению, что «мысль о создании боевой социалистической партии пролетариата таким образом была не только достоянием одного Плеханова, но родилась у нас дома, совершенно самостоятельно (курсив наш) в головах таких теоретиков, как Федосеев, и особенно, как это будет показано ниже, Ленина задолго до того времени, как действительно такая партия была создана» (стр. 260) [1].

Правы ли мы, говоря о самостоятельном возникновении российских марксистских групп? Но что возьмешь с Ваганяна, когда он через год забыл, что сам писал? [1]).

И дальше. Не пустая разве придирка—наскок Ваганяна по вопросу об эволюции Плеханова к марксизму?

Уместно вспомнить, что говорил сам Плеханов о рассматриваемом периоде:

«Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности. Читатель легко убедится в том, прочитав мою статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанную в № 3 «Земли и Воли», а также мои статьи, появившиеся первоначально в №№ 1—2 «Черного Передела».

Яснее ясного. На статьи, отмеченные Плехановым, мы и ссылаемся. В чем же тогда дело?

В «Истории ВКП», после приведенного Ваганяном предложения, довольно подробно рисуется картина дальнейшего движения Плеханова в сторону марксизма и в заключение дается следующее резюме:

> «Итак, еще в России Плеханов *под влиянием практики рабочего движения* значительно ушел от народнической теории в сторону марксизма. За границей этот перелом завершился».

Вот основание. Где же тут утверждение, что Плеханов, «еще будучи землевольцем, был марксистом»? Как бы пространно ни толковать выражение «становится на общетеоретическую платформу марксизма», нельзя уйти от его *расшифровки*, нельзя не заметить заключительного резюме. А Ваганян не заметил. Не потому ли, что ему во что бы то ни стало нужно обвинить авторов «Истории ВКП» во всех смертных грехах.

В основе рассуждений Ваганяна о Плеханове и группе «Освобождение Труда», лежит одна *принципиальная ошибка*, которая его губит. *Ваганян не понимает, какое значение в деле создания нашей партии имел повсеместный рост рабочего и марксистского движения и та колоссальная работа, которую проделали марксистские группы в России, в том числе питерский «Союз борьбы»*. Ваганяновская оценка значения «Друзей народа» в особенности ярко обнаруживает это непонимание.

Мы остановились на основных моментах ваганяновской критики. И вот, подводя итоги, нельзя еще раз не отметить, что в себе таит ваганяновская критика. Это—абсолютное непонимание задач партийной истории и, если хотите, задач партии. Стоит остановиться для этого хотя бы на оценке Ваганяном роли группы «Освобождение Труда», первых плехановских произведений и ленинских «Друзей народа». Ведь как подходит Ваганян к истории партии? Люди писали книги, книги распространялись, читались; от того, что читали—«умнели», «шли в ряды партии». Ведь это неслыханное издевательство над марксистской трактовкой партии. Ведь Ваганян представить себе не может, например, как «Друзья народа», несмотря на то, что они вышли вначале в нескольких десятках экземпляров (кстати, Ваганян, очевидно, думает, что «Наши разногласия» печатал в 80-х годах Госиздат в 100 тысячах экземпляров; очевидно, ибо он нигде не приводит подсчета, где и как распространялись в 80-х и 90-х годах «Наши разногласия», а у Невского он мог бы прочесть кое-что полезное и на сей счет),—могли пробивать дорогу, если так позволено выразиться, «Нашим разногласиям» гораздо больше, чем наоборот. Дело не в том, что тот или иной прочитал или не прочитал «Наши разногласия», а в том, что «Друзьями народа», переходом к массовой агитации (а этого Ваганян не станет отрицать,—в этом заключается грандиознейшая заслуга «Союза борьбы»), пробивалась дорога «Нашим разногласиям». Ваганяну не дано понять, ибо он не ленинец,—какое громадное значение имеет свидетельство Мартова (обрати внимание, читатель, Мартова, злейшего врага Ленина), которому врезалось в память и он считал долгом отметить это в своих последних воспоминаниях, что именно «Друзьям народа» в петербургских партийных кругах обязаны холодным отношением к марксистским выступлениям Струве, в то время как Мартов и все те марксисты того времени, которые были воспитаны на плехановских произведениях, встретили струвистскую критику народничества с восторгом. Об этом также свидетельствует Мартов. И когда мы это приводим в нашей «Истории ВКП», чтобы показать, какое значение имели «Друзья народа», чтобы показать, насколько, *как партийный документ*, они стоят выше, если хотите, и «Наших разногласий» и «Социализма и политической борьбы». Ваганян, как истый книжник, доктринер, возводит на нас всякую хулу. Пусть это его выступление будет наукой для всех тех, кто считает, что история партии измеряется только количеством блестящих и талантливых книг и количеством блестящих и талантливых теоретиков.

1) Крайне характерно, что в своей книге о Плеханове Ваганян о группе Благоева писал нечто не похожее на то, что он пишет сейчас. Тогда он писал: «... У меня нет основания оспаривать установившееся воззрение, что Благоевская эволюция к учению Маркса началась независимо от литературы группы «Осв. Тр.»... (стр. 101).

Мы уже видели, как бесцеремонно обращается Ваганян с такими произведениями В. И. Ленина, как «Друзья народа», пренебрежительно: влияние этого произведения не выходило-де за пределы одного кружка, напечатано было в двух—трех десятках экземпляров. А факты? А детали, которые составляют самую картину? Так как факты—упрямая вещь—говорят *против* Ваганяна, он, вероятно, думает: тем хуже для фактов.

В самом деле. А. А. Ганшин («Прол. Рев.», № 2 (14), ГИЗ, 23, стр. 73—75) сообщает, что он напечатал 100 экземпляров. Могилянский рассказывает, как он на юге переиздал «Друзья народа» на гектографе, и книга была распространена в *Чернигове и Киеве*. Об этом рассказывает г. К. А. Попов относительно *Дерптского* университета. С. И. Мицкевич говорит (см. «Прол. Рев.», № 2 (14), ГИЗ, 23, стр. 61—72), что произведение это было известно, кроме *Петербурга и Москвы*, в *Вильне и Пензе*. Евг. Колосов («Былое», 827—828, стр. 334) описывает, как в *Томске* зимой 1895—1896 г. эта работа вызывала восторженное отношение. О таком же отношении свидетельствуют: Н. А. Семашко, Н. К. Крупская, З. Кржижановская, Л. Мартов, Б. Горев, К. Тахтарев. Н. К. Крупская сообщает о распространении «Друзей народа» в *Полтаве*.

Пусть назовут нам другое *нелегальное* произведение того времени, которое имело бы *такое* распространение и *такое* влияние. И пусть судит читатель, как можно с такой развязностью, как у Ваганяна, критиковать работу по истории ВКП(б).

* * *

На этом можно было бы закончить разговоры с Ваганяном. Но стоит еще особенно остановиться на вопросе о просветительстве—народничестве 60-х, 70-х годов. Ваганян обвиняет нас в непонимании природы народничества и приводит ленинскую оценку его.

Если читатель поверит Ваганяну, не проверив его, он, пожалуй, подумает, что нам неизвестна ленинская оценка, что мы, действительно, думаем, что народничество было оформленной

идеологией буржуазии. Разумеется,—глупейший вздор. О народниках, как идеологах крестьянства, достаточно говорится и в специальной главе, посвященной народничеству, и в главе о легальном марксизме, где критикуется струвистский подход к народничеству.

В самом деле, как поставлен у нас вопрос? Где и как мы говорим о народниках 70-х годов, как идеологах буржуазии? В разделе «Русские просветители шестидесятых годов» мы излагаем сущность просветительства и показываем, в какой связи соответствовала она нашей характеристике шестидесятников.

«В этом смысле,—писали мы,—можно говорить о народничестве 70-х годов, как идеологии нарождающейся буржуазии».

У самого Ваганяна мы читаем по этому поводу:

«Разумеется, об «идеалах» и воззрениях просветителей-народников нельзя судить по тому, как они сами себя аттестовывали. Их воззрения были гораздо ближе к буржуазному, чем они представляли, но тем не менее они не были «идеологами буржуазии». И Ленин и Плеханов справедливо настаивают на крестьянском происхождении их идеологии. Плеханов прямо называет народничество «особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма». Ниже увидим, что и Ленин оценивал его точно так же. Не ясно ли, читатель, и здесь, как и всюду, у Ваганяна: Плеханов сказал, Ленин согласился.

Ваганян, к сожалению, не говорит, где и в чем их воззрение было гораздо ближе к буржуазному, чем они представляли. А между тем, если бы он добросовестно подошел к тому, что написано, он бы понял, что никакого противоречия тут нет. В самом деле. Вот что Ваганян мог бы прочесть по этому поводу у Плеханова:

> «Мировоззрение Добролюбова ничем существенным не отличалось от мировоззрения Н. Г. Чернышевского. Поэтому мы имеем полное право сказать, что этот отзыв Маркса о Добролюбове относится также—в смысле общей характеристики мировоззрения—и к Чернышевскому. В чем же состоит существенное содержание этого отзыва? В том, что сочинения Добролюбова заставили Маркса вспомнить о великом французском «просветителе» Дидро и о великом немецком «просветителе» Лессинге (подчеркнуто нами). Но если читатель даст себе труд ознакомиться с содержанием предлагаемой книги, то он увидит, что я именно называю Чернышевского «просветителем» и утверждаю, что его точка зрения была чрезвычайно близка к точке зрения французских «просветителей» XVIII столетия. Это очень похоже на отзыв Маркса о сочинениях Добролюбова. Правда, французские просветители не были социалистами. Но это частность, не имеющая значения там, где речь идет об общем миросозерцании данного автора. Ни один понимающий дело человек не откажется признать, что все французские социалисты утопического периода в своем основном взгляде на движущие силы общественного развития целиком стояли на точке зрения «просветителей» XVIII века. Теперь спрашивается: стоял ли Маркс на этой точке зрения? Неизбежный ответ: он покинул ее, чем и совершил переворот в будущей науке» (Плеханов, собрание сочинений, том V, стр. 129).

Впадает ли здесь Плеханов в противоречие с самим собой? Конечно, нет, ибо здесь речь идет не о социально-политической характеристике.

Ваганян упрекает Ярославского в том, что он, якобы, валит всех просветителей в одну кучу. Ваганян пишет: «Герцен, Белинский, Грановский, Добролюбов, Писарев—какая должна быть путаница в головах у наших авторов». Но в смысле характеристики общих черт просветительства можно было это делать? Мы отвечаем: да, можно. Никакой ошибки здесь нет. Вот у нашего критика, который, как ему кажется, путаницей в голове совсем не страдает, на странице 15 написано следующее:

> «Таков просветитель,—тот самый, который в 60-х годах был в России властителем дум; лучшими и крупнейшими представителями русского просветительства являются Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.; крайним крылом—настоящим enfant terrible нашего просветительства был Д. И. Писарев, но этот гениальный юноша, приводивший в ужас многих и многих либеральных людей и умеренных «подданых благословенного царя», не без большого основания считал себя учеником школы Белинского».

В чем основная ошибка Ваганяна? Основная ошибка Ваганяна заключается в том, что он не понимает просветительства, как нарождающейся идеологии буржуазного строя и не видит разницы между общей характеристикой просветительства и и социально-политическими характеристиками различных классов и группировок, которые представляются в этот период в зародышевом состоянии.

Мы считаем не совсем правильной ту характеристику просветительства и революционного народничества, которую мы даем в первой главе. Но ошибка наша, как это и отмечала добросовестная критика,—ошибка незначительная; именно недоразумение.

Если взять связь со всем тем, что у нас написано о народничестве, либеральном и революционном, то природа просветительства и природа народничества поняты нами правильно. Мы допустили ошибку лишь в том, что недостаточно уточнили разницу между просветительством, как идеологией нарастающего буржуазного строя с социально-политическими характеристиками классов и групп, которые затушевали обще-просветительную идеологию в 60-х годах. Это легко исправимая ошибка. И мы ее исправим.

Мы особо остановились на вопросе о просветительстве, считая, что в оценке русского просветительства—народничества 70-х годов, к сожалению, договоренности в общем еще нет, что по этому поводу происходит одно чрезвычайно интересное и характерное недоразумение, что слишком обобщают и народничество 60-х и 70-х годов и народничество последующего периода, а между тем первое примыкает больше к революционному просветительству, чем к последующему эпигонскому народничеству. И не случайно Владимир Ильич подразделяет народничество 70—90-х годов на крестьянский и мещанский социализм, т.-е. на буржуазно-революционный и мелкобуржуазно-реакционный социализм, хотя, разумеется, и у того и у другого есть сходство—мелкобуржуазная критика капитализма.

В заключение мы хотели бы еще остановиться на типе построения нашего учебника. И по этому поводу у Ваганяна шуму сколько хочешь, а по существу ни одного слова. «Дикое непонимание задач учебника. Рекомендация его ГУС'ом топит репутацию ГУС'а, вызывает недоумение, что «Правда» рекомендует его комвузам и партвузам» и т. д., и т. д., — всего не перечесть. Лучше было бы, если бы Ваганян, хотя бы коротенько написал, как он понимает задачи учебника. Мы же, судя по отзывам критики, считаем, что тип учебника для наших партком вузов совершенно правилен. Конечно, мы не думаем отрицать целого ряда недостатков в построении; кое-что можно будет сократить, кое-что, может быть, удалить, но тип в общем и целом единственно правильный и целиком оправдавший себя.

Приведя то место, где мы пишем, что главное внимание в учебнике уделяется вопросам организации, тактики и стратегии ВКП, вопросам партийного строительства, и поэтому, собственно, истории революционного движения в этом учебнике почти нет,—Ваганян пишет: «Поверить Ярославскому, значит принять «Историю ВКП» за историю развития организационных идей». Разве история тактики партии есть история организационных идей? Откуда же вытекает это «значит»? Это, разумеется, так и остается секретом т. Ваганяна.

Мы, к сожалению, очень мало останавливались на указаниях товарищеской критики. Само собою разумеется, мы сделали это только потому, что размер статьи не позволяет нам более подробно остановиться на этих указаниях. Мы сделаем это в самое ближайшее время, а сейчас заметим: кое-какие из этих замечаний мы намерены использовать в следующем издании книжки; коекакие указания нам остались непонятными; кое с чем и не согласны. Во всяком случае мы еще раз пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность тем из товарищей, которые нам эти указания сделали.

Статья эта является коллективным ответом участников, составителей первого тома «Истории ВКП(б)». Мы сожалеем, что вынуждены тратить время для ответа на брошюру Ваганяна. Мы делаем это, конечно, не для того, чтобы убедить в чем-либо Ваганяна, а потому, что вынуждены защищать читателя от подобных нападений на большевистскую историю партии, каким является брошюра Ваганяна, позволяющая себе прямо третировать такие величайшие произведения ленинской мысли, как «Что такое друзья народа».

Майзлин.

Тов. Бухарин в борьбе против „оппозиционного" блока.

28 июля 1926 года тов. Бухарин делал доклад на собрании актива ленинградской организации, напечатанный в «Правде» под названием «Партия и оппозиционный блок». В этом докладе, произнесенном на активе крупнейшей пролетарской организации, допущены настолько неверные постановки серьезнейших вопросов нашей экономики и политики, настолько неверные толкования фактов нашей действительности, и такие искажения позиции тех товарищей, которые причисляются им к «оппозиционному блоку», что оставить их без ответа ни в коем случае нельзя.

I. Индустриализация.

Идем ли мы по пути индустриализации или нет? Достаточен ли темп этой индустриализации? С этим важнейшим вопросом тов. Бухарин разделывается с поистине гениальной простотой.

Он берет следующие данные: 1) с 1922—23 года по 1925—26 год валовая продукция сельского хозяйства выросла на 32%, валовая продукция промышленности—на 274% [1]). По намечаемому пятилетнему плану (с 1925—26 по 1929—30) предполагается увеличение валовой с.-хоз. продукции на 20,8% (товарной—на 43%), в то время, как увеличение промышленной продукции предположено на 110%. 2) Число промышленных рабочих с 1/VI 1925 по 1/VI 1926 года возросло больше, чем на 300 тыс. человек, т.-е. на 19 с лишком процентов—несравненно больше естественного прироста населения. 3) Сумма заработных плат в 1922—23 году составляла 20% всего национального дохода, в 1924—25 году—28% нац. дохода. Все эти цифры приводят тов. Бухарина в такой раж, что соответствующую часть своего доклада он озаглавливает уже: «О так называемой «диспропорции» в развитии сельского хозяйства и промышленности». О чем в самом деле беспокоиться? Кругом индустриализация—и в прошлом и в будущем, и в отношении продукции, и в отношении числа рабочих, и в отношении доли дохода последних. Не ясно ли, что всякие разговоры о росте диспропорции есть недопустимое сгущение красок и «неверие», в лучшем случае скептицизм в отношении социалистического строительства в нашей стране. Так ли это?

---

[1]) Тут, вероятно, впопыхах, Бухарин сделал «маленькую» ошибку. Продукция 1925/26 года составляет 274% продукции 1922/23 года. Значит, она увеличилась на 174, а не на 274%.

Мы не будем оспаривать цифр Бухарина—они общеизвестны. Отметим только, что, говоря о росте доли доходов рабочего класса в национальном доходе Союза, Бухарин забыл сказать, что сумма заработных плат, из которой он исходит, является суммой заработных плат не рабочих, а всех лиц наемного труда, т.-е. и торговых служащих и советских служащих. Не считает нужным он отметить и того, что в той же самой статье Гухмана в «Плановом Хозяйстве», из которой он берет свои данные, черным по белому написано, что в то время, как сумма заработных плат сов. служащих за 1923—24 год возросла на 94,8%, а торговых служащих—на 108,3%, сумма зар. плат рабочих крупной промышленности возросла только на 52%. Но это между прочим: возможно, что тов. Бухарину такими мелочами заниматься некогда.

Мы остановимся только на двух крупнейших вопросах. Казалось бы, что при таком «бешеном» развитии индустриализации товарный голод должен был бы, если не исчезнуть, то, по крайней мере, непрерывно ослабевать, а безработица, если не изживаться, то по крайней мере не увеличиваться. А на самом деле дело обстоит не так.

Самым надежным показателем роста или ослабления товарного голода является увеличение или уменьшение разницы между отпускными и розничными ценами. Совсем недавно (см. «Торг.-Пром. Газету» от 10/VI тек. года, № 131 «Движение оптового и розничного индекса» и от 29/VII 1926 г. № 170—«Оптово-розничные ножницы») индексная комиссия ВСНХ опубликовала подробный материал по этому поводу. Оказывается 1-го октября 1923 года розничная накидка на отпускные цены промышленных товаров широкого потребления составляла 8%, в 1923—24 году она составляет в среднем уже 27,4%, в 1924—25 году—43,4%, в первом полугодии 1925—26 года—55,3%, а в первые четыре месяца второго полугодия этого года—65%. Вместо изживания товарного голода мы имеем бешеный его рост.

За последний год (по 1 июня) мы втянули в производство, по Бухарину, целых 300 тыс. рабочих (на самом деле даже больше—около 400 тыс.). Но на ряду с этим в течение первого полугодия 1925—26 года—с октября по март (к сожалению, за предыдущее время сравнимых цифр, в связи с новой системой учета безработных, нет) число зарегистрированных на биржах труда безработных выросло с 952.300 чел. до 1.057.600, т.-е. увеличилось на 105 тысяч, или на 11% в полугодие. Безработица не убывает, а быстро растет.

Как об'ясняет Бухарин эти факты? Он молчит о них. А между тем, в них вся суть. Ведь нельзя же сводить вопрос к тому, как изменяется отношение между вещами—между сельскохозяйственной продукцией и продукцией промышленности: основной и решающий вопрос состоит в том, как эти изменения отражаются на людях и в первую очередь—на трудящихся массах—рабочем и крестьянине. А факт таков, что рост потребности в промышленных продуктах обгоняет производство их, а рост числа занятых в промышленности и транспорте рабочих отстает от количества рабочих рук, выбрасываемых из деревни. Изживание это диспропорции или рост?

Всякий разумный человек скажет, что рост, и бухаринской арифметикой от этого не отделаешься.

Так обстояло дело до сих пор. Какие же виды на будущее? Мы уже имеем разработанные ВСНХ предположения о развитии промышленности с 1925—26 г. по 1929—30 г. В рамках нашей экономической политики эти предположения никак не могут считаться преуменьшенными, наоборот: в то время, напр., как по этим предположениям в 1926—27 г. нужен ввоз оборудования для нашей промышленности на 200 миллионов рублей, сам ВСНХ не решается пред'явить такие требования, и настаивает на включении в импортный план предстоящего года ввоза оборудования только на 130 милл. руб. Таким образом, выполнение этих пятилетних предположений наталкивается на серьезнейшие препятствия уже в предстоящем году.

К чему сводятся эти предположения?

В 1913 году потребление предметов широкого потребления на душу населения составляло в современных червонных рублях (не считая водки) 30 руб. 42 коп. В текущем году оно составляет 21 р. 83 к., т.-е. 71,7%—меньше ¾ довоенного потребления, а в 1930 г. дойдет до 33 р. 22 коп., т.-е. составит 109,2% довоенного. Иначе говоря, средний уровень жизни населения за 17 лет (с 1913—1930) вырастет только на 9%. При этом такие предметы широкого потребления, как соль, керосин, не доходят до довоенного уровня (81% и 93%), а ткани—только-только доходят до него (бумажные—105%, а шерстяные—90%). Много это или мало? Думается, что после пролетарской революции, которая должна сопровождаться улучшением положения широких масс трудящихся—безусловно мало.

Но это среднее увеличение. А что оно будет означать для трудящихся? Косвенный ответ на этот вопрос дают следующие цифры пятилетних предположений.

По промышленности ВСНХ увеличение числа рабочих намечено с 1.454.000 человек в 1925—26 г. до 1.933.000 чел. в 1930 г., т.-е. за пять лет на 479.000 человек. Для всей промышленности это означает прирост, примерно, на 650 тысяч человек. Если считать, что прирост пойдет таким же темпом (33% в пятилетие) в транспорте и связи (где до сих пор он шел очень медленно), то и тогда прирост рабочих определится в размерах не более 1 миллиона человек в пятилетие, т.-е. около 200 тыс. человек в год. Между тем, по подсчетам проф. Огановского, отход рабочих рук из деревни в город в течение предстоящего пятилетия будет составлять от 450 до 600 тыс. человек в год. Цифры эти в отношении текущего года подтверждаются полностью, так как, увеличив в этом году число промышленных рабочих на 400 тыс., мы получили уже за полгода прирост безработных на 100 тысяч человек. Таким образом, если исходить из минимальных цифр отхода в города 450 тыс. человек, то и тогда промышленность и транспорт далеко не поглотят и половины той рабочей силы, которую будет выбрасывать деревня. Безработица будет расти. А эти незанятые рабочие руки будут всей силой давить в деревне на батрака и бедняка, усиливая их эксплоатацию кулаком. В городе же эти избыточные рабочие руки в лучшем случае будут делать крайне неустойчивым положение рабочего на фабрике. Таким образом, все говорит за то, что жизненный уровень деревенских низов и рабочих,

будет при этом плане, которым так доволен Бухарин, значительно ниже и так уже незначительного среднего уровня.

Будет ли изжит по крайней мере, товарный голод? Как ни преувеличивают у нас подчас значение крестьянского рынка, однако, несомненно, что в области спроса на продукты широкого потребления крестьянство в целом играет и будет играть первенствующую роль. А здесь, согласно тем же пятилетним предположениям ВСНХ, которые берет в основу своих построений тов. Бухарин, дело обстоит так: в 1913 году крестьянин потреблял промышленных продуктов вместе с водкой на 34 р. 22 к. (в современ. червон. рублях). В настоящем году он потребляет на 16 р. 50 коп. (по отпускным ценам, на деле он платит гораздо выше. Иначе говоря, его платежеспособный спрос гораздо выше того, что мы ему можем дать; отсюда и чудовищные накидки на промышленные товары в деревне, достигающие сплошь и рядом 100 и более процентов). В 1930 году мы сумеем предоставить ему промышленных товаров (с водкой, по отпускным ценам) только на 30 руб. 17 коп., т.-е. около 90% довоенной нормы. К этому времени продукция сельского хозяйства, как предполагает и тов. Бухарин, дойдет до 106% довоенной. А это значит, что платежеспособный спрос крестьянина будет значительно выше довоенного, ибо платежи крестьянства по аренде, налогам и проч. в результате ликвидации помещичьего землевладения, значительно ниже довоенных. (Ср. по этому поводу исчисления тов. Преображенского в его «Экономических заметках», напечатанных в свое время в «Правде»). Следовательно, платежеспособный спрос крестьянства покрыт не будет, и он вновь и вновь будет вздувать розничные цены на продукты промышленности, вновь и вновь создавать товарный голод.

Итак, намечаемые предположения развертывания промышленности, которые приводят в восторг тов. Бухарина, не дают возможности ни значительно увеличить благосостояние трудящихся—рабочих и крестьян,—ни сократить безработицу, ни изжить товарный голод. Можно ли это назвать изживанием диспропорции? Разумеется, нет.

Каким же образом тов. Бухарин сумел в своем докладе уклониться от этих само собой напрашивающихся выводов и «уничтожить» диспропорцию? На три четверти это сделано путем очень простых, но не очень ловких фокусов. Вот эти фокусы.

Фокус № 1. Мы дошли в производстве промышленных товаров почти до довоенного уровня (95%). Но т. Бухарин предпочитает умолчать о том, что население выросло с 1913 года не менее, чем на 20%. По этому одному нехватка промышленных продуктов неизбежно должна была оказаться гораздо больше, чем это получается, если обращать внимание только на отношение современной продукции к довоенной. Бухарин предпочитает также забыть и о том, что от нас отошли западные области—Польша, Литва, Латвия и Эстония с более развитой промышленностью, чем в среднем по СССР, и что это усилило диспропорцию внутри последнего. Таким образом, если бы промышленность даже достигла по СССР довоенного уровня, то нехватка продуктов промышленности была бы больше, чем в довоенное время. Именно поэтому-то, когда промышленность не дошла до довоенного уровня только на

5%, душевое потребление продуктов промышленности (широкого потребления) не дошло до довоенного на 28%.

Фокус № 2. Тов. Бухарин начинает счет роста промышленности и сельского хозяйства с 1922—1923 года, когда продукция промышленности составляла только 35% довоенной, а сельское хозяйство—67%. Ясно, что восстановление промышленности (при огромных резервах неиспользованного оборудования) не могло не итти несравненно быстрее сельского хозяйства, и приходить здесь в восторг нет оснований. Ведь при «бешеном» темпе роста за эти годы—на 174%—она должна только до 95% довоенной. Если бы с 1922—1923 г. промышленность и сельское хозяйство развивались одинаковым темпом, то мы имели бы не хозяйственные затруднения и даже не кризис, а хозяйственную и политическую катастрофу.

Фокус № 3. Тов. Бухарин «забывает», что увеличение продукции промышленности и развитие промышленности далеко не одно и то же. До сих пор наша промышленность развивалась в общем и целом не за счет создания нового оборудования, а за счет более полной загрузки работавших и пуска в ход стоявших заводов. Только поэтому при ограниченных средствах, бывших в распоряжении промышленности она могла дать тот темп развертывания (все же недостаточный), который мы имели до сих пор. Мы усиливали продукцию на основе старого оборудования, доставшегося нам в наследство от буржуазии. Серьезным экзаменом для нашей экономической политики с точки зрения способности ее осуществить индустриализацию страны, будет как раз тот период, когда увеличивать продукцию промышленности мы сможем только путем расширения старых и постройки новых заводов. Этот период только еще начался в 1925—26 году, еще подавляющую часть увеличения продукции мы производим за счет старого оборудования, а уже натолкнулись на серьезные затруднения: и резкий рост товарного голода, и снижение покупательной способности рубля, и связанные с этим заминки в экспорте, и снижение реальной заработной платы. Наша экономическая политика не выдержала первого же года серьезной проверки и чем дальше, тем несостоятельность ее будет становиться яснее.

Таковы фокусы тов. Бухарина. Но наряду с этим он, очевидно, до сих пор не может понять самого смысла нашей политики индустриализации.

В самом деле, индустриализация является общим законом и общим условием развития производительных сил во всякой стране и во всяком обществе. Начинается она, как ему должно быть хорошо известно, еще с того времени, когда ремесло обособляется от земледелия в качестве самостоятельной профессии, т.-е. задолго до отделения города от деревни. Если бы дело шло только о том, чтобы промышленность развивалась быстрее сельского хозяйства, то и спорить было бы не о чем. Эта задача разрешалась даже при крепостном праве. Речь идет о том, чтобы мы, как пролетарское государство, осуществившие национализацию промышленности (и национализацию земли), использовали это завоевание революции для более быстрого темпа развития, для большего темпа инду-

стриализации, чем это могло бы сделать *капиталистическое общество*. Поэтому говорить, что «индустриализация нашей страны это есть в первую очередь повышение удельного веса нашей промышленности во всей совокупной экономике страны», как это делает Бухарин, и только—значит показывать полное непонимание сути дела. *Вопрос как раз в темпе этого повышения.*

Даже в капиталистическом обществе этот темп должен быть достаточен для того, чтобы 1) обеспечить известный рост душевого потребления; 2) обеспечить рост производства средств производства в таком размере, чтобы и *промышленность и сельское хозяйство* поднимались на все более высокую техническую ступень, т.-е. увеличивали производительность труда за счет технических улучшений процесса производства, и 3) обеспечить поглощение освобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук. Мы видели, что даже эти задачи тем темпом развития, который мы имели до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечены.

А между тем, на нас, как на пролетарском государстве, лежат и более серьезные задачи. Прежде всего *не только увеличение среднего душевого потребления, но и рост благосостояния трудящихся вообще и пролетариата в частности*,—и притом более быстрый, чем в передовых капиталистических странах, и притом—без колониальной эксплоатации. А, *кроме того, развитие производительных сил должно у нас сопровождаться ослаблением классовых противоречий, а не усилением их*. Здесь мы подходим к вопросу о крестьянстве.

II. Крестьянский вопрос.

В корне неправильным является взгляд, довольно широко распространяющийся в последние годы в нашей партии и сквозящий у тов. Бухарина, будто бы индустриализация является процессом, враждебным сельскому хозяйству, в корне неправильная боязнь «обидеть» крестьянина индустриализацией. Поневоле приходится напоминать азбучные истины, что самое развитие сельского хозяйства возможно только на базе индустриализации, что только при замене сохи плугом, плуга—трактором, только при развитии так называемой сельскохозяйственной промышленности (сахарных заводов, заводов по первичной обработке сельскохозяйственного сырья и т. п.), только при развитии электрификации сельское хозяйство может повышать свою технику, повышать производительность труда, степень урожайности, переходить на новые культуры и пр. Только индустриализация одновременно создает и более высокую технику сельского хозяйства, вызывающую усиленный спрос со стороны его на продукты промышленности, и новые рынки сбыта для сельскохозяйственной продукции, т.-е. усиление его товарности. *Одностороннее усиление этой товарности без индустриализации и изменения техники сельского хозяйства характерно как раз для колониальной политики капиталистических стран, ведущей неизбежно к пауперизации (обнищанию) крестьянства.* Испытанными средствами *такого усиления товарности* является сбыт в колонии всякой промышленной дряни—дешевых и негодных предметов потребления, опиума, водки и т. п. Разорение крестьянства, с одной стороны, развитие эксплоататорских отношений внутри деревни—кулачества и ростовщичества—таков неизбежный результат такой политики. Это, конечно, не наша политика.

Борьба против классового расслоения деревни далеко не простое дело. Наивно было бы считать, что это расслоение является результатом злой воли кулака, поставившего своей задачей эксплоатировать своего ближнего. При крайней неустойчивости мелкого хозяйства, когда всякая случайность (падеж скота, градобитие, неурожай)[1]) выбивает его из колеи, *более зажиточная часть деревни сосредоточивает в своих руках резервы крестьянского хозяйства*, за счет которых «помогает» своим односельчанам, когда те попадают в беду. Эта «помощь» *в условиях частного хозяйства* неизбежно превращается в эксплоатацию того, кому «помогают». Уничтожить эту эксплоатацию можно только в том случае, если «помощь» в частнособственнических формах будет уничтожена и заменена действительной помощью со стороны обобществленной части народного хозяйства. Чем больше мощь государственной промышленности, с одной стороны, государственных финансов и кредита—с другой, чем больше эти последние опираются на национализированную промышленность, тем легче будет переход мелкого собственника к социалистическому производству через промежуточную форму кооперации. Наоборот, чем слабее государственная промышленность, чем неустойчивее ее финансовое положение, чем более государственные финансы и особенно кредит опираются на частное хозяйство, тем легче развиваются в мелком хозяйстве капиталистические тенденции. Если промышленность не в состоянии продавать свои товары (особенно сельскохозяйственное оборудование) в кредит, то они неизбежно попадают в руки более богатого крестьянина, который в состоянии заплатить наличными, и служат в его руках орудием закабаления бедноты. Сама кооперация вне материальной поддержки и контроля со стороны пролетарского государства, или при недостаточности этой поддержки, стихийно стремится развиваться как кооперация зажиточной части деревни, т.-е. как элемент капиталистического, а не социалистического развития. Яркой иллюстрацией этого является уже неоднократно отмеченное стремление нашей кооперации кредитовать «мощного» середняка (при небольших средствах—безопасней и выгодней), у которого и ссуда не пропадет и от которого можно ожидать и вклада. Еще более показательно выдвинутое недавно предложение разрешить продажу за долги у неаккуратного заемщика даже необходимого инвентаря. *Осторожность в развитии индустриализации из боязни обидеть крестьянина и вытекающая из этой осторожности слабость государственного хозяйства* на деле ведут к тому, что в нашей деревенской политике мы все более должны опираться на зажиточные слои

---

[1]) Кстати, нельзя не отметить, что происходившее в последние годы чередование неурожайных и урожайных годов было самой благоприятной почвой для расслоения деревни. Закабаляя своего соседа в годы неурожая, более зажиточный крестьянин в урожайный год реализовал свои кабальные сделки и превращался в кулака.

крестьянства. При слабом темпе индустриализации смычка с крестьянством неизбежно превращается в смычку с кулаком. Бедняк поворачивается спиной к пролетарскому государству, которое не может ему помочь. А так как именно беднацкие слои деревни являются тем резервуаром, откуда пополняется рабочий класс, то бедняк, попадая в город, становится проводником мелкобуржуазных влияний на рабочий класс вместо того, чтобы быть проводником пролетарского влияния на крестьянство.

Всего этого тов. Бухарин совершенно не понимает. Самый факт расслоения крестьянства для него не существует, несмотря на то, что крестьянство задержало в этом году значительные запасы хлеба до весны (не бедняки же это сделали!), несмотря на рост числа беднацких хозяйств, на усиление кулака в кооперации и советах. Со своей обычной приверженностью к теоретическим построениям и нелюбовью к изучению фактов, он старается «доказать теоретически», что степень расслоения крестьянства преувеличивается «оппозицией»: «У нас при национализации земли,—говорит он,—такого быстрого темпа расслоения быть не может» (курсив наш). И затем сославшись на одну из речей Ленина, но благоразумно не цитируя ее, он продолжает: «Поэтому, чтобы вам ни говорили (!), мы никак не можем притти к выводу, что за последние два года у нас картина могла резко перемениться в смысле дифференциации крестьянства. Этого быть не может!» Когда теоретик начинает опровергать факты теорией вместо того, чтобы строить теорию на фактах,—это означает последнюю степень теоретического падения!

Закрывая глаза на факты, истерически крича «не может быть!» тов. Бухарин не желает знать ни бедняка ни кулака. Для него существует только крестьянство вообще, союз с крестьянством. Говоря о политическом положении страны, он лишь для порядка поминает разок «беднацкие массы» [1]), главное же для него «успокоение крестьянства и успокоение крестьянской середняцкой массы». «Для крепости пролетарской диктатуры,—пишет он жирным шрифтом,—политическое состояние крестьянства является одним из самых решающих факторов». Точно так же и по отношению к кооперации: посвятив ей всего два десятка газетных строк, он констатирует только ее количественный рост. Что за этим ростом скрывается, его не интересует. Что общего здесь с Лениным, который всегда подчеркивал, что союз с середняком только тогда обеспечивает диктатуру пролетариата, когда он осуществляется через бедняка, когда он является союзом рабочего и бедняка с середняком. Упрекая тов. Преображенского в упрощенной постановке вопроса, он сам делает недопустимейшее упрощение—упрощение классовых отношений внутри крестьянства. Для него существуют три разгороженные друг от друга глухой стеной класса: пролетариат, крестьянство, буржуазия. Он не понимает и не хочет понимать, что нет этой глухой стены ни между низшими слоями крестьянства и пролетариатом (именно поэтому через

[1]) Во всем докладе Бухарина, направленном на защиту крестьянства от «сверх-индустриализаторов», самые слова «бедняк» и «кулак» употребляются только по два раза.

бедняка идет смычка) ни между верхушкой крестьянства и буржуазией (именно поэтому опасность разрыва союза пролетариата и крестьянства сразу усиливается, как только эта буржуазия появляется). Вместо диалектической постановки вопроса—сплошная метафизика.

III. Частный капитал.

Так или иначе, тов. Бухарин теоретически «доказал», что если кулак и есть, то самый пустяковый (всего два года от роду, откуда же ему большим быть). Наличие частного капитала отрицать труднее,—статистика, которая так и не могла подсчитать, сколько у нас кулаков, частных торговцев подсчитала весьма точно—323.855 человек. Менее точно (устами Кутлера), она подсчитала и прибыли частного капитала в 1924—25 г. от 319 до 585 миллионов рублей—сумма почтенная. Но тут Бухарину приходит опять на помощь его арифметика.

Основной вывод тов. Бухарина: доходишки у частного капитала есть, но накопление самое пустячное. Доказательство: частные торговцы подобно всем людям имеют семьи. Если положить расхода на каждую семью по 1.000 руб. в год (еле-еле прожить!), то это будет уже 323 миллиона рублей. Если взять за действительную сумму доходов частного капитала цифру среднюю между крайними цифрами Кутлера — 319 и 585 млн. рублей, то получим 400 миллионов рублей. (Кстати: средняя между 319 и 585 будет не 400, а 452, но это по секрету). Тогда на накопление останется только 73 миллиона рублей. А если—прибавим от себя—взять не по 1.000 руб., а по 1.500 рублей в год,—тоже при нынешней дороговизне и большой семье не так много,—то, даже при правильном подсчете средней, ничего не останется. Какое же тут накопление?

Теперь понятно, почему Бухарин никак не может поверить, что существует кулак. По самым оптимистическим подсчетам (см. ту же статью Гухмана в № 12 «Планового Хозяйства») доход крестьянского хозяйства определялся в 1923—24 году в 363 черв. руб. в год. Это почти втрое меньше тысячи. Откуда же тут взяться накоплению? Даже на Ленина и национализацию земли ссылаться не стоит! Лишь бы с голоду не помереть.

Приходится открыть тов. Бухарину еще один секрет: хотя крестьянских семейств больше 20 миллионов, а семей торговцев, вероятно, все-таки немножко больше 323 тысяч (не все попадают на учет), тем не менее они не об'единились еще в две больших семьи и не делят доходов поровну. А поэтому: мелкие торговцы, если даже цифры Кутлера и не преуменьшены [1]), могут проживать и меньше тысячи, а крупные загребать барыши, которых хватит и на накопление. Что ежели, например, половина торговцев (из

[1]) А они, конечно, преуменьшены: Кутлер дает подсчет доходов только тех частных капиталистов, которые зарегистрированы (т.-е. платят налог, берут патенты) и т. п. Между тем у нас есть немалая и больше всех наживающаяся группа буржуазии, которая не регистрируется, которая не имеет торговых помещений, а занимается только спекуляцией, т.-е. перепродажей и переотправкой товара, или ростовщичеством. Подсчитать доходы этой группы даже теми косвенными методами, которыми пользовался Кутлер, нельзя. Но что эти доходы весьма велики, видно из того, что на частном денежном рынке за занятые деньги платят от 7 до 10% в месяц—и это по таким сделкам, платеж по которым вполне обеспечен.

малосемейных) получает дохода и расходует только по 800 руб. Это составит на всех них только около 130 миллионов рублей. Тогда остальной половине останется уже 320 миллионов рублей, т.-е. уже по две тысячи рублей на брата. А что ежели из этой половины одна половина получит дохода, ну, скажем, по 1.500 рублей, сколько тогда останется другой половине и сколько она накопить сможет. Можно такое вычисление продолжить и дальше. Но пусть это сделает сам тов. Бухарин. Он в теоретических выкладках, то-бишь, в арифметических упражнениях, мастак[1]). Моя же скромная задача заключалась только в том, чтобы показать, что такими приемами, какими действует Бухарин, экономисту действовать негоже. Ведь ежели все доходы делить поровну, то можно притти к выводу, что не только у нас кулака, но и в капиталистических странах капиталистов быть не может.

Предположим, впрочем, на время, что наши частные торговцы к радости тов. Бухарина все *с'едают* (курсив заимствован у т. Бухарина). Хорошо это или плохо?

Частные торговцы получают свои доходы, главным образом, от продажи по высоким ценам продуктов промышленности. В этой промышленности в 1924—25 году было занято 1.890.000 рабоч. [2]). По данным Центрального бюро статистики труда, они получали в среднем 43,5 руб. в месяц, т.-е. 522 руб. в год (хотя также имеют привычку обзаводиться семьями). Это составит на всех около 987 м. р. в год. Правильна ли та политика, при которой одни только частные торговцы (не считая кооперации, где одни только служащие получили в том же году 143 м. р.) получают больше половины того дохода, который зарабатывают рабочие, производящие ту продукцию, которой эти торговцы торгуют? Как будто неправильна.

В 1924—25 г. промышленность получила прибыли около 400 милл. руб. Правильна ли та политика, при которой частные торговцы получают прибыли больше, чем крупная национализированная промышленность, нуждающаяся в крупных капитальных затратах для удовлетворения товарного голода? Неправильна!

И еще одно: в текущем году прибыли частного торговца будут значительно больше—за миллиард перевалят. Но что если и число их увеличится до 1 миллиона—опять по 1.000 на брата придется. В чем тут дело?

А дело в том, что не только доходы частных торговцев чересчур велики, но *и их самих чересчур много*. В самом деле, в 1924—25 году всех служащих государственной и кооперативной торговли было 370 тыс. человек. А тут одних торговцев, не считая их служащих (по статистике—120 тыс. человек), 323 тыс. А ведь, по Бухарину, через них проходит только 40% всей продукции. А штаты кооперации, как всем известно, значительно раздуты—частник, по всем отзывам работает с меньшим людским аппаратом. Для чего же нужна такая масса торговцев? Что-то неладно!

---

[1]) Только для того, чтобы помочь т. Бухарину в этих выкладках, укажем ему на ст. Гухмана в № 5 «Планового Хозяйства», стр. 270. Там он увидит, что число служащих частной торговли составляет 120 тысяч человек. Таким образом, число хозяев превышает число служащих на 203 тыс. человек, т.-е. больше чем в $2^1/_2$ раза. Пусть теперь Бухарин решит, сколько из этих предпринимателей таких, которые работают без служащих, каков размер их семейств, сколько о доходу надо положить на каждого и сколько останется тогда тем, которые занимаются более или менее крупной торговлей и спекуляцией.

[2]) См. «Плановое Хозяйство» 1926 г. № 7, стр. 254. Нам не совсем ясно, откуда тов. Бухарин взял цифру 1.550 тыс. человек.

А дело просто. Именно потому так и раздут торговый аппарат,—и кооперативный и частный,—что на перепродаже товара можно заработать при нашей политике цен очень много. Товар переходит через десятки рук—от кооперации к частнику, от частника к кооперации и т. д. Торговля переходит в спекуляцию. Торговцев потому так и много, *что там много просто спекулянтов*, которые для правильного продвижения товаров к потребителю не только не нужны, но и вредны. И если эта вредная для хозяйства орава даже только кормится, не накопляя, то уже это одно—огромный вред для народного хозяйства, когда заработная плата низка, когда нужно не кормить спекулянтов, а производить побольше оборудования, сырых материалов, вывозить наши товары за границу, чтобы получать оттуда оборудование и т. д. Именно в этой-то области никакого «режима экономии» нет. А завести его необходимо.

IV. Политика цен.

Мы упираемся здесь в вопрос о политике цен. И тут негодование тов. Бухарина доходит до высшей точки: нарушение «ленинского завета, который гласит, что наша промышленность *должна давать деревенскому хозяйству продукты дешевле, чем давал капиталист*». Отказ от политики «*постоянного снижения цен на основе понижения себестоимости, на основе упорядочения нашего государственного хозяйственного аппарата*». Забвение того, «что всякая *монополия* (и монополия внешней торговли) таит в себе известного червячка, *известную опасность некоторого загнивания*», что «у нас государственная *свермонополия*» (значит, она, чего доброго, таит в себе не «известного червячка», а сверх-червя—прямо жутко!), что если мы не будем давить на кадровый состав, толкать на то, чтобы они удешевляли производство, чтобы они вели его лучше, тогда совершенно естественно (курсив наш) мы будем иметь все данные для монопольного загнивания». (Ну, и хлопот же с этой сверхмонополией, которая совершенно естественно стремится к загниванию—только и думай о том, чтобы покрепче давить!). Таковы тяжкие обвинения, выдвигаемые Бухариным.

Вопрос о политике цен поднимается не в первый раз. Еще недавно в «Красной Нови» была помещена статья тов. Смирнова, направленная против нашей политики цен. Ответа до сих пор на нее не последовало. Напротив того, опубликованная ВСНХ работа о движении отпускных и розничных цен показывает, что если там и были ошибки, то совсем не в ту сторону, чтобы можно было признать правоту тов. Бухарина. В самом деле, там подсчитано, что за 1923—24 г. розничные накидки выросли на 14,5% оптовой цены, а оказалось, что они увеличились на 17,8%. За 1924—25 г. по подсчетам т. Смирнова они были выше 1 октября 1923 г. на 20,3%, а на деле вышло на 32,7%. За 1-е полугодие текущего года статья скромно определяла тоже превышение в 25,7%, а по данным ВСНХ выходит 43,6%. Единственно, в чем подсчеты ВСНХ расходятся с подсчетами Смир-

нова в обратную сторону,—это в том, что ВСНХ считает накидки 1 октября 1923 года ненормально низкими. Можно согласиться с этим; но и тогда накидки сверх нормы составляют по собственным подсчетам ВСНХ в 1923—24 году—7,4% отпускной цены, в 1924—25 г.—23,4%, в 1 полугодии 1925—26 г.—35%, а в первые четыре месяца второго полугодия—целых 45% (см. №№ 131 и 170 «Торг.-Пром. Газеты»). Таким образом, если и согласиться на поправку ВСНХ, то подсчеты т. Смирнова оказываются преувеличенными лишь для 1923—24 года, для остальных же двух годов они *страшно преуменьшены*.

Считает ли т. Бухарин нормальными такие накидки, которые в этом году превышают довоенные втрое. Попытался ли он об'яснить, почему наша политика понижения розничных цен в течение почти трех лет терпит неудачу? Не попытался. Как же может он требовать, чтобы ему поверили на слово?

И пусть не думают, что такие накидки существуют только у частника: стоит только посмотреть систематически отдел «Торг.-Пром. Газеты» под названием «Борьба за снижение розничных цен». Там вы найдете массу корреспонденций о том, что такой-то и такой-то губторг постановил снизить розничные цены, но все сообщения о фактической высоте розничных цен даже в кооперации пестрят накидками в 50, 60, 90, 100 и даже 125% (см., напр., № 128 от 6/VI). Что-то здесь опять неладно!

А неладно то, что я указал уже в начале статьи: потребление крестьянством пром. товаров (широкого потребления) составляет по отпускным ценам 16 р. 51 к., в то время как в довоенное время оно составляло больше 34 рублей. А нет никаких оснований полагать, что покупательная способность крестьянства сейчас значительно ниже довоенной: если продукция сельского хозяйства и не дошла еще до довоенной, зато крестьянство и обязательных платежей имеет гораздо меньше, да и водка, потребление которой из всех промышленных товаров стояло в бюджете крестьянина на первом месте, теперь играет в нем гораздо меньшую роль. От этого и вздуваются цены, и *пока мы не увеличим количества товаров, до тех пор низких цен установить не удастся*. Опыт 2 годов 10 месяцев показывает это неоспоримо. Впрочем, Бухарин, как мы уже видели, не признает опыта—теоретические измышления, виноват, построения ему больше нравятся.

Верно ли, что розничные цены, т. е. те цены, по которым действительно покупает крестьянин, только на 2½% сейчас (на 1 июля) ниже тех цен, которые были у нас в начале октября 1923 года—перед знаменитым «кризисом»? Верно ли, что с этого времени они ни разу не спускались больше чем на 20%, в то время как наши отпускные цены уже к 1 ноября 1924 г. снизились на целых 37% и с тех пор стоят на этом уровне? Верно ли, что сверх тех накидок на товары, которые были в довоенное время, и которые оплачивали и торговые расходы и прибыль капиталиста, мы в прошлом году дали торговле (и государственной, и кооперативной, и частной) по самым скромным исчислениям *около* 500 м. р., а в текущем даем во всяком случае порядком *больше миллиарда*, в то время как «давление» на промышленность (чтобы не загнивала!) доходит до того, что она не всегда имеет возможность во-время выплачивать заработную плату рабочим? К сожалению, все это верно. Слыхано ли в какой-нибудь даже капиталистической стране, чтобы торговый капитал в течение двух лет имел такие накидки на товары, которые вот уже больше двух лет имеются налицо у нас? Не слыхано. Единственным оправданием этого может служить лишь расчет на то, что частный капитал, развращенный высокими прибылями, в конце концов, несмотря на спасительную конкуренцию, «загниет». Блажен, кто верует!

А верно ли, что кто-то проповедует политику постоянного повышения цен? Не верно. Верно только то, что нелепо держать низкие отпускные цены в то время, как розничные остаются непомерно высокими, верно то, что, желая помочь крестьянину, не следует давать средства спекулянту даже в том случае, если бы он дал подписку ничего не накоплять, а все проедать. Гораздо лучше, повысив сейчас отпускные цены и тем сократив прибыли торговца, не дать ему проедать продукцию сельского хозяйства и промышленности и обратить эти средства на то, чтобы повысить заработную плату рабочему, усилить кредит бедняку и дать более быстрый темп развитию промышленности,—такой темп, который не отставал бы от роста потребностей народного хозяйства в ее продуктах. Только тогда мы добьемся, как *действительного* снижения цен на товары—благодаря насыщению ими рынка—так и возможности для промышленности выдержать низкие цены—благодаря постройке новых фабрик и заводов с улучшенной техникой, с меньшими затратами труда на единицу продукции. Только тогда мы достигнем действительного, а не фиктивного понижения цен, только тогда мы выполним завет ленинизма, что мы должны давать крестьянину товары лучше и дешевле, чем капиталист. Кричать на словах о заветах ленинизма, а *на деле иметь в июле 1926 г. такие же цены на пром. товары, как в октябре 1923 г.*—это не ленинская политика.

Разумеется, это временное повышение цен надо производить не сразу, а осторожно, прощупывая рынок. Разумеется, всякие признаки затоваривания, залежи товаров на складах, должны означать, что это повышение цен необходимо прекратить. Но при всей осторожности эта операция должна быть проведена твердо и неуклонно. А провести ее необходимо, потому что даже на то совершенно недостаточное развертывание промышленности, которое намечено планами ВСНХ, средств может не хватить. Если использовать для развертывания промышленности все те прибыли, которых можно ожидать при существующей политике цен, и все амортизационные отчисления в том размере, в каком они установлены, да еще увеличить задолженность промышленности банкам на 500 милл. руб., то и тогда на пять лет остается дефицит в 1.300 милл. руб.[1]). В год это составляет 260 мил. руб. В текущем году разница между дотацией промышленности из бюджета и отчислениями прибылей промышленности в бюджет составила только 30 милл. р. Следовательно, уже эта сумма в 260 милл. руб. означает усиление поддержки промышленности со стороны бюджета почти в 9 раз. А ведь самая программа, для которой требуется такое напряжение

[1]) При этом здесь серьезные основания думать, что исчисление средств, необходимых для намеченного ВСНХ развертывания, значительно преуменьшено.

средств, недопустимо мала и должна быть значительно расширена, если мы хотим провести действительную индустриализацию, действительно строить социализм, а не успокаиваться на бухаринской арифметике. Тот миллиард с лишком, который попадает в этом году за-зря нашему торговому аппарату—государственному, кооперативному и частному,—аппарату, страдающему непомерно разбуханием, здесь бы весьма пригодился. И будет преступлением, если мы при этой обстановке, ради фиктивного понижения цен будем продолжать давать неслыханно наживаться частному капиталу, как это делали до сих пор, будем своими руками задерживать развитие промышленности и создавать ту буржуазию, уже не мелкую, рост которой представляет величайшую опасность для союза рабочего класса с крестьянством.

Очень часто приходится слышать, что повышение цен ударит по рабочему, который покупает товар в кооперативах, торгующих с нормальными накидками. Если повысить отпускные цены, то частника-то это зажмет, он сможет сократить свои непомерные прибыли, а вот кооперация-то вынуждена будет повысить цены. Верно ли это?

Во-первых, кооперация продает по более или менее «божеским» ценам только в городах, да еще преимущественно крупных. В деревне и глухих местах, как мы уже говорили, она дерет немного меньше частника. Во-вторых, далеко не все рабочие покупают в кооперативах—там сплошь и рядом товаров нет, потому что товар уходит к частнику, который может купить его дороже, чем кооператив, и потом покрыть эту разницу за счет потребителя. В-третьих, если частник имеет слишком высокие прибыли, то кооперация имеет слишком раздутые штаты: где частник имеет одного служащего, кооперация сплошь и рядом имеет 4 или 5 и, кроме того, работает с слишком большими накладными расходами. Следовательно, она может и должна пожаться за этот счет. Но предположим даже, что рабочий все покупает в кооперативе, предположим, что кооперация повысит цены на товары настолько же, насколько мы повысим отпускные цены. Тогда, разумеется, рабочим надо возместить эту потерю путем повышения зарплаты. Во что это обойдется?

Мы имеем сейчас рабочих в промышленности (и крупной и мелкой) несколько меньше $2\frac{1}{2}$ миллионов человек (См. «Плановое Хозяйство», № 7, стр. 254). Заработная плата в червонных рублях составляет в среднем около 50 руб. в месяц, т.-е. 600 руб. в год. На всех рабочих это составит полтора миллиарда рублей. На продукты промышленности рабочий тратит не более $^2/_5$ своего заработка. Следовательно, все рабочие тратят на покупку продуктов промышленности не более 600 млн. руб. в год.

Накидки на товары широкого потребления составляют по тем же подсчетам ВСНХ в среднем за 10 месяцев этого года 40% сверх нормы. Предположим, что мы повысим наши отпускные цены на 30% (разумеется, как мы уже говорили, это можно произвести не сразу, а постепенно, с осторожностью), тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов промышленности не 600, а 780 мил. руб., т.-е. им нужно будет для этого увеличить зарплату на 180 миллионов рублей. Это самое большее, что мы потеряем на повышении цен. А что мы выиграем?

Мы производим в этом году предметов широкого потребления на 4 миллиарда руб. по отпускным ценам, на которых торговцы

получают сверх нормальной прибыли по 40 коп. на рубль. Если мы повысим цены на эту продукцию на 30%, то выиграем на этом же 1.200 милл. руб. Если даже окажется, что рабочие действительно потеряют на повышении отпускных цен все 180 милл. руб. (что мало вероятно) и, следовательно, на эту же сумму мы увеличим им заработную плату, то и тогда у нас останется 1 миллиард рублей, который мы можем направить и на дальнейшее улучшение жизни рабочего и на усиление капитальных затрат[1]). Это гораздо лучше, чем предлагать рабочему, у которого зарплата за полгода понизилась на 12,5%, потерпеть, пока снизятся розничные цены. Беспокоиться о 180 милл. руб. для рабочих и терять из-за этого 1.200 милл. руб. не очень-то разумно. Повышение отпускных цен ударит не по рабочему, а по спекулянту и по нашему раздутому торговому аппарату.

Итоги.

Таковы взгляды тов. Бухарина, такова та политика, которую он рекомендует партии пролетариата. Сделаем им краткую сводку.

1) В области индустриализации—полное непонимание тех задач, которые стоят в этой области перед нами, как перед пролетарским государством.

2) В области крестьянского вопроса—отказ от ленинской формулы союза рабочих и беднейшего крестьянства с середняком, и переход на формулу союза с крестьянством вообще. Трусливое закрывание глаз на происходящее расслоение крестьянства («что бы нам ни говорили... этого быть не может»). Фактически это означает курс на смычку с кулаком.

3) По отношению к частному капиталу—попытки оправдать огромные (даже по цифрам Кутлера) доходы частного капитала тем, что этих капиталистов много и на каждого приходится пустяки, и фактическое покровительство ему путем сохранения низких отпускных цен, несмотря на рост розничных.

4) По отношению к национализированной промышленности своеобразная теория, что национализированная промышленность из-за отсутствия свободной конкуренции, без нажима на нее сверху «совершенно естественно» стремится к загниванию.

5) По вопросу о положении рабочих неопределенные фразы о том, что нужно «подработать» (!) вопрос о возможности повышения реальной заработной платы и вести борьбу «за оздоровление режима экономии». Во всем докладе он счел возможным ни разу не упомянуть о том, что реальная заработная плата с октября 1925 года снизилась во втором квартале на 12,5% (в октябре по данным Центр. бюро статистики труда уровень ее составлял 101% довоенного, теперь 88,4%). А на ряду с этим в ряде своих выступлений тот же Бухарин требование повышения зарплаты называл демагогией.

Как же это можно связать с ленинизмом?

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция отмечает, что настоящая статья до присылки ее в редакцию являлась нелегальным документом оппозиции, распространявшимся среди членов московской организации.

---

[1]) Все капитальные затраты составят в этом году не более 800 миллионов рублей.

Дм. Марецкий.

Хозяйственная платформа об'единенной оппозиции.

Статья тов. Майзлина—или того, кто под псевдонимом Майзлина скрывается—формально направлена против одной из речей тов. Бухарина.

По существу же, как это должно быть ясно всякому, кто со статьей тов. Майзлина ознакомится, она направлена целиком против политики Центрального Комитета нашей партии. Заголовок произведения Майзлина «Тов. Бухарин в борьбе против оппозиционного блока» дан умышленно «скромнее», нежели действительное содержание статьи. Не против ЦК, мол, но против тов. Бухарина направлены ядовитые стрелы майзлинской критики—таков незамысловатый стратегический прием автора.

Между тем в статье Майзлина поднят — удачно или неудачно, это мы увидим ниже—целый ряд животрепещущих вопросов нашей партии, касающихся основных путей нашей политики.

Такие вопросы, как вопрос о строительстве социализма в нашей стране, как вопрос об индустриализации и ее темпе, как вопрос о нашем отношении к крестьянству и его различным слоям, как вопрос о частном и социалистическом накоплении, как, наконец, вопрос «о единстве и расколе» в наших рядах—получают в статье Майзлина совершенно определенное освещение.

Тов. Майзлин об'являет хозяйственную политику партии (а хозяйственная политика есть, как известно, решающая политика) «несостоятельной». «Наша экономическая политика не выдержала первого же серьезного года проверки (имеется в виду 1925—26 год, предыдущие годы автор, очевидно, считает «несерьезными». *Д. М.*), и чем дальше, тем несостоятельность ее будет становиться яснее».

Но этого мало для сурового ниспровергателя Бухарина и «нашей экономической политики» в ее настоящем и даже будущем. «Наша экономическая политика» не просто «несостоятельна», ошибочна, но она имеет весьма одиозную классовую подкладку. Наша политика, по мнению Майзлина, «не ленинская», не пролетарская политика, но такая политика, которая ведется об'ективно в интересах частнокапиталистических элементов нашего хозяйства (как в городе, так и в деревне). Благодаря той политике, которая фактически ведется, мы, по словам Майзлина, «своими руками создаем» враждебную нам буржуазию, способствуем ее быстрому обогащению, одновременно держа курс, при котором «мы все более должны опираться на зажиточные слои крестьянства».

«Несостоятельность» нашей экономической политики, которая означает «фактический курс на смычку с кулаком» и политику «собственноручного» выращивания нэпманской буржуазии—таков приговор Майзлина над политикой нашей партии.

Сам Майзлин предлагает вести другую политику. Он предлагает партии взять принципиально иной хозяйственный курс. Отвергая хозяйственную линию партии, Майзлин выдвигает определенную положительную контрплатформу, программу экономических мероприятий. С этой именно стороны нас больше всего статья т. Майзлина интересует. Все то, что отдельными оппозиционными лидерами высказывалось или писалось по отдельным проблемам нашей хозяйственной жизни: об индустриализации, о расслоении, о частном капитале—в статье т. Майзлина суммировано в одно целое, завязано в один узелок, представлено как законченная хозяйственная платформа об'единенной оппозиции.

Идейные нити от статьи Майзлина тянутся к «Ленинизму» тов. Зиновьева, к «Новой экономике» тов. Преображенского, к платформе Шляпникова—Медведева, к геростратовски-знаменитой статье Оссовского, и, наконец, к «забытым» многими осенним спорам 1923 года. Статья Майзлина по праву может считаться хозяйственно-политическим «credo» оппозиционного блока в целом. В этом ее политическая значительность. И именно поэтому ее следует подвергнуть критическому разбору.

* * *

Прежде чем перейти к рассмотрению положений т. Майзлина по существу, следует сделать несколько предварительных замечаний о тех полемических приемах, к которым прибегает т. Майзлин в своем уничтожающем «разносе» т. Бухарина. Вообще говоря, полезно цитировать точно того, кого критикуешь. Или же нужно точно передавать смысл того или другого положения критикуемого автора. Особенно это необходимо бывает тогда, когда, как в рассматриваемом случае, работа критикуемого автора опубликована и когда каждый может сравнить действительный об'ект критики с тем, что в качестве об'екта критики преподносится в кривом зеркале чересчур рьяного критика.

Между тем это элементарное обстоятельство тов. Майзлин довольно старательно «упускает из виду». Благодаря этому в статье т. Майзлина у Бухарина получаются сверх'естественные «фокусы» (энергично занумерованные т. Майзлиным), фальшивая «арифметика», «непонимание» азов, доступных пониманию приготовишек, «искажения», «извращения», «замалчивания» и тому подобные преступные деяния.

Приведем несколько «образцов» такого рода полемики т. Майзлина.

Тов. Майзлин утверждает:

1) что у Бухарина «кругом индустриализация—и в прошлом и в будущем», хотя т. Бухарин этого нигде и никогда не говорил и хотя этот «аргумент», как две капли воды, похож на тот, что у Бухарина «кругом социализм»;

2) что у Бухарина «сплошная» постановка вопроса о крестьянстве, что для Бухарина существует лишь крестьянство вообще—хотя «доказывается» это тем, что в докладе Бухарина «самые слова» «бедняк», «кулак» употребляются по два раза;

3) что Бухарин даже «отрицает» расслоение. «Самый факт расслоения для Бухарина не существует»—хотя вопросам расслоения в докладе Бухарина посвящена целая главка;

4) что Бухарин индустриализацию нашей страны понимает как «повышение удельного веса нашей промышленности во всей совокупной экономике страны»—и только, хотя слова «и только» принадлежат не Бухарину, а Майзлину;

5) что «по мнению» Бухарина весь совокупный потребляемый доход частнокапиталистических хозяйств «делится поровну между всеми частниками», хотя Бухарин этого не говорил и хотя это «мнение» любезно «присочинено» Бухарину самим Майзлиным;

6) что Бухарин «не понимает» того, что «до сих пор наша промышленность развивалась не за счет создания нового оборудования, а за счет более полной загрузки работавших и пуска в ход стоявших заводов»—хотя эта почтенная истина известна довольно широкому кругу лиц, и хотя на этот счет в докладе Бухарина имеются прямые раз'яснения;

7) что Бухарин «скрывает» факт безработицы и аграрного перенаселения, хотя т. Бухарин говорил об этом десятки и сотни раз, хотя проблема аграрного перенаселения у нас впервые выдвинута именно т. Бухариным, и хотя, вообще говоря, «скрыть» такие факты мудрено;

8) что Бухарин «молчит» о том, что Польша и Эстония не входят в состав СССР, хотя это известно даже престарелой бабушке самого Майзлина;

9) что Бухарин «молчит» о том, что население территории СССР возросло с 1913 года на 20%, хотя «помолчать» об этом следовало, ибо население за это время возросло всего, примерно, на 1% [1]), так что лишь умственным, арифметическим путем т. Майзлин наплодил миллионов 25 «избыточного» населения.

Мы привели несколько образчиков высокого полемического искусства т. Майзлина. Как видим, приемы т. Майзлина довольно просты. Они сводятся либо к тому, что т. Бухарину навязывается ряд диких взглядов («нет расслоения», «индустриализация кругом в прошлом»), либо к тому, что т. Бухарин изобличается в том, о чем и «не говорит», о чем он «молчит», что «скрывает», «забывает». Все не содержащееся в тех нескольких абзацах доклада Бухарина, которые посвящены развитию нашей промышленности, тов. Майзлин об'являет либо неизвестным самому Бухарину, либо известным, но таким, что т. Бухарин предпочитает от партии и страны, как тать, утаить и что самим Майзлиным с торжествующей миной преподносится читателям как новое откровение. С таким же самым правом Майзлин мог бы, разумеется, упрекать Бухарина и в том, что Бухарин «молчит» о

[1]) См. «Контрольные цифры Госплана». По данным «контрольных цифр Госплана» население территории СССР возросло с 139,7 млн. душ в 1913 г. до 141,4 млн. в 1925—26 г., т.-е. на 1%; при этом в городах численность населения составляет только 91,9% довоенной, в деревне—102,3%.

массе беспризорных, о спекуляции на черной бирже, о вексельном курсе, об экспорте яиц, о сифилисе в деревнях, о том, что с севера СССР омывается Ледовитым океаном, а потом этими фактами поливать, как из пожарной кишки, ошеломленного читателя. Поведение слона в посудном магазине отличается ничуть не меньшей грацией, чем такого рода полемические приемы.

Всякий, кто даст себе труд перечитать соответствующую часть доклада Бухарина на активе ленинградской организации, легко убедится в основательности нападок Майзлина.

О чем шла речь у т. Бухарина?

«О соотношении роста промышленности и сельского хозяйства». Тов. Бухарин ставил вопрос так: отстает ли продукция промышленности от продукции сельского хозяйства в общей системе роста производительных сил или нет? Ясно, что основным, решающим показателем здесь является сопоставление динамики продукции промышленности, с одной стороны, и продукции сельского хозяйства [1])—с другой. Товарищ Бухарин привел соответствующие цифровые данные. Эти данные, подтверждаемые теперь и данными недавно опубликованных «контрольных цифр Госплана», решают баланс в пользу города, а не деревни, как полагали некоторые оппозиционные товарищи.

Несмотря на свои заявления, пересыпанные самым «ехидным» перцем относительно бухаринских «фокусов» и «арифметики», тов. Майзлин не смог и даже не попытался опровергнуть этих данных. «Мы не будем оспаривать этих цифр Бухарина—они общеизвестны»,—деликатно отмахивается Майзлин и тут же перескакивает на другие вопросы и соответственно на другие данные, о которых преступно «молчит», которые «скрывает», «забывает», «не понимает» т. Бухарин.

Не «оспаривает» по существу т. Майзлин и приведенных в докладе Бухарина данных о росте суммы всех заработных плат, достигшем в 1924—25 году 28% всего национального дохода. Однако, т. Майзлин полагает, что этими данными оперировать не гоже, поскольку в сумму заработных плат входят суммы заработных плат и рабочих и служащих.

Между тем совершенно очевидно, что для определения общего баланса развития города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, для решения вопроса о динамике распределения национального дохода между рабочим классом и крестьянством следует брать фонд зарплаты не только индустриальных рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской промышленности, но весь доход всех лиц наемного труда. Это — старая марксистская истина. Напомним т. Майзлину, что в былые времена, когда марксисты спорили с ревизионистами об удельном весе пролетариата в стране (шел спор о темпе капиталистической индустриализации—аналогично спорам о темпе нашей индустриализации) обычной манерой именно ревизионистского лагеря было преуменьшение удельного веса пролетариата посредством «исключения» из состава пролетариата служащих. До всего этого т. Майзлину нет дела. Если т. Бухарин оперирует всей суммой заработных плат, то он, по Майзлину, стало быть, опять-таки «забыл» о том,

[1]) Вопрос о том, в какой степени критерием индустриализации можно взять рост душевого потребления, мы разберем несколько ниже.

что эта вся сумма заработных плат делится на фонд зарплаты служащих и фонд зарплаты рабочих. Дальше т. Майзлин опять делает «антраша» и попрекает Бухарина за то, что тот «забыл», видите ли, сделать сообщение о том, что «в то время, как сумма заработных плат совслужащих за 1923—24 г. возросла на 94,8%, а торговых—на 108,3%, сумма заработных плат рабочих крупной промышленности возросла только на 52%».

Почему т. Бухарин об этом должен сообщить на докладе ленинградскому парт'активу—одному Майзлину известно. Воспользуемся здесь «методом» самого Майзлина и спросим его самого: почему он, поднявший целый новый вопрос о распределении всего фонда зарплаты между отдельными слоями пролетариата,—почему он сам «забыл» упомянуть о том, что в то время, как сумма зарплаты рабочих крупной промышленности в 1924—25 г. поднялась на 119% против суммы зарплат 1922—1923 г.—сумма зарплат служащих крупной промышленности возросла в 1924—25 г. против суммы зарплат 1922—23 года на 86%? Почему, кстати, т. Майзлин «смолчал» о том, что сумма зарплат железнодорожников за тот же период поднялась на 137%? Почему тов. Майзлин ни единым словом не обмолвился, что сумма зарплат строительных рабочих за то же время поднялась на целых 250%?[1]).

До сих пор нам приходилось возиться с третьесортными аргументами, которыми Майзлин не брезговал пользоваться для низвержения «дошедшего до глубины теоретического падения» Бухарина. Аргументами «посолиднее» мы займемся ниже попутно с принципиальным положительным освещением ряда проблем, являющихся основной областью «наших разногласий» с об'единенной оппозицией. Теперь, освободившись от груды полемического мусора, мы обратимся к центральному вопросу статьи Майзлина, к вопросу об индустриализации нашей страны.

I. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ТЕМП.

1. Что такое индустриализация нашей страны?

Проблема индустриализации вытекает из самого существа того периода, который мы переживаем, переходного периода от капитализма к социализму. Переходная экономика дана, раз социалистический способ производства не господствует повсеместно, раз он не охватил собой все отрасли народного хозяйства, раз юный социалистический хозяйственный уклад сожительствует и борется со старыми досоциалистическими укладами. Основная хозяйственно-политическая задача пролетариата, взявшего власть в свои руки, экспроприировавшего буржуазию и принявшего на себя бразды руководства народным хозяйством, есть задача развертывания социалистических производственных отношений вплоть до того момента, когда они укрепятся безраздельно и

[1]) Вообще по части данных о зарплате т. Майзлин подозрительно разборчив. Тов. Майзлин, напр., несколько раз на протяжении статьи «не забывает» упомянуть о том, что реальная зарплата в одном из кварталов минувшего хозяйственного года составляла 88% довоенного уровня. На ряду с этим т. Майзлин «забывает» сказать о том, что в общем реальная зарплата за год поднялась и что она теперь подошла к довоенной норме. Как мы увидим ниже, подкрашивание и подслащивание довоенных времен составляет своеобразную манеру т. Майзлина.

полностью и когда тем самым «отомрет» переходная эпоха как таковая. Основным рычагом развертывания социалистических производственных отношений является растущая по об'ему и по своему качеству крупная промышленность. Развитие крупной национализированной промышленности есть, таким образом, подведение технической базы под строительство социализма.

Этот процесс и составляет содержание индустриализации. Ясно, что индустриализация—задача эпохи, а вовсе не того или иного отрезка переходного периода, что индустриализация—длительный исторический процесс, что она есть—в подлинном исторически-гигантском значении этих слов—«генеральная линия нашего развития».

И, разумеется, индустриализация—не «просто» развитие крупной промышленности, хотя бы даже и опережающее по темпу развитие прочих отраслей хозяйства. Индустриализация есть развитие производства средств производства в первую голову, более быстрый темп развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Говоря вообще, немыслимо развитие крупной промышленности без того, чтобы быстрее не развивались те ее сферы, которые производят средства производства, самым фактом развития промышленности это подразумевается. Однако, в конкретных условиях мирового хозяйства, в которых отдельные отрасли производства разбросаны по отдельным национальным хозяйствам, производство средств потребления сплошь и рядом отрезывается от производства средств производства государственными границами. Сплошь и рядом происходит так, что внутри страны развивается легкая индустрия, производство средств потребления, при чем средства производства ввозятся из-за границы. Таков колониальный индусский или китайский тип индустриализации (конечно, индустриализации с капиталистическим знаменателем).

Индустриализация для СССР имеет особое конкретно-историческое значение. Необходимость индустриализации, необходимость «самостоятельного» производства средств производства у нас диктуется не только общей необходимостью строительства социализма. Находясь в «капиталистическом окружении», мы ставим ставку на индустриализацию, как на метод обеспечения и упрочения нашей хозяйственной независимости, как на гарантию против превращения нас в экономический «придаток» капиталистического окружения. Здесь индустриализация выступает как противоположность «дауэсизации» и «аграризации».

Другим моментом, который десятью штрихами должен быть подчеркнут для СССР, как для страны с огромным преобладанием крестьянского населения, является то, что индустриализация должна стать первостепенным инструментом хозяйственной смычки между городом и деревней. Индустриализируя нашу страну, развивая в ней крупную промышленность, мы должны непременно сочетать это развитие с интересами основной массы нашего крестьянства: возможно дешево и в достаточном количестве поставлять ему необходимый товар, повышать технический уровень сельско-хозяйственного производства и в конечном счете индустриализировать самое сельское хозяйство. Индустриализация при капитализме протекала в антагонистических формах: она была движением и обострением «противоположности» между городом и де-

ревней. Индустриализирующийся капиталистический город подавлял, разлагал и «пожирал» деревню, выжимал из нее живые соки, тем самым в противоречивых формах толкал ее вперед замедленным темпом. Здесь одно из капитальнейших отличий между индустриализацией капиталистической и индустриализацией социалистической: при капитализме индустриализация была орудием подавления деревни; у нас индустриализация должна быть орудием союза с крестьянством, приемлемым для последнего способом пролетарского хозяйственного руководства, образующим предпосылку для руководства политического. Здесь, в этом пункте уже начинаются теоретические истоки разногласий большинства партии с оппозицией. Да это и вполне понятно. Вопрос об отношении к крестьянству и вопрос об индустриализации суть два неразрывно друг с другом связанные вопроса. Если оппозиция спотыкается на вопросе о крестьянстве, то она неизбежно должна споткнуться и на вопросе об индустриализации. Статья т. Майзлина продемонстрирует нам это лучше всего.

Резюмируя нашу теоретическую характеристику индустриализации, мы определим индустриализацию, как метод строительства социализма, как метод обеспечения нашей экономической самостоятельности и, наконец, как метод смычки с основной массой нашего крестьянства.

Прежде чем перейти от общей теоретической постановки к анализу конкретных путей индустриализации СССР после завершения «восстановительного процесса» и сумме всех тех вопросов, которые составляют уже теперь область практической хозяйственной политики, остановимся вкратце на том общем толковании процесса индустриализации, какое дано в статье т. Майзлина.

Сообщив читателю о том, что Бухарин обнаруживает в вопросах индустриализации «непонимание сути дела», пристегнув Бухарину на глазах у всей публики «взгляд», будто Бухарин видит в индустриализации лишь повышение «удельного веса промышленности», и только,—т. Майзлин развил мимоходом свое «понимание сути дела».

Вот как Майзлин «оттеняет» недостатки нашей индустриализации «преимуществами» индустриализации при капитализме.

«Темп индустриализации в капиталистическом обществе... должен быть достаточным для того, чтобы: 1) обеспечить известный рост душевого потребления; 2) обеспечить рост производства средств производства в таком размере, чтобы и промышленность и сельское хозяйство поднимались на все более высокую техническую ступень, т.-е. увеличивали производительность труда за счет технических улучшений процесса производства, и 3) обеспечить поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук». Между тем, продолжает с победоносным видом т. Майзлин, «даже эти задачи тем темпом, который мы имеем до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечены».

К этим словам т. Майзлина мы должны сделать три замечания:

1) Тов. Майзлин «забыл» сделать тот вывод, который напрашивается из его слов сам собой, что при капитализме было бы лучше, чем при советской власти, ибо был бы «обеспечен» более быстрый темп развития, чем мы имели до сих пор и который намечается в будущем.

2) Тов. Майзлин «забывает» о том, что несколько неудобно требовать от народного хозяйства страны, которое только-что поднялось из праха ужасающей нищеты, чтобы оно немедленно, в пару лет существенно изменило технический уровень промышленности и сельского хозяйства.

3) В пункте третьем т. Майзлин договорился до вещей похуже, чем ревизионизм. Не только ни один большевик, но даже ни один сколько-нибудь уважающий себя буржуазный экономист никогда не утверждал, что капитализм «обеспечивает поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук». Трубящий в оппозиционный рог о «теоретическом падении Бухарина», Майзлин забыл, повидимому, о «Капитале» Маркса и о тех крепких словах, которыми Маркс бичевал «заносчивых кретинов» в роде гг. Мак Куллохов и Сениоров, доказывавших на манер Майзлина, что капитализм «обеспечивает» поглощение рабочих сил, «освобождаемых» техническим прогрессом [1]). «Понимающий суть дела» т. Майзлин добрался до недурненьких «теоретических высот». Он додумался до капитализма без промышленной резервной армии! Вся беда в том, что его «теоретизирование» имеет свою реакционную политическую сторону. Подумал ли т. Майзлин о том, кому на руку он играет, когда доказывает неразрешимость проблемы безработицы у нас, одновременно возвещая миру о том, что капитализм решение этой проблемы «обеспечивает»? Расшаркивающийся перед капитализмом Майзлин выступает здесь прямым его апологетом.

2. Вопрос о темпе. Три плана экономического развития.

Отличается ли и должна ли отличаться наша индустриализация от индустриализации при капитализме в отношении темпа? Общее решение этого вопроса очевидно. Раз в социалистическом государстве отсутствует частнокапиталистическое присвоение в крупной промышленности, и раз движение крупной промышленности подчинено сознательной воле и плану господствующего пролетариата, то поскольку отпадают огромные непроизводительные расходы на содержание паразитических классов и значительная часть издержек так наз. «анархии производства», социалистическая промышленность может сберечь больше средств для накопления, а следовательно, реализовать больший темп развития, нежели при том же самом уровне производительных сил страны мог бы реализовать капитализм.

Спор сейчас идет не об этом. Спор идет о том, как конкретно обеспечить этот более быстрый темп, как распределять или перераспределять имеющиеся в распоряжении государства ресурсы, в каком соотношении друг с другом держать составные части народного хозяйства, в какие отрасли производства пустить большую массу средств так, чтобы в конечном счете получить самое быстрое продвижение вперед.

[1]) См. Маркс, «Капитал», I, гл. XIII, 6. Теория компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами.

Теперь, когда мы прошли уже «восстановительную» фазу, перед нами открываются три возможности развития, каждую из которых мы до известной степени вольны выбирать. Перед нами три пути развития и соответственно три системы хозяйственной политики.

Вариант первый, подробно развитый в свое время т. Шаниным и т. Сокольниковым. Сущность этого варианта вкратце такова. Мы—страна технически отсталая. Промышленность наша слабая. Собственные ресурсы развития у нее минимальные. Обслужить трудящееся население города и деревни производством достаточной массы товаров она на первых порах все равно не может. Гораздо большими возможностями роста в нашей, по преимуществу аграрной, стране обладает сельское хозяйство. Поэтому на ближайший период следует минимальным темпом двигать нашу промышленность и, наоборот, дать максимальный толчок развитию сельского хозяйства. Энергично поднимая сельскохозяйственное производство, форсируя экспорт сельскохозяйственных продуктов и ввозя из-за границы готовые товары и сельскохозяйственные машины, пролетарское государство добивается максимально быстрой оборачиваемости «народнохозяйственного капитала», в течение ряда ближайших лет накопляет в своих руках соответствующие фонды и резервы, затем бросает их в нашу крупную промышленность и тогда уже начинает осуществлять индустриализацию. Вначале мы аграризуем нашу страну, а потом, поднакопив силы, будем ее индустриализировать—такова суть плана Шанина—Сокольникова.

Кроме этого варианта развития, имеются два других: вариант индустриалистский, которого придерживается партия, и так называемый «сверхиндустриалистский» вариант, которого придерживается оппозиция.

Наша крупная промышленность подразделяется на два основных слагаемых: производство средств производства и производство средств потребления. При прочих равных условиях темп индустриализации должен быть тем выше, чем быстрее пойдет развитие производства средств производства по сравнению с производством средств потребления. Тем скорее мы «индустриализируемся», чем больше мы построим новых заводов, чем больше мы произведем новых машин, паровозов, чем быстрее заменим оборудование наших фабрик оборудованием высшего технического порядка.

Однако, в процессе развертывания промышленности мы ограничены имеющимися в нашем распоряжении средствами[1]). Нам сплошь и рядом приходится выбирать между постройкой нового завода и увеличением нагрузки текстильных предприятий, между переоборудованием фабрики и закупкой сырья, между капитальными вложениями и затратами на оборотный капитал. Ясно, конечно, что чем большая сумма средств нами будет ухлопана на капитальные затраты, чем больше наших свободных ресурсов, мы «иммобилизуем» в тяжелой индустрии, тем пропорционально меньшая доля средств у нас останется на легкую индустрию, на расширение производства средств потребления.

[1]) Вопрос о добавочных средствах на индустриализацию мы пока оставляем в стороне. Пока мы рассматриваем вопрос о двух темпах индустриализации при данном количестве средств.

Линия, которой придерживается в своей промышленной политике партия, состоит в том, чтобы планомерно и систематически развертывать и тяжелую и легкую промышленность, чтобы все растущую долю средств обращать на производство капитальных затрат, нужных для ускорения темпа индустриализации, но так, чтобы при этом происходило одновременно самое необходимое расширение производства предметов потребления. Расширять капитальное строительство за счет снижения производства средств потребления мы в нашей хозяйственной политике не можем. Это означало бы для нас «ускорение» темпа индустриализации ценою снижения жизненного уровня трудящихся масс[1]).

Между тем, сверхиндустриалисты не приемлют такой постановки вопроса. Они ее об'являют покушением на самую индустриализацию, недопустимым «осторожничаньем», искусственным снижением ее темпа, «сползанием» на позиции Шанина и т. д., и т. п. Ту индустриализацию, которую начинает проводить партия, они презрительно кличут «ситцевой» индустриализацией.

Они ратуют за коренное изменение пропорции между производством средств производства и производством средств потребления, требуют радикального перераспределения средств в пользу капитальных затрат («позорный минимум капитальных затрат», «голодная норма», «безусловно мало»).

Теперь уже нам должно быть понятно, как тесно должен быть увязан вопрос о темпе индустриализации (и об ускорении этого темпа) с вопросом о потреблении масс. Попытаемся определить эту связь несколько ближе. В каком соотношении стоит процесс индустриализации с динамикой потребления? На этот вопрос придется дать различные ответы в зависимости от того, какой отрезок времени мы будем принимать в расчет. Вопрос времени здесь играет огромное, если не решающее значение.

Если мы возьмем индустриализацию как длительный исторический процессс, то, конечно, всякое ускорение темпа индустриализации (хотя бы на первых порах оно сопровождалось даже снижением производства средств потребления и, следовательно, сужением потребления) должно привести в конечном счете к очень большому расширению потребления. Это вполне понятно: чем больше мы будем в первые годы накоплять, сберегать, тем больше мы сможем впоследствии потреблять, тем больше и разностороннее смогут быть потом удовлетворены наши потребности.

Если же мы рассмотрим индустриализацию за более короткий промежуток времени (скажем, ближайшие 5—6 лет после завершения восстановительного процесса), то при слишком большом «ускорении» темпа можно получить относительное и даже абсолютное сокращение потребления. Между ускорением темпа индустриализации и ростом потребления существует, в известном смысле, на известный период обратная пропорциональ-

[1]) Само собой понятно, что при таком ограничительном условии неизбежен на первые годы недостаток нужного количества средств производства для расширения самой нашей легкой индустрии.

Этот временный дефицит в средствах производства мы вынуждены будем покрывать импортом заграничных машин и таким путем устранять диспропорцию между производством средств потребления и производством средств производства.

ность: чем выше «норма накопления», тем ниже «норма потребления»; и обратно: чем относительно больше мы будем потреблять (и соответственно производить готовые изделия), тем меньше нам удастся накопить, сберечь, построить новых фабрик, сооружений, провести железных дорог и пр.

Приведенные соображения, несмотря на всю их элементарность, оказываются совершенно недоступными сознанию оппозиционных сверхиндустриалистов. И именно поэтому печать теоретической и политической двусмысленности отмечает всю их хозяйственную платформу.

В самом деле. Что делают представители оппозиции?

С одной стороны, ЦК атакуют за то, что он ведет политику «позорно малых» капитальных затрат.

С другой стороны, ЦК хотят подставить ножку за то, что он слишком медленно повышает жизненный уровень масс, производит мало предметов потребления.

С одной стороны, кричат о том, что мало, мол, накопляете, черепашьим шагом индустриализируете и пр.

С другой стороны, вопят о том, что мало даете потреблять.

С одной стороны беспрестанные упреки за техническую отсталость (мало, мол, у вас Днепростроев, мало новых заводов).

С другой стороны, торжествующий танец вокруг товарного голода (мало производите ситцу, керосину).

С одной стороны, суровый пуританский «сверхиндустриализм», священный гимн «социалистическому накоплению».

С другой—самая низкопробная потребительская демагогия.

Противоречие между сверхиндустриализмом и вульгарно-потребительской точкой зрения — этот органический порок пронизывает всю хозяйственно-политическую платформу оппозиции. Тов. Майзлин демонстрирует эту двойную бухгалтерию оппозиции буквально во всех сколько-нибудь существенных пунктах своей статьи.

«Рост потребности в промышленных продуктах опережает производство их»,—говорит Майзлин. «Товарный голод не изжит», «душевое потребление продуктов промышленности (широкого потребления) не дошло до довоенного уровня на 28%», довоенной нормы потребления промтоваров крестьянство не достигнет даже в 1930 году, в то время как даже капитализм «обеспечивает известный рост душевого потребления—какая же тут индустриализация, где же тут рост промышленности?»—вопрошает т. Майзлин.

Попробуем поставить вопрос о росте душевого потребления в связь с вопросом об индустриализации и сверхиндустриализации.

Раньше всего только два слова об анализе душевого потребления т. Майзлина.

Верно, что при довоенной почти промпродукции, душевое потребление промтоваров у нас не достигло довоенного уровня [1]).

[1]) Только об'ясняет это т. Майзлин неправильно. Дело не в том, что за это время население выросло «на 20%», оно выросло, как мы знаем, всего на 1%. И не в том суть дела, что отпали западные промышленные районы (с их чрезвычайно густым населением), а в том, что наш внешнеторговый оборот далеко отстал от общего под'ема нашего народного хозяйства (в 1925—26 г. внешняя торговля составит всего лишь 37,3% довоенного уровня). Что сулит нашей внешней торговле программа самого Майзлина, мы ниже увидим.

Но неверна «идея» Майзлина, будто наша промышленность не обеспечивает роста душевого потребления трудящихся, «обеспечиваемого» даже капитализмом. Тов. Майзлин сравнил нашу среднюю норму душевого потребления со средней довоенной нормой. Но если бы он взял изменение нормы душевого потребления за последние годы, т.-е. взял бы душевое потребление в динамике, он убедился бы в том, что развитие нашей промышленности не только сопровождалось «известным ростом душевого потребления», но что этот рост идет значительно быстрее, чем в других странах.

Тов. Майзлин жалуется на то, что при том темпе развития промышленности, который мы фактически имеем, достаточный рост душевого потребления не обеспечен, что наша норма потребления отстает от довоенной. Отсюда он заключает, что темп индустриализации недостаточен. Однако, т. Майзлин умалчивает о том, что если бы индустриализация проходила по рецепту самого Майзлина и его единомышленников, т.-е. если б при данных средствах «темп» был взят более высокий, крен в сторону производства средств производства был бы взят более резко—рост душевого потребления готовых изделий был бы гораздо меньшим. Если мы имеющиеся в нашем распоряжении средства интенсивнее перераспределяли бы в пользу капитальных затрат, нам бы пропорционально меньше оставалось на расширение производства средств потребления.

Тов. Майзлин хочет скрыть, что сверхиндустриалистский темп развития как раз и означает минимальный рост душевого потребления на ближайшие годы. При этом надо иметь в виду, что, приняв экономическую программу тов. Майзлина, мы не могли бы компенсировать дефицитную массу готовых продуктов ввозом их из-за границы: механическое «ускорение» темпа означало бы необходимое увеличение доли ввозимого оборудования при соответствующем сокращении контингента ввозимых готовых продуктов.

Насколько нелепо о темпе нашего индустриального роста умозаключать непосредственно от движения нормы душевого потребления, показывает лучше всего вариант развития, предлагаемый Шаниным—Сокольниковым. Ведь, как раз при самом медленном темпе, при «минималистской» программе индустриализации, мы имели бы на ближайшие годы относительно наиболее быстрый рост душевого потребления. Или, быть может, Майзлин зачислит и тов. Шанина в категорию «сверхиндустриалистов»?

При шанинско-сокольниковском варианте мы забросили бы капитальное строительство, развертывали бы «пока» легкую индустрию и ввозили бы в огромных массах готовые товары из-за границы. Мы имели бы тогда временно больший рост душевого потребления, но такой ценой мы получили бы смычку нашего крестьянства с иностранным капиталом, падение роли социалистической госпромышленности, утрату руководящей роли пролетариата.

Родственность ошибок «минималистского» и «максималистского» вариантов состоит в том, что оба они ориентируются на отдаленное будущее, на «потом».

Шанин рассуждает: повременим с индустриализацией лет 5—6, будем вести себя как честная аграрная страна: «потом», поднакопив сил, примемся за индустриализацию.

Майзлин и его друзья фактически рассуждают прямо противоположно: возьмем с самого начала максимальный разбег промышленности, развернем капитальное строительство до отказа какой угодно ценой (хоть бы сняв с рынка огромную массу готовых товаров), разовьем в первую очередь производство средств производства—зато «потом» мы сможем произвести большую массу средств потребления.

И тот и другой планы страдают тем недостатком, что они предлагают трудящимся классам ждать. Шанин предлагает рабочему классу «потерпеть» с индустриализацией, не понимая, что это грозит потерей его руководящей роли в стране. Майзлин, Преображенский и другие предлагают фактически «повременить» с потреблением во славу максимального развертывания производства средств производства, т.-е. фактически снизить реальный уровень жизни масс. Правда, т. Майзлин предпочитает об этом обстоятельстве не сказать ни слова. Напротив, на протяжении всей статьи он демагогически козыряет недостаточностью душевого потребления. Однако, тем теоретически подлее и тем политически лицемернее его позиция.

Рецепты Майзлина фактически таковы: недостаточный рост потребления он предлагает лечить усилением накопления; товарный голод он предлагает лечить еще большим товарным голодом (как будто ему невдомек, что проектируемое им непропорциональное отвлечение средств на капитальные затраты, означает в ближайшие годы перспективу обострения товарного голода)[1]).

Было бы вульгарно, разумеется, представлять дело таким образом, будто в то время, как оппозиция стоит за капитальные затраты, партия против капитальных затрат. Осуществление курса индустриализации без больших капитальных затрат немыслимо. Но есть две политики капитальных затрат. Одна—политика капитальных затрат без надлежащей оглядки на производство средств потребления. Другая—политика развертывания капитальных затрат, используя все имеющиеся для этого ресурсы, но так, чтобы было обеспечено бесперебойное и систематическое продвижение всей промышленности и всего народного хозяйства в целом, чтобы, в частности, было обеспечено и ни в коем случае не снижено производство необходимых предметов широкого потребления. Политика индустриализации ни в коем случае не должна притти в конфликт с задачами повышения жизненного

[1]) То, что сверхиндустриальное «усиление» капитального строительства чревато на ближайшие годы обострением товарного голода, несколько месяцев назад признавал и т. Преображенский (см. его статью «Экономические заметки» в «Б—ке» № 6). Тов. Преображенский признавал, что при усилении капитального строительства пришлось бы «снять с рынка» определенный процент ходовых товаров. Оппозиция вела бы себя по крайней мере теоретически и политически честно, если бы заявила прямо, что она «сейчас» (т.-е. на ближайшие годы) стоит за обострение товарного голода (т.-е. снижение уровня потребления масс) с тем, чтобы его утолить «в будущем». Вместо этого оппозиция хочет быть именинницей и на Антона и на Онуфрия: мы, мол, за уничтожение товарного голода и сейчас и в будущем. Однако, логика вещь упрямая. Всякие нехорошие проделки с ней могут быть легко выведены на чистую воду.

уровня трудящихся масс. Таково единственно правильное решение вопроса о темпе индустриализации и о темпе капитального строительства [1]).

К решению вопроса о темпе индустриализации нельзя подходить только под углом зрения капитальных затрат. Практические «границы» индустриализации у нас определяются не только возможностью капитального строительства. И не всякий, кто предлагает увеличить пропорцию капитальных вложений, об'ективно способствует ускорению темпа индустриализации. Наши сырьевые ресурсы, напр., определяют возможность развертывания промышленности не в меньшей мере, чем наши «капитальные фонды». Без форсированного развертывания производства промышленного сырья, мы не сможем реализовать быстрый темп индустриализации. До какой степени «сырьевые лимиты» давят на нашу промышленность, видно из того, что для реализации намеченного ВСНХ пятилетнего плана развертывания промышленности надо ввезти заграничного сырья почти на сумму в 1.400 миллионов рублей, в то время как оборудования всего на 1.250 миллионов. Ясно, что чем дальше, тем больше развертывание нашего капитального сторительства будет упираться в недостаток производства внутреннего сырья, что должно давить непроизводительным бременем на наш импорт и тем самым сокращать возможности ввоза капитального оборудования. Устранить эту перспективу можно только индустриализацией самого сельского хозяйства, которое, таким образом, должно входить как составной элемент в общий процесс индустриализации нашей страны [2]).

II. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ДЕРЕВНЯ.

1. Можно ли крестьянство «обидеть» индустриализацией?

До сих пор мы рассматривали вопрос о темпе индустриализации вне соотношения города и деревни. Мы предполагали средства на индустриализацию величиной данной. Между тем, размеры этих средств могут быть различными в зависимости от

[1]) Недавнее постановление СТО и СНК о «контрольных цифрах Госплана» с этой точки зрения весьма показательно. СТО и СНК предлагают изыскать средства на усиление капитальных затрат (указывая для этого конкретные источники), но так, чтобы при этом было обеспечено надлежащее расширение средств потребления.

[2]) Строго говоря, сверхиндустриалисты не имеют никаких оснований хвастаться тем, что предлагаемый ими вариант развития отличается более быстрым темпом. Реально темп определяется целым рядом моментов: и «нормой накопления», и быстротой оборотов «капитала», и соотношением между отраслями народного хозяйства, и развитием внешней торговли (и ее структурой), и состоянием денежного обращения и кредита. Чем согласованнее, чем планомернее, чем систематичнее будет происходить развертывание всех составных элементов народного хозяйства,—тем выше темп реально, и тем легче добиться его ускорения. Всякое же «зарывание» с темпом, всякий заскок в развертывании одного из элементов хозяйства, всякое непропорциональное ухлопывание средств в какую-либо одну из хозяйственных сфер—будь то капитальные затраты или что-либо иное—дает реально общее снижение темпа. Сверхиндустриалисты говорят о более высоком темпе, но это не значит, что такова их реальная программа. Реально «сверхиндустриализм» привел бы как раз к снижению темпа. Мы в последней главе увидим, какой «темп» сулит нам оппозиционная «политика цен».

того, как сложатся отношения между городом и деревней. Тот тип отношений, который предполагает статья тов. Майзлина, есть отношение *эксплоатации*. Правда, т. Майзлин этого прямо не говорит. Правда, т. Майзлин говорит даже о необходимости индустриализации сельского хозяйства, о всемерном расширении кредита бедноте, но в вопросах экономической политики менее всего можно верить на слово. О том, каким образом предполагается осуществить индустриализацию сельского хозяйства и из каких сумм предполагается оказать кредитную помощь бедноте,—об этом т. Майзлин не говорит ни слова. Зато тов. Майзлин предлагает *нечто реальное и осязательное в области политики цен на промышленные товары*. Тов. Майзлин предлагает повысить отпускные цены на промтовары. Тов. Майзлин не может не знать, что повышение отпускных цен в условиях товарного голода должно неминуемо повлечь за собой повышение цен розничных—мы ниже увидим, что Майзлин это прямо *признает*. Повышение цен Майзлиным рассматривается как всемогущая панацея от всех зол. За счет повышения отпускных цен Майзлин предполагает «ускорить» индустриализацию. Идее неумеренной «перекачки», «эксплоатации», «отчуждения» «прибавочного продукта», «пожирания» деревни городом Майзлин дал в своей статье конкретное цифровое выражение [1]).

Таким образом, индустриализация по т. Майзлину должна проводиться посредством усиленного хозяйственного *нажима* на деревню.

Имея за душой такую *реальную* программу индустриализации, Майзлин не стесняется произнести следующие слова:

«В корне неправильным является взгляд, довольно широко распространяющийся за последние годы в нашей партии и сквозящий у Бухарина, будто бы индустриализация является процессом, враждебным сельскому хозяйству, в корне неправильна боязнь «обидеть» крестьянина индустриализацией».

Товарищ Майзлин полагает, что «обидеть» крестьянина индустриализацией нельзя. Между тем, т. Майзлин говорит прямую неправду. Нельзя обидеть крестьянина *правильно* проводимой политикой индустриализации. Но в двух случаях крестьянина «индустриализация» могла бы обидеть.

Либо—при чересчур *слабом* темпе индустриализации, когда промышленность не двигается вперед, не производит самой необходимой массы товаров для деревни, при чем дефицит промтоваров не покрывается соответствующим ввозом из-за границы.

Либо—при том «заскоке» с темпом, который рекомендуется не в меру ретивыми сверхиндустриалистами, в роде самого Майзлина. Как может быть крестьянство довольно той индустриализацией, которая держится на политике высоких цен, которая бьет крестьянина как потребителя? Как может быть крестьянство довольно такой индустриализацией, которая, отвлекая средства на капитальные затраты, не дает одновременно возрастания производства готовых изделий, той индустриализацией, которая на целый ряд лет *обостряет* товарный голод? Покорно поблагодарил бы Вас, тов. Майзлин, крестьянин за подобную индустриализацию.

[1]) Правильность расчета Майзлина мы проверим ниже, когда будем взвешивать всю сумму хозяйственных результатов повышения отпускных цен.

У Майзлина и прочих сверхиндустриалистов есть одна оговорка, которой они постоянно пользуются, но которая их, однако, ничуть не спасает. Они пытаются уверить, что речь должна итти лишь о «временном» повышении отпускных цен. Что означает, однако, это «временное» повышение цен, ни Майзлин, никто другой прямого конкретного ответа не дают. Косвенные указания на этот счет у Майзлина все же имеются. Надо «повысить сейчас отпускные цены»... «и дать более быстрый темп развитию промышленности, такой темп, который не отставал бы от роста потребностей народного хозяйства в ее продуктах». «*Только тогда* мы добьемся как действительного снижения цен на товары—благодаря насыщению ими рынка, так и возможности для промышленности выдержать низкие цены—благодаря *постройке новых фабрик и заводов с улучшенной техникой*, с меньшими затратами труда на единицу продукта».

А до тех пор «пока» наша страна не покроется достаточной сетью «*новых фабрик и заводов с улучшенной техникой*», до тех пор о снижении цен мечтать не приходится, до тех пор—«временно» повышать цены, драть семь шкур с потребителя, индустриализировать город верхом на деревне.

Откладывание на «потом»—скрытая посылка рассуждений сверхиндустриалистов. «Вначале» максимум капитальных вложений, «потом» расширение продукции предметов потребления. «Вначале» обострение товарного голода, «потом» его ликвидация («насыщение рынка» «благодаря постройке новых фабрик и заводов»). «Вначале» повышение отпускных цен, «потом» их «реальное» снижение. «Вначале» индустриализация города за счет деревни, «потом» индустриализация предварительно ограбленной деревни. Цеховая, узко-промышленная точка зрения искривляет сверхиндустриалистам всю перспективу развития. Они не понимают органической взаимозависимости составных частей народного хозяйства, не понимают, что нельзя двигаться вперед одной ногой, а другой стоять на месте, забывают, что развертывание не по средствам одной отрасли хозяйства грозит обострением диспропорции во всей хозяйственной системе в целом. Благодаря этому—хотят ли они это сознавать или нет—у них индустриализация превращается *из инструмента «смычки» в орудие ее срыва, в способ обострения противоречий рабочего класса и крестьянства*.

2. Сверхиндустриализация и дифференциация.

«При слабом темпе индустриализации смычка с крестьянством неизбежно превращается в смычку с кулаком»,—говорит г. Майзлин. «Тот темп, который мы имели до сих пор и который намечается в будущем», Майзлин об'являет слабым. Вывод: «наша экономическая политика» есть политика «смычки с кулаком».

Нет нужды опровергать здесь Майзлина. Крикам о «смычке с кулаком» та же цена, как и всей болтовне о «кулацком перерождении» ВКП. Спросим лучше, как должна повлиять проектируемая самим Майзлиным политика повышения цен на процессы расслоения в деревне.

Как должно измениться соотношение социальных сил внутри крестьянства, если мы поведем политику повышения цен? Кого ударит повышение цен на промтовары больше: того ли, кто побогаче, или того, кто победнее? Ответ ясен и для малого ребенка. Пострадает больше всего беднота, пострадает середняк, пострадает вся основная масса деревни в целом, зажиточный и кулак пострадают меньше всего (кулаку ведь полегче будет выдержать майзлинские «божеские» цены). Относительный вес кулака в деревне возрастет. Середняцкое хозяйство подыматься не будет. Пауперизм в деревне будет расти. Почва для кабальных, ростовщических сделок в деревне расширится. Процесс расслоения пойдет интенсивнее. Из орудия преодоления дефференциации «индустриализация» (пухнущая на высоких ценах) превратится в орудие ее разжигания. Вместо «движения со всей массой крестьянства», которое завещал нам Ленин, мы получим небывалый рост расслоения и разрыв рабоче-крестьянского союза. Таково действие майзлинской «индустриализации» на деревню.

Таково влияние на дифференциацию, оказываемое политикой повышения промышленных цен (а эта политика есть, как мы знаем, альфа и омега всей экономической платформы Майзлина).

Не очевидна ли после этого вся гнилость теоретической и политической установки оппозиции? Не режет ли всем глаза ее идейное двурушничество?

Рвут и мечут насчет процессов расслоения, а в то же время прописывают сверхиндустриализацию, процессы расслоения обостряющую!

Вопят во все тяжкие о кулацкой опасности, а в то же время проповедуют политику цен, кулачество в деревне укрепляющую! На словах против, а на деле за смычку с кулаком.

Сулят бедноте золотые горы—помощь и кредит, а на деле предлагают обобрать бедноту как потребителя.

Кричат о дифференциации, а сами предлагают ее подхлестнуть!

Клеймят ЦК за низкие нормы душевого потребления, а на деле провозглашают генеральный поход против всей массы потребителей.

Таковы безысходные противоречия оппозиционной платформы. Так сочетается оппозиционный сверхиндустриализм с криками оппозиции о дифференциации.

3. Сверхиндустриализация и аграрное перенаселение.

Бедняк—кандидат в промышленную резервную армию. Чем быстрее идет в деревне расслоение и чем больше в ней развивается пауперизм, чем «экстенсивнее» ведется в ней хозяйство, тем больше скрытое перенаселение деревни и тем большую массу безработных выталкивает в город перенаселенная деревня. Таким образом, ускорение процессов расслоения и ухудшение положения деверенской бедноты означает растущее воспроизводство нашей безработицы.

Мы видели только-что, как Майзлин решает проблему дифференциации. Проблему безработицы он «решает» не лучше. Самый факт безработицы для него служит лишь доказательством

того, что правы сверхиндустриалисты. Раз у нас безработица не изживается, значит сугубо недостаточен «темп» индустриализации.

Но как Майзлин «ускоряет» развитие промышленности, это тоже известно. По Майзлину, форсирование роста промышленности идет на основе усиления нажима на крестьянство, на основе политики высоких промышленных цен. Но эта политика есть политика разжигания дифференциации. Она ведет к нарастанию пауперизма в деревне к расширенному воспроизводству аграрного перенаселения. Много крича о безработице Майзлин по существу держит курс на политику, которая безработицу обостряет и не может не обострять.

Как могло получиться у Майзлина такое скандальное противсречие? Оно у него получилось потому, что он—и не только он: в том повинна вся оппозиция—не понимает самой проблемы безработицы.

Майзлин думает, что безработицу можно преодолевать только с городского конца. Майзлин думает, что, только расширив промышленность, можно покончить с безработицей. Но думать так, значит заранее расписаться в неразрешимости проблемы по существу. Нельзя решать проблемы безработицы таким образом, если, с одной стороны, мы будем нагонять «темп», нанимать на десятки тысяч рабочих больше, а с другой—вести политику аграрного перенаселения, выбрасывающего из деревни новые сотни тысяч рабочих. «Решать» проблему безработицы так, значит решать ее по рецепту Шляпникова—Медведева; значит культивировать ту утопическую перспективу развития промышленности, которая дала бы «приложение рук и сил» «неизбежно» разоряемым, по Медведеву, десяткам миллионов деревенской бедноты.

Между тем правильно и необходимо вести борьбу с безработицей одновременно с двух концов—с городского и с деревенского; и развертыванием промышленности и «преодолением» аграрного перенаселения в самой деревне. Стремясь к максимально возможному вовлечению новых кадров в состав промышленного пролетариата, надо заботиться о том, чтобы аграрное перенаселение преодолеть. А для этого вести борьбу против дифференциации (не политикой высоких цен, разумеется), для этого надо подымать середняцкое хозяйство, интенсифицировать сельское хозяйство в целом, осуществлять на деле шаг за шагом кооперативный план Ленина. Обо всем этом Майзлин не обмолвился ни одним словом. Поэтому в его статье мы находим много визгу о безработице, но не реальную борьбу с ней. Деревенская же политика Майзлина есть политика прямого усиления безработицы.

III. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ДОБАВОЧНЫЕ СРЕДСТВА НА НЕЕ. ТАЙНА „МИЛЛИАРДА“.

Повышение отпускных цен—это центральный пункт оппозиционной экономической программы; это то «основное звено», ухватившись за которое оппозиция предполагает тащить всю народно-хозяйственную цепь, ускорить накопление, дать более быстрый темп процессу индустриализации, победить частный

капитал, выправить «классовую линию», сделать всю «нашу экономическую политику» состоятельной.

Вот почему дискуссия между партией и оппозицией о политике цен имеет решающее значение. Если бы оппозиция в этом пункте оказалась права, то ей действительно удалось бы доказать «несостоятельность нашей экономической политики». И, наоборот, если бы «основное звено» оказалось фальшивым, то рушилась бы, обанкротилась вся хозяйственно-политическая установка оппозиции.

Рассмотрим поэтому оппозиционную «политику цен» подробнее.

До сих пор мы брали оппозиционную «политику цен» лишь под углом зрения отношений между городом и деревней. При этом мы предполагали, что курс на повышение цен удалось осуществить, что это дало ускорение темпа индустриализации; все же те пертурбации, которые повышение цен должно вызвать во всей системе народного хозяйства, мы оставляли в стороне. Теперь мы должны взвесить всю сумму экономических последствий политики повышения отпускных цен.

Возьмем аргументацию и «расчет» т. Майзлина. Политика цен партии, по мнению Майзлина, есть политика, ведущая к наживе спекулянтских элементов, политика частнокапиталистического накопления («своими руками создаем буржуазию»). Сжать раствор оптово-розничных ножниц до сих пор не удалось. Существующий широкий раствор оптово-розничных ножниц есть источник накопления частников. Если нельзя сжать лезвия ножниц снижением розничных цен, то их надо сжать повышением цен отпускных.

Встав на путь повышения отпускных цен мы не только добились бы сжатия оптово-розничных ножниц, но выловили бы целый «миллиард» из сферы обращения, который бросили бы на увеличение капитальных затрат.

Вот соответствующий арифметический расчет Майзлина.

«Мы имеем сейчас рабочих в промышленности (и крупной и мелкой) несколько меньше $2^1/_2$ миллионов человек (см. «Плановое Хозяйство», № 7, стр. 254). Заработная плата в червонных рублях составляет в среднем около 50 руб. в месяц, т.-е. 600 рублей в год. На всех рабочих это составит полтора миллиарда рублей. На продукты промышленности рабочий тратит не более $^2/_5$ своего заработка. Следовательно, все рабочие тратят на покупку продуктов промышленности не более 600 миллионов рублей в год».

«Накидки на товары широкого потребления составляют по тем же подсчетам ВСНХ в среднем за 10 месяцев этого года 40% сверх нормы. Предположим, что мы повысили наши отпускные цены на 30% (разумеется, как мы уже говорили, это можно произвести не сразу, а постепенно с осторожностью), тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов промышленности не 600, а 780 м. р., т.-е. им нужно будет для этого увеличить зарплату на 180 м. р. Это самое большее, что мы потеряем на повышении цен. А что мы выиграем?»

«Мы производим в этом году предметов широкого потребления на 4 мрд. руб. по отпускным ценам, на которых торговцы получают сверх нормальной прибыли по 40 коп. на рубль. Если мы повысим цены на эту продукцию на 30%, то выиграем на этом 1.200 млн. руб. Если даже окажется, что рабочие действительно потеряют на повышении отпускных цен все 180 млн. руб. (что мало вероятно) и, следовательно, на эту же сумму мы увеличим им заработную плату, то и тогда у нас останется 1 мрд. руб., который мы можем направить и на дальнейшее улучшение жизни рабочего и на усиление капитальных затрат».

К этому расчету т. Майзлина мы должны сделать прежде всего три замечания.

Первое. Относительно того, что повышение отпускных цен на 30% надо «произвести не сразу, а постепенно, с осторожностью». «Сразу» или «постепенно» предполагается повышение цен, но оно производится так, что уже в течение данного хозяйственного года «миллиард» реализуется полностью. Если иметь в виду, что общее повышение цен на 30% надо произвести в течение года, «осторожность» реально может проявиться лишь в том, что накидки будут различны для разных видов товаров. На те товары, на которые имеется больший массовый спрос, накидки фактически должны быть выше 30%. На те же готовые продукты, которые даже при существующих ценах «затовариваются», отпускные цены вообще (под угрозой прямого кризиса сбыта) не могут быть повышены. Так что реально, «сразу» или «постепенно», но в течение данного года отпускные цены тех предметов широкого потребления, на которые чувствуется товарный голод, должны быть фактически повышены больше, чем на 30%.

Второе. Отметим, что выигрываемый от повышения отпускных цен «миллиард» Майзлиным даруется именно «на усиление капитальных затрат». Отметить это необходимо в виду того, что за страницу перед своим «расчетом» Майзлин обещал усилить кредит бедняку и повысить реальную заработную плату рабочему [1]). Поскольку, однако, теперь оказывается, что весь выручаемый «миллиард» поступает на усиление капитальных затрат, и поскольку в этом мире неизвестно, чтобы кредит бедноте и повышение зарплаты проводилось в форме капитальных затрат, постольку предыдущие «обещания» были, попросту говоря, обманом.

Третье. Самое важное то, что в своем расчете Майзлин вынужден черным по белому признать, что повышение отпускных цен фатально повлечет за собой и повышение цен розничных. «Предположим, что мы повысили отпускные цены..., тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов не 600, а 780 милл. руб.» (по ценам потребителей, конечно, т.-е. по розничным ценам, т.-е., следовательно, Майзлин признает, что розничные цены должны повыситься). Это обстоятельство важно иметь в виду для дальнейшего, а кроме того, оно показательно в том отношении, что Майзлин вынужден отказаться от своеобразной «идеи», развиваемой некоторыми оппозиционерами (напр., В. М. Смирновым), будто повышение отпускных цен не влечет за собой роста розничных. И, разумеется, было бы мещанским прекраснодушием и премиленькой идеализацией частника думать, что в условиях товарного голода и отсутствия свободной конкуренции он не стал бы перекладывать

[1]) «Гораздо лучше, повысив сейчас отпускные цены..., обратить... средства на то, чтобы повысить заработную плату рабочему, усилить кредит бедноте и дать более быстрый темп развитию промышленности..» (Майзлин).

убытки от повышения опта на потребительские массы. Майзлин настаивает, правда, на том, что накидки на розницу не увеличатся настолько же, насколько вырастут накидки на опт. Здесь с Майзлиным можно согласиться, но лишь в том отношении, что розничные цены могут расти до тех пор, пока это не вызовет кризиса сбыта, что границей повышения розницы будет платежеспособный спрос, так что розничные цены могут повыситься и меньше, чем на 30%, и больше, чем на 30%.

Как бы то ни было, несмотря на эти «мелочи», т. Майзлин свое дело сделал чисто. «Миллиард» на капитальные затраты он достал нам, как со дна морского. Взмахнул волшебной палочкой, повысил отпускные цены—раз, два, три!—и «миллиард» лежит готовенький на тарелке. Хозяйственники-трестовики потирают руки, рабочие не имеют никаких оснований жаловаться (ведь им предусмотрительный Майзлин, предвидя повышение розничных цен, повысил зарплату на 180 милл.), частник лишается громадных барышей, кооперация немножко «пожмется», а в целом ускоряется «темп» и открывается настоящая идиллия сверхиндустриализации!

Попробуем, однако, взглянуть за кулисы.

Не пострадает ли кто-нибудь от майзлинской операции, не случится ли что-нибудь непредвиденное? Не найдется ли кто-нибудь—частников мы пока оставляем в стороне—кто с полным основанием будет смотреть на майзлинский «миллиард» довольно косо? Оказывается, такие люди найдутся.

Найдутся прежде всего в рабочем классе. Майзлин предусмотрел сохранение реальной зарплаты рабочим крупной и мелкой промышленности. Но Майзлин «забыл» о том, что существуют в СССР железнодорожники, которых немалое число и которые, надо думать, ценами на предметы широкого потребления интересуются. Майзлин «забыл, кстати, и о существовании строительных рабочих, рабочих коммунального хозяйства, сельскохозяйственных рабочих, поденных рабочих, прислуги и пр. Майзлин «забыл» и об огромной армии служащих, большинство из которых заработную плату получает невысокую. Короче говоря, в погоне за миллиардом, Майзлин не принял в расчет, что весь пролетариат СССР в целом насчитывает теперь свыше девяти миллионов человек. Если даже из этой массы лиц наемного труда вычесть миллион человек, обеспеченных достаточно высоким окладом, то остается, кроме $2^1/_2$ миллионов рабочих крупной и мелкой промышленности, около 6 миллионов рабочих и служащих, т.-е. огромное большинство членов наших профессиональных союзов. Всей этой массе людей цены на предметы широкого потребления не безразличны, и едва ли она не обратит внимания на проектируемое Майзлиным повышение цен. Наверно, и сам Майзлин согласится с тем, что это внимание едва ли будет очень благосклонным. Во всяком случае, перед т. Майзлиным вырисовывается такая дилемма. Либо пойти сознательно на то, чтобы перессорить пролетарское государство с подавляющей массой членов советских профессиональных союзов, которые будут майзлинский «миллиард» проклинать за то, что он сулит им понижение реальной зарплаты. Либо Майзлин постесняется «перекачивать» миллиард из кармана рабочего класса, но тогда он должен в какой-либо форме повысить всей массе пролетариата зарплату на ту же сумму, на какую повысятся цены на промтовары. На это повышение зарплаты, фактически означающее лишь сохранение ее на прежнем реальном уровне, придется затратить никак не менее 400 милл. руб. Иными словами, великолепный майзлинский «миллиард» уже от одного этого должен с'ежиться до 600 миллионов.

Но не следует думать, что на этом злоключения нашего, уже теперь изрядно общипанного, «миллиарда» кончаются. Претерпеть ему предстоит еще не мало.

Только наш «миллиард», постыдно сократившись до 600 миллионов, избавился на время от недовольств рабочего класса, как его немедленно встречает в штыки основная масса нашего крестьянства. Какие последствия имеет политика повышения индустриальных цен на деревенскую экономику, мы знаем из предыдущей главы. Эта политика означает регресс сельского хозяйства, усиление дифференциации, укрепление позиций кулака-ростовщика, рост аграрного перенаселения, нарастание «быстрым темпом» недовольства середняцко-бедняцкой массы деревни. В любом случае—даже если мы примем самую благоприятную перспективу,—т.-е. примем, что повышение отпускных цен на 30% только незначительно отразится на повышении розницы, скажем процентов на 10—иначе как четырех'этажной благодарностью за Ваш «миллиадр», тов. Майзлин, Вам крестьянство не отплатит.

Но это еще не все, т. Майзлин. Не думайте, что деревня соблаговолит перенести Ваш «миллиард» «просто так». Хозяйственный нажим на деревню со стороны города породит хозяйственное противодействие со стороны деревни. На враждебную ей политику промышленных цен она ответит повышением цен на сельскохозяйственные товары. Цены на продукты сельского хозяйства обнаружат тенденцию к росту. (При этом росте с.-х. цен выигрывать будет больше, конечно, зажиточно-кулацкая верхушка деревни, которая обладает большими «маневренными» способностями, может хлеб припрятывать, рост цен может выжидать).

Здесь майзлинскому «миллиарду» грозит новый непредвиденный удар. На беду Майзлина, рабочий класс СССР покупает предметы потребления не только промышленного происхождения. Изрядную долю в рабочем бюджете составляют расходы на сельскохозяйственные продукты. А поскольку на высокий промышленный индекс деревня ответит высоким индексом сельскохозяйственным, поскольку подымутся цены на хлеб, молоко, масло, яйца, мясо,—постольку «миллиард» рикошетом ударит прежде всего и больше всего по рабочему карману. «Миллиард» вызовет рост промышленных цен, деревня подымет цены на хлеб, а в результате падет реальная заработная плата [1]).

Таковы предварительные итоги повышения отпускных цен. Острое недовольство всего трудящегося населения Союза как в городе, так и в деревне, как рабочих, так и служащих, как бедноты, так и середнячества; острое недовольство основных классов нашего Союза, уровень существования которых был бы снижен, которые были бы ограблены как потребители,—таков пред-

[1]) Если бы т. Майзлин захотел этого падения зарплаты избежать, то ему пришлось бы повысить денежную зарплату в меру повышения цен на сельскохозяйственные продукты, но тогда его «миллиард»..., то-бишь 600 миллионов, «оттаял» бы еще на пару сотен миллионов.

варительный результат майзлинского «миллиарда». «В копеечку» обошелся бы «миллиард» пролетарскому государству.

Но, быть может, стоило бы пойти на такой риск, стоило бы решиться на «временную» грабиловку потребителей, стоило бы это «потерпеть» ради каких-либо сверх'ординарных благ другого порядка? Быть может, повысив отпускные цены, мы оздоровили бы систему нашего товарооборота, вытеснили бы частника из сферы торговли, «загребли» бы его барыши? Быть может, в награду за «временные» страдания, вызванные «миллиардом», мы имели бы наше победоносное наступление в сфере обращения? Так ли это?

О борьбе с частным капиталом оппозиция накричала не меньше, чем о кулацкой опасности. В большом ходу оппозиционные словечки о нашем якобы «потакании» частному капиталу, о «фактическом покровительстве» ему, о «недооценке» грозящих со стороны нэпманской буржуазии опасностей и т. п.[1]).

---

[1]) В этом отношении прямо-таки «перлом» является глава о частном капитале в статье Майзлина. В своей разудалой «полемике» по этому вопросу с т. Н. Бухариным Майзлин отличился, пожалуй, больше всего.

Идет спор о размерах прибылей и накопления у частного капитала. Тов. Н. И. Бухарин берет данные Кутлера о сумме прибылей частного капитала за 1924/25 г. Для того, чтобы определить накопление частного капитала, нужно вычесть из этой суммы прибылей (которая по данным Кутлера колеблется между 319 и 585 милл р.) фонд потребления частнокапиталистических хозяйств. Беря всю массу частных хозяйств (323.885) и помножая ее на вероятный средний размер потребления на каждое хозяйство (1000 рублей в год), Бухарин получает совокупный фонд потребления частников (323 миллиона рублей). Таким образом, величина накопления частного капитала должна определяться разностью между всей валовой прибылью и 323 миллионами рублей.

Но тут появляется Майзлин и начинает греметь в свой оппозиционный бубен. Ага!—восклицает Майзлин—Бухарин делит все доходы частного капитала поровну между всеми частниками! Бухарин считает, что все частники потребляют каждый по тысяче рублей! Бухарин «не понимает» того, что бывают частники победнее, которые проедают меньше 1000, и бывают нэпманы-зубры, которые проедают больше 1000 и которым «остается и на накопление!» У Бухарина невозможная «арифметика»! Если рассуждать «по Бухарину», то нужно делить все доходы сельского ховяйства поровну между всеми крестьянами, тогда не будет кулаков. Если рассуждать «по Бухарину», то надо делить все доходы между капиталистами, тогда в капиталистическом обществе не будет капиталистов! В том же духе Майзлин распаляется «ядом» и дальше, затем яростно начинает «вычислять», сколько проедают и сколько накопляют более и менее богатые частники, «вычислений» своих, однако, до конца не доводит, «саркастически» предоставляя сделать это «самому Бухарину», который «в арифметических вычислениях мастак».

«Ехидства», что и говорить, в этих рассуждениях наслежено не мало. Вся беда в том, однако, что товарищ Майзлин стреляет холостыми. Все его рассуждения покоятся на той милой «предпосылке», будто тов. Бухарин где-либо и когда-либо действительно утверждал, что все частники потребляют «поровну» и накопляют «поровну». Между тем, подобной чуши ни Бухарин, ни один человек, у кого голова на плечах—не говорил. Самое слово «поровну» здесь попросту выдумано Майзлиным. «Опровергал» Майзлин, иными словами, не т. Бухарина, но свою собственную галиматью, которая им Бухарину была бесцеремонно приписана («знай, мол, наших!»).

Бухарин брал вероятную среднюю потребления на каждое частнокапиталистическое хозяйство. Этого ему было совершенно достаточно для того, чтобы, зная число частнокапиталистических хозяйств, вычислить весь фонд потребления частников. Можно было бы, конечно, подсчет вести иначе: разбить хозяйства частников по категориям, вычислить сколько каждая категория потребляет в отдельности, затем сложить эти отдельные потребительские фонды и таким путем получить сумму потребления частников. Не трудно догадаться даже и не особенным «мастакам в арифметике», что в случае, если средняя потребления определена правильно, результаты обоих

Как обстояло бы, однако, дело реальной борьбы с частным капиталом, если бы мы вздумали осуществить экономическую программу оппозиции? Как реагировала бы наша товаропроводящая сеть—госторговля, кооперация и частный капитал—на майзлинское повышение отпускных цен на промышленные изделия?

Сам Майзлин признает, что повышение отпускных цен явится экономическим ударом для всей нашей товаропроводящей сети. Он этого не скрывает, ведь его «план» в том и состоит, чтобы заставить «немножко пожаться» кооперацию и отнять барыши у частников. Но Майзлин увиливает от вопроса, который в глазах всякого, действительно дорожащего интересами борьбы с частником, должен являться решающим: кого повышение отпускных цен должно ударить больше—частника или кооперацию и госторговлю?

А между тем достаточно только поставить этот вопрос, чтобы получить на него ясный и недвусмысленный ответ. Государственная и кооперативная торговля уже потому должны пострадать больше, что они благодаря той «нашей экономической политике», которую Майзлину угодно было об'явить «несостоятельной»—господствуют в нашем товарообороте (почти весь опт и большая часть розницы охвачены гос- и кооперативной торговлей). Уже поэтому средства, извлекаемые из сферы обращения в промышленность, суть в гораздо большей пропорции не барыши нэпманов, но средства нашей кооперации и госторговли. В той мере, в какой кооперации и госторговле не удастся переложить повышение отпускных цен на потребителя, в той самой мере

вычислений должны совпасть. Например, берем 300.000 частных хозяйств; если среднее годовое потребление на семью равно 1.000 руб., то весь фонд потребления будет 1000 р.×300.000=300 миллионов рублей. Та же сумма может получиться, если мы возьмем, частные хозяйства по группам, напр. 100.000 хозяйств потребляют по 800 рублей в год, в сумме 80 миллионов. 100.000 хоз. по 1200 руб.—сумма 120 миллионов. 100.000 хоз. по 1000 руб.—сумма 100 милл. рублей; итого 80 м. + 120 м. + 100 м., т. е. те же 300 миллионов рублей. Напрасно, между прочим, т. Майзлин свои столь «победоносно» начатые вычисления дипломатически прекратил. Если он продолжил бы их до конца, не пускаясь на какое-либо добавочное шулерство, он мог бы получить ту же самую сумму потребления частников, какая дана в примерном расчете т. Бухарина.

Пусть, кстати, Майзлин обратит такого рода остроумие против себя самого. Он много распространялся насчет душевого потребления. Но душевое потребление есть норма потребления на каждую душу населения. С какой стати Майзлин осмеливается «делить поровну» потребление между всеми «душами»?... «Неужто» он полагает «всерьез», что все «души»—будь то «души» рабочего, крестьянина, кулака или нэпмана или, наконец, «душа» самого Майзлина потребляют «поровну» пирогов, сахару, табаку, чугуна и оппозиционных статей?

Впрочем, весь полемический экстаз насчет частнокапиталлистического накопления Майзлину служит для заметания следов, Майзлин ни-гугу о маленькой «истории вопроса», об исчислении размеров накопления частного капитала. А эта «история» такова, что представители оппозиции (напр., т. Пятаков) отождествляли накопление частного капитала с валовой прибылью его. Благодаря этому получалось несуразно преувеличенное представление о накоплении частного капитала. Тов. Дзержинский, а затем и тов. Бухарин разоблачили этот маневр оппозиции, указав на то, что из валовой прибыли надо скинуть фонд личного потребления. Майзлин «смолчал» насчет итогов этого спора. Вместо того, чтобы коснуться этой сути, он предпочел юркнуть в кусты, навязать т. Бухарину ряд диких «мыслей», а потом их старательно «опровергнуть», то бишь усердными зубами «грызть гранит» своей собственной глупости. Вы ничего себе «мастак», т. Майзлин!

средства на «миллиард» будут в основном создаваться «перекачной» из каналов государственно-кооперативной торговли в госпромышленность, т.-е. самая операция с «миллиардом» сведется в значительной степени к перекладыванию из одного государственного кармана в другой. Кошель госторговли и кооперации несколько опустеет. Им придется, как скромно выражается Майзлин, «немножко пожаться».

Но что это означает «немножко пожаться»? Это означает то, «что обедневшие кооперация и госторговля должны сократить масштаб своих операций закупочных, продажных, кредитных,— должны меньше покупать у госпромышленности, меньше продавать потребителям; должны закрыть ряд своих лавок и магазинов; рассчитать массу служащих; другими словами, на известный процент свернуть свой товарооборот [1]). В товарообороте должна образоваться «дыра». Чтобы избежать кризиса сбыта, кто-то эту «дыру» должен заполнить. Кто это сделает? Разумеется, не дух святой и даже не товарищ Майзлин (у которого по горло возни с своим «миллиардом»). Это сделает частный капитал. «Тиг Титыч вывезет!» «Немножко пожаться» значит на деле «немножко» потесниться перед нэпманской буржуазией. Иными словами, политика повышения отпускных цен неизбежно ведет к форсированному наступлению частного капитала на фронте обращения и, наоборот, к отступлению на этом фронте государственного хозяйства. Вести политику повышения цен, осуществить экономическую программу оппозиции значит почти завоеванный нами рынок отдать назад частному торговцу. Оппозиционная политика цен есть политика смычки с частным капиталом. Такова оборотная сторона майзлинской сверхиндустриализации, таков предательский казус с майзлинским «миллиардом». Обещал нам «загресть» у частника все барыши, разорялся вкось и вкривь насчет «фактического» якобы «покровительства» частнику со стороны нашей партии, а кончил тем, что сам пошел на поклон к частнику. (Кооперация «пожмись»! Тит Титыч, выручай!). Грозен Майзлин у «старта», но разве не жалок он у «финиша»? [2]).

---

[1]) Следует отличать, конечно, сокращение административно-хозяйственных расходов, устранение «многозвенности» благодаря рационализации аппарата от майзлинского «пожаться» посредством механического повышения отпускных цен. Механическое повышение отпускных цен кооперацию и госторговлю не «рационализирует», но толкнет на повышение розницы, с одной стороны, а, с другой стороны, заставит «сократить» их торговый оборот.

[2]) Процентное соотношение частника и государственно-кооперативного хозяйства в торговле менялось следующим образом:

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г. (предположительно).
Частник	40	27	23,7	21,5
Госторговля и кооперация . . .	60	73	76,3	78,5

Теперь Майзлины предлагают нам «пожаться», а частнику вернуть утерянные позиции. Только этот номер не пройдет. Не для того Ленин учил коммунистов торговать, чтобы теперь—когда они кой-чему научились, когда роль частника в торговле снизилась с 40 до 21,5 проц.—перед частником пасовать. Будем крепить наш товарооборот дальше, частнику не сдадимся, на оппозиционный зов не пойдем.

Конечно, повышение отпускных цен означает нажим на весь товарооборот в целом—и на кооперацию, и на госторговлю, и на частный капитал. Но нажим этот должен сказаться несравненно сильнее именно на государственной и кооперативной торговле. Частник скорей переложит отпускные накидки на потребителя. Если кооперация и госторговля зависят от наших директив (мы можем одергивать, не допускать слишком большого вздувания цен), то у частника в этом отношении руки свободны. Если кооперация связана с товарным «ассортиментом», должна брать от промышленности и неходкие товары, частник этого может не делать. Если кон'юнктура не позволит частнику сразу слишком вздуть розничные цены, он отыщет себе временно другие сферы «деятельности»: спекуляция валютой, хлебозаготовки (благо майзлинский «миллиард» чреват ажиотажем на рынке с.-х. продуктов). Во всех случаях относительные позиции частника на рынке укрепятся, а позиции нашей торговли будут ухудшаться.

Опустошения, чинимые «миллиардом» в потребительском бюджете рабочего, в потребительском бюджете крестьянина и в области нашей внутренней торговли, еще не составляют всей суммы последствий политики повышения отпускных цен. Одиссея «миллиарда» еще не дошла до своего логического конца.

А этот конец состоит в том, что политика высоких цен должна нанести нашему хозяйству еще два жестоких удара: удар по нашей внешней торговле и удар по нашей валюте.

Мы видели, что политика повышения цен на промтовары должна повлечь за собой тенденцию роста цен на сел.-хоз. продукты. Но чем выше стоят заготовительные цены на продукты сельского хозяйства, тем труднее их вывезти, тем менее рентабельным делается наш экспорт, тем меньше мы имеем возможности развернуть наши отставшие внешнеторговые операции. Препятствуя политикой высоких цен развитию нашего экспорта, мы тем самым либо делаем невозможным развитие импорта (в том числе и рост ввоза капитального оборудования на индустриализацию); либо развертываем импорт ценою пассивного торгового и платежного балансов, ценою расточения иностранной валюты, что ставит под прямую угрозу наш червонец.

На червонец атака ведется со всех сторон:

Подрывается обеспечение червонца из-за неблагоприятных условий торгового баланса, из-за разбазаривания нашего валютного фонда.

Падает устойчивость червонца из-за необходимости произвести добавочную червонную эмиссию на хлебозаготовки (ведь цены-то на хлеб, спасибо Майзлину, должны возрасти).

Падает устойчивость червонца из-за необходимости нового выпуска червонцев на пополнение возросшего фонда денежной заработной платы.

Понижается покупательная сила червонца, ибо создается ненормально «повышенная» кон'юнктура в целом, ибо идет неслыханный ажиотаж с ценами, ибо растет общий товарный индекс, ибо создается перенапряжение кредита.

Призрак инфляции превращается в зловещую реальность. Червонец неудержимо катится вниз.

Инфляция, обесценение, крах нашей валюты—таково заключительное звено политики повышения отпускных цен, таково «последнее прости» уходящего на покой бедного «миллиарда» Майзлина. А что такое инфляция—нужно ли «об'яснять» трудящимся СССР? Это—общее и непрерывное падение реальной заработной платы, это—расстройство всего народнохозяйственного механизма в целом, это—срыв нашего хозяйственного роста.

Что же мы имеем в результате осуществления «индустриализации» по Майзлину:

1) Непрерывное падение реальной зарплаты.
2) Форсированное расслоение деревни, резкое ухудшение положения бедноты и недовольство середняка.
3) Рост аграрного перенаселения и безработицы.
4) Ухудшение позиций госторговли и кооперации одновременно с усилением частника.
5) Хронический пассивный торговый баланс.
6) Инфляция, падение червонца.
7) Остановка нашего хозяйственного роста.

Что же остается от политики повышения отпускных цен—а эта политика ведь есть основа основ всей экономической платформы оппозиции? Ничего абсолютно, кроме ее полной и очевидной несостоятельности. Такую политику принять нельзя. Ибо это было бы политикой нашего экономического самоубийства.

* * *

Мы видим, что представляет собой экономическая платформа оппозиции. Мы видим, что она не может похвастать логической выдержанностью, законченностью своего построения. Мы видим, наоборот, что безысходные противоречия и бьющая в глаза политическая беспринципность пронизывают всю оппозиционную платформу от начала до конца. Разве не беспринципность—требовать максимального накопления и в то же самое время максимального потребления? Разве не беспринципность—демагогическая игра на товарном голоде и в то же время курс на политику, которая товарный голод обостряет (оппозиционное «лечение» товарного голода товарным голодом)? Разве это не беспринципность—оппозиционные «охи» и «вздохи» по поводу недостаточного потребления масс и одновременно политика высоких цен, политика обирания трудящихся потребителей? Разве это не беспринципность—панический галдеж насчет дифференциации и одновременно политика ее разжигания? Разве это не беспринципность и разве это не обман рабочих—обещание высокой зарплаты и в то же время политика инфляции? Наконец, разве это не беспринципность—оппозиционный вопль о нашествии частника, а под шумок отдача частнику сферы обращения?

В экономической платформе оппозиции следует отличать «реальности» от «декораций». Платформа эта густо пересыпана всевозможными «левыми» фразами и словечками. Но «левые» выкрики оппозиции не должны скрывать от нас ее подлинного правого существа. Существо экономической программы оппозиции, единственное ее «новое слово», единственно деловое и конкретное, что оппозиция могла противопоставить пар-

тии—это политика высоких цен. Но политика высоких цен—это верный способ оторвать партию и советское государство от широких масс, верный способ потащить партию направо. «Левые» фразы, с каким бы стопроцентным надрывом они ни произносились, не могут и не должны от нас скрывать правой сути реальной экономической программы оппозиции.

Когда оппозиция кричит о кулаке, то это только левая фраза; когда оппозиция предлагает вести политику высоких цен, кулака в деревне укрепляющую, то это правая суть ее платформы.

Когда оппозиция кричит о помощи бедноте («лошадь безлошадному»), то это ее левые слова; когда же она заявляет о своей готовности хлестать высокими ценами бедняцких потребителей—это ее правое дело, правая политика.

Когда оппозиция кричит о засилии частников и спекулянтов—это только левые слова; когда оппозиция предлагает перед частником распахнуть все шлюзы нашего товарооборота (кооперация «пожмись»!)—это правая суть ее экономической политики.

Когда оппозиция мечет громы насчет расслоения крестьянства—это только поток левых фраз; когда она предлагает вести политику форсированной «перекачки», политику высоких цен, деревню усиленно расслаивающую и разорящую—это правое существо ее платформы.

Когда оппозиция сулит высокую зарплату это с ее стороны только левый маневр, демагогическое «запускание арапа»; когда же она провозглашает политику инфляции (ведь в инфляции секрет всех ее «миллиардов»!), политику, сводящуюся на деле к падению реального уровня зарплаты, это есть реальное содержание ее хозяйственной платформы.

Попытка оппозиции задрапироваться в «левый» плащ не должна никого обманывать. «Левее» большевизма стать невозможно. Только враги революции могут «открыть» более «левую» линию, нежели та линия, которую ведет большевистская партия. Не случайно из белого стана несутся теперь бешеные аплодисменты «левизне» и «революционности» об'единенной оппозиции. Не случайно «Соц. Вестник» торопливо раздает «левые» ордена оппозиционным вождям и заявляет о своей солидарности или полусолидарности с оппозицией. Только ведь вся партия знает, что «левым» «Соц. Вестник» признал даже «концессионного» Медведева. Только ведь никогда не было и не будет того положения, чтобы в глазах большевиков имели цену те аттестаты на «левизну», которые выдаются меньшевиками и кадетами.

Именно потому меньшевики восхищаются «левизной» оппозиции, что она на деле тянет партию направо к меньшевизму. На деле экономическая платформа «Майзлина» есть, как мы видели, именно правая платформа. Его экономическая платформа есть политика срыва рабоче-крестьянского союза, политика срыва индустриализации (несмотря на все слова о «высоком темпе»), политика, всеми своими корнями уходящая в неверие в строительство социализма в нашей стране.

Политика сознательного расшатывания партийных рядов, которую ведет теперь оппозиция, логически дополняет оппозиционную экономическую платформу. Теперь эта раскольническая политика оппозиционных вождей у всех на глазах. Теперь оппозиция лицемерными возгласами «мы тоже за единство!

никого не возьмет. И никого не обманет ходовая оппозиционная фраза, произносимая, якобы, в «защиту единства»: «Ведет к расколу тот, кто отходит от пролетарской линии, защищает единство тот, кто борется за выправление классовой линии. Только решив вопрос о том, кто сползает с пролетарской линии и кто борется за нее, можно сказать, кто раскалывает партию и кто борется за ее единство...». Ну, а вопрос о том, **кто** компетентен решать вопрос о «сползании» или о «выпрямлении» классовой линии, существует на белом свете или нет? Кто **этот** вопрос должен решать? Об **этом** Майзлины—ни слова, об этом они лицемерно молчат. Может быть, решение вопроса о сползании принадлежит тем или иным «свободным художникам» от оппозиции? Может быть, Шляпников и Медведев, «сползающие» к Уркартам, имеют здесь «веское» слово? Или, быть может, сам «Майзлин», «пролетарскую линию» которого мы только-что видели, в праве решить этот вопрос? Может быть, заграничный ренегат от коммунизма, профессор Корш? Может быть, наконец, «Соц. Вестник», который на «майзлинские» темы тоже ведь не прочь распространяться? Где же партия, где ее верховные органы, где **партийные с'езды**, конференции, где ленинский **Центральный Комитет**? Таких «категорий» нет «в постановке вопроса» «Майзлина». Это для Майзлина «пустая формалистика». «Майзлин» и его друзья предпочитают «решать» центральные вопросы нашей партии **за спиной** партии и ее руководящих учреждений, на своих фракционных собраниях. Тем самым они ведут преступную политику раскола. Только на этом пути они здорово прогадают. Вся партия, как один человек, дает раскольникам решительный отпор и ленинизм от «майзлинизма» отличить сумеет...

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

МАКАРОВ, Н. П.—«Организация сельского хозяйства». Изд. «Экономическая Жизнь», Москва, 1926 г., стр. 565, цена 5 р.

Реорганизация сельского хозяйства—актуальнейшая проблема дня. В пособиях по организации хозяйства ощущается острая потребность. Особенная нужда ощущается в полной научно-популярной книге по этому предмету.

Работа проф. Н. П. Макарова стремится заполнить этот пробел. Преимущества ее перед аналогичными работами—сравнительно простое изложение понятий и знаний по организации с. х-ва, умелое построение курса предмета, насыщенность книги новейшими данными по организации хозяйства С.-А. С. Ш. и европейских стран и пр.

Но если с точки зрения популяризации знаний по организации сельского хозяйства книга проф. Макарова приемлема, то те теоретические идеи «организацонно-производственной школы», которые пронизывают стержнем весь курс, должны получить с точки зрения марксистской критики отрицательную оценку.

Наибольший интерес в этом случае представляют первые две главы книги: в них концентрируется концепция проф. Макарова и устанавливаются методологические отправные точки для остальных глав.

«...Целый ряд положений, излагаемых здесь (I и II гл. *А. С.*), представляет собой выводы из того, что в последующих главах излагается подробнее и на более конкретном материале. Поэтому лицам, изучающим вопросы организации сельского хозяйства, мы рекомендовали бы еще раз вернуться ко второй и первой главам после прочтения гл. XII» [1]).

Следовательно, мы не погрешим, если центр тяжести своих замечаний, направленных против теоретических положений и выводов проф. Н. П. Макарова, перенесем на первые две главы.

Проблему организации сельского хозяйства, равно как и проблему организации промышленности, следует рассматривать в причинной связи и зависимости как от основных звеньев хозяйства, так и всех второстепенных его слагаемых. С другой стороны, также надо иметь в виду влияние естественных, экономических и социальных факторов на структуру сельского хозяйства. Только в этом аспекте анализ проблемы организации хозяйства подводит нас к всестороннему охвату ее и позволяет вскрыть истинную природу самого сельского хозяйства. Вместе с тем удается правдоподобнее выявить структуру социально-экономических типов хозяйства и установить процессы в них происходящие. Поэтому исключительный интерес представляет трактовка Н. П. Макаровым вопроса о том, как увязать организацию хозяйства с социальными типами хозяйства.

К факторам, определяющим организацию хозяйства, Н. П. Макаров относит систему хозяйства, направление хозяйства и размер хозяйства (крупность его), который в свою очередь определяется земельной площадью при экстенсивной системе, суммой вложенного капитала или труда на хозяйство—при интенсивной системе хозяйства [2]).

Размер же хозяйства стоит в прямой зависимости от социального типа хозяйства: «Между размером хозяйства и социально-экономическими типами его существует определенное соотношение» [3]).

---

[1]) Стр. 68.
[2]) См. критику этих положений в предисловии издательства.
[3]) Стр. 22.

Затем следует социальная характеристика типов хозяйства:

1. «Мелкое трудовое хозяйство (т. наз. полупролетарское, бедняцкое хозяйство, карликовое или парцеллярное)».

2. «Трудовое хозяйство (так наз. середняцкое, мелкобуржуазное)».

3. «Капиталистически-трудовое (так наз. мелкобуржуазное, кулацкое, полутрудовое)».

4. «Капиталистическое».

5. «Крупное капиталистическое хозяйство или полулатифундиальное».

Другими словами, данную Н. П. Макаровым об'ективную характеристику перечисленным выше типам хозяйства, т.-е. бедняцкие—эксплоатируемые, середняцкие—неэксплоатируемые и неэксплоатирующие, кулацкие—эксплоатирующие и т. д., можно признать почти удовлетворительной. Но... «...Об'ективной характеристике социальных типов хозяйства соответствует суб'ективная их характеристика, которую необходимо иметь в виду, чтобы понимать задачи и цели организации хозяйства в зависимости от социального типа хозяйства... всякое хозяйство ведется из-за дохода, и всякий хозяин стремится получить возможно больший доход с возможно меньшими затратами[1])... Но в каждом социальном типе хозяйства существует своя оценка затрат и своя оценка дохода» (курсив везде автора. *А. С.*)[2]).

Превосходно. Если, в самом деле, в связи с организацией хозяйства к присущей каждому социальному типу хозяйства об'ективной характеристике необходимо добавить метод суб'ективной оценки, то в этом кардинальнейшем вопросе важно знать масштаб и силу последней оценки.

«Трудовое хозяйство,—пишет проф. Макаров по этому поводу,—в составе своих расходов имеет затрату своего труда. Этот труд обычно не подвергается рыночной предварительной оценке... Такой хозяин может измерить полученный остаток с затраченным трудом на получение этого чистого остатка.

Хозяин оценивает полученный чистый остаток с точки зрения всей суммы имеющихся у него потребностей. С другой стороны, он оценивает свое трудовое напряжение».

И несколько дальше:

«Он (хозяин. *А. С.*) контролирует хотя бы бессознательно степень напраления трудовых сил степенью удовлетворения его потребностей. Такое трудовое хозяйство определяется (А. В. Чаяновым и Б. Д. Бруцкусом) как хозяйство, имеющее своей целью доставить средства к существованию семье хозяина путем выгодного использования рабочих сил семьи и имеющихся в его распоряжении земли и средств производства. Поэтому такое хозяйство называется потребительно-трудовым хозяйством (!!) (и в таком хозяйстве. *А. С.*), напряжение трудовых сил регулируется степенью удовлетворения потребностей трудовой семьи» (!) (курсив автора. *А. С.*)[3]).

Слов нет, что суб'ективные соображения хозяина при организации хозяйства играют некоторую роль, и эти суб'ективные манипуляции, несомненно, будут различны в неодинаковых социальных типах хозяйства. Но все это второстепенное и третьестепенное.

---

1) „Доход" в бедняцком хозяйстве без кавычек — бессмыслица. Его „доход" нередко спускается до и ниже физического минимума заработной платы. (Ср. Маркс, т. III, ч. 2, стр. 342—343).

2) Стр. 23.

3) Стр. 24.

А вот когда Н. П. Макаров теоретически утверждает, что суб'ективные оценки затрат хозяина, отображающие собой экономические процессы индивидуального хозяйства, есть прямое следствие потребностей трудовой семьи, другими словами, «экономические функции» «трудового хозяйства» обусловлены «физиологическими импульсами» последней—так это неверно. Ведь кажется так очевидно, что экономические категории имеют свои собственные законы управления, не имеют и не могут иметь абсолютно никакого отношения к физиологическим потребностям и суб'ективно-психологическим мотивам. Поэтому невозможно найти и установить рациональную зависимость между потреблением семьи и динамикой хозяйства в товарном обществе[1]).

Однако, для проф. Макарова вполне достаточно положить в основу жизни «трудового» хозяйства «физиологическое потребление» семьи, признав это движущим и регулирующим экономику хозяйства рычагом, чтобы затем воздвигнуть ложную теорию «потребительно-трудового» хозяйства, противоречащую смыслу вещей и фактам действительности.

Потом, вооружившись «суб'ективно-психологическим» методом, автор с неослабевающей логикой анализирует элементы хозяйства, устанавливая их взаимодействующую соподчиненность.

И труд из активной движущей силы хозяйства и основного мерила стоимости продукта превращается у него в технический придаток к средствам производства (к с.-х. орудиям, удобрениям).

Исповедывать подобную точку зрения в исследовании проблемы «организации хозяйства» проф. Н. П. Макарову приходится в силу той логически-развернутой цепи выводов, которые теоретически питаются из источника «суб'ективно-психологической» концепции. И немудрено, что в результате анализа выдвинутые автором социально-экономические типы хозяйства остались неправильно понятыми, и все «потребительно-трудовые» хозяйства (середняцкие), собственно основная масса крестьянских хозяйств, представлены в ложном свете.

Проф. Макаров загипнотизирован суб'ективно-психологической концепцией и не замечает совсем «немногого», что суб'ективные критерии оценки хозяйства при организации ограничены, и сфера действия этих мотивов протекает в пределах индивидуального хозяйства, отражая своим психологическим настроением колебания и изменения кривой экономики хозяйства, которое в свою очередь подчинено экономическим категориям: рынку, конкуренции и т. д.

Экономические тенденции индивидуального хозяйства парализуются об'ективным миром вещей, в соответствии с этим получают удары и суб'ективно-психологические соображения и физиологические побуждения.

Проф. Н. П. Макаров не видит экономических взаимоотношений индивидуального хозяйства с массой аналогичных ему хозяйств, не замечает вынужденного подчинения через рынок первого последним. Благодаря этому в его глазах оправдывается «потребительно-трудовая» теория, которая самосильно доказывает, что психологию хозяйствующего суб'екта определяет «физиология его семьи», т.-е. желудки членов семьи есть тот «стержень», вокруг которого вращается вся жизнь «трудового хозяйства». На самом же деле определенное количество труда, затраченное в отдельном хозяйстве, овеществившись в продукте труда, получает об'ективное мерило в общественном труде на рынке и через рынок. Только чисто натуральное хозяйство избегает этого общественного мерила. Втянутые же на 20—25% в рыночные отношения хозяйства

---

1) В статье всюду предполагаются условия товарного производства в сельском хозяйстве.

(фактически крестьянское хозяйство за некоторым исключением захвачено рынком от 30 до 75%) уже подчиняются общим законам экономики.

Усвоенный взгляд на вещи принудил проф. Макарова отказаться от приблизительно правильного понимания им социальных типов хозяйства, первоначально им принятого, ибо последовательное развитие вскользь брошенных мыслей—при характеристике социальных типов хозяйства—должно было бы привести его к марксистскому пониманию сельского хозяйства и социальных типов, в него включенных. Это противоречило бы мировоззрению проф. Н. П. Макарова.

Социальные типы хозяйства в дальнейшем рисуются автору чуть ли не абсолютно замкнутыми, не испытывающими толчков рынка, ударов проникающего в сельское хозяйство капитала; в них не существует социальных трений, постоянной борьбы и глубокого антагонизма, развивающихся на фоне экономической динамики сельского хозяйства и имеющих результатом непрерывное расслоение крестьянского хозяйства.

Одним словом, проф. Макаров не знает или не признает законов диалектики в сельском хозяйстве.

Но проф. Макаров не прочь поговорить о предпринимательских тенденциях потребительно-трудового хозяйства:

«Под влиянием повышенной выгодности затрат труда или усиленного устремления к добавочному доходу трудовые хозяйства выходят из-под власти (!) потребительского расчета (!) в своей организации и управляются приобретательским (!!) мотивом... это бывает доступно уже более крупным трудовым хозяйствам(!!)» [1].

С одной стороны, «нельзя не признать», с другой—«нельзя признать», что трудовое хозяйство руководствуется приобретательским мотивом. Обратной стороны автор вообще не предполагает—выталкивание «трудовых» хозяйств в бедняцкую группу. Но допущенная Н. П. аномалия является исключительной. «Если хозяйство не велико (подразумевается—середняцкое. *А. С.*), то оно сохраняется, как потребительское» [2].

«Эти хозяйства,—пишет проф. Макаров о бедняцких хозяйствах,—знают рыночную оценку своим рабочим силам при заработках на стороне, но неудовлетворенные потребности... заставляют затрачивать свой труд на такие отрасли и в таких формах, которые низко оплачивают труд... Для таких хозяйств, главным образом, является не вопрос высоты оплаты труда, а вопрос удовлетворения неудовлетворенных еще потребностей» [3].

Сказанное отчасти верно, кроме основного вывода. Мыслимо ли нерациональные затраты труда и другие элементы в хозяйстве в заведомо убыточной с.-х. отрасли ставить в зависимость от «неудовлетворенных потребностей» семьи. Сыт или голоден крестьянин-бедняк, не это определяет методы организации его хозяйства. Методы организации его хозяйства, как и середняцкого и кулацкого, определяются экономическими законами товарного хозяйства, отличие состоит только в том, что бедняцкое хозяйство лишено необходимейших средств производства и материальных средств своего существования, благодаря чему бедняк в организации своего хозяйства постоянно экономически зависим от кулака.

Установив теоретически физиономию социально-экономических типов, проф. Макаров переходит к анализу производственных функций, которые вменяются ходом эволюции сельского хозяйства каждому из них:

«Каждый социальный тип хозяйства имеет свою хозяйственную психологию, свой хозяйственный мотив, а, следовательно, и свой принцип организации хозяйства. *Разные системы и направления сельского хозяйства далеко неодинаково уживаются с различными размерами и социальными типами хозяйства*». «Затраты труда и капитала, равно как и чистый доход, рассматриваются и оцениваются по-разному в каждом социальном типе хозяйства. Это еще раз ведет к различию в системах и направлениях хозяйства, в различных социальных типах хозяйства» [1] (курсив автора. *А. С.*).

---

1) Стр. 24.
2) Стр. 25.
3) Там же.

В качестве иллюстрации проф. Макаров дает обзор типов сельского хозяйства, начиная с скотоводческого хозяйства диких и малокультурных народов Африки, Америки, Азии, кончая высококультурными хозяйствами Западной Европы и С.-А. С. Ш.

Экономическая структура и социальная природа капиталистического хозяйства, разумеется, глубоко отлична от бедняцкого хозяйства. В соответствии с этим хозяйственная психология и хозяйственные мотивировки, а с ними и методы организации хозяйства принципиально различны в этих двух социальных типах хозяйства. В то время как первое хозяйство, авансируя капитал на средства производства и рабочую силу, стремится насколько возможно рациональнее использовать свой капитал, приспособляясь к естественно-исторической среде и рыночным условиям,—второе, не имея свободного гроша и подавленное экономическим превосходством окружающих его социальных типов хозяйства, при отсутствии средств производства, вынуждено сознательно продавать лучшие рабочие руки, обрекая семью на полуголодное существование.

Безусловно неоспорим и тот факт, что социальный тип предпринимательских хозяйств стоит ближе к той системе сельского хозяйства (интенсивный или экстенсивный—смотря где: в Америке или Германии), которая обеспечивает приложенному к с. х. капиталу наивысший доход.

Но отсюда больше чем рискованно делать выводы, будто бы производительные функции каждого социально-экономического типа хозяйства предрешены ходом развития сельского хозяйства; будто бы существует чуть ли не естественное распределение производственных ролей между социальными типами хозяйства, при чем каждый из них, идя своим направлением, связан с определенной системой хозяйства. Например, разведение сахарной свеклы и картофеля для винокурения, выработка крахмала, с утилизацией заводских отбросов продуктивным животноводством, связаны с капиталистическими типами хозяйства; птицеводство, свиноводство (Дания), садоводство, огородничество, сбыт молока, цыплят—«с потребительно-трудовым».

Как видно, проф. Макаров лишний раз пытается «выделить» и «оградить» трудовое хозяйство в том смысле, что, мол, можно отыскать побольше десятка систем сельского хозяйства, рационализация и интенсификация которых *мыслима* лишь в условиях «потребительного» хозяйства, потому что крупное хозяйство (капиталистическое, колхоз, совхоз—безразлично, какое крупное) при этой системе невыгодно, убыточно, непрогрессивно.

Во-первых, методологически неверно брать для иллюстрации в пространстве размещенные социальные типы хозяйства, игнорируя при этом время (исторический период) эволюции с. х. и условия, под влиянием которых слагалась и эволюционировала данная система хозяйства.

Во-вторых, нет и одной системы хозяйства, которую можно было бы отнести к чисто капиталистическому, полукапиталистическому, трудовому или бедняцкому социальным типам.

---

1) Стр. 27—28.

Та же самая картофельная система сельского хозяйства широко распространена во всех социальных типах в РСФСР и в особенности в БССР, и в Польше, Германии, Франции и в Бельгии.

Так обстоит с культивированием сахарной свеклы (Бельгия, Германия, Россия, Франция. Этого не оспаривает и проф. Макаров), с продуктивно-мясо-молочной системой сел. х-ва, садоводством и проч. [1]).

Что касается производства какао, чая, табака в Индии (на острове Цейлоне), которое идет чисто капиталистическим путем, ибо мелкое производство туземных племен похоронено, так это не противоречит, а оправдывает марксистскую постановку вопроса, в том смысле, что, проникая в сельское хозяйство, капитал вытесняет мелкое крестьянское хозяйство, с чем несогласна «организационно-производственная школа».

Размеры рецензии не позволяют нам более детально рассмотреть ряд интереснейших, имеющих актуальное значение для с.-х. экономии, теоретических вопросов, которых касается проф. Макаров.

«Подчиняя себе природу, труд человека играет все большую роль в производственном процессе»,—пишет он.

«...Но не меньшую роль в процессе организации хозяйства играет и применение средств производства—капитала».

Признав сначала труд чуть ли не главнейшей причиной в производственном процессе, проф. Макаров на той же странице отождествляет его роль с капиталом и природой: «Капиталом может замениться живой человеческий труд или восполняться деятельность природы... таким образом, факторы (капитал, труд, природа. *А. С.*) могут быть взаимно заменяемы или восполняемы» [2]).

Отождествлять *труд, капитал и природу*, как *равносильные* факторы в хозяйстве, методологически не допустимо, теоретически—глубоко ошибочно. Маркс зло издевался над вульгарной экономией за отождествление труда, капитала и земли:

«Взаимное отношение между ними (трудом, капиталом и землей. *А. С.*) приблизительно таково, как, напр., между нотариальными пошлинами, красной свекловицей и музыкой» [3]).

Ленин, разоблачая «марксизм» Булгакова, безжалостно высмеивал этого ревизиониста за попытку отождествить указанные факторы [4]).

Проф. Макаров ни одним словом не обмолвился, что факторы эти не идентичны. По существу здесь следовало бы ожидать от него должного анализа этих действительно важных проблем для с.-х. экономии, поскольку они им были затронуты. Автор, однако, не только прошел мимо анализа этих категорий, но и не дал даже их четкой формулировки.

Употребляя понятие капитала в техническом смысле, проф. Макаров не обронил ни одного звука, что капитал надо рассматривать, как историческую категорию, как результат общественных отношений.

Поэтому совершенно неясно, что во всех ли социальных типах хозяйства средства производства (с.-х. орудия, удобрения и проч.) выступают в форме капитала. Или это упущение, ложное понимание капитала...

Но какими бы соображениями ни руководствовался проф. Макаров, рассматривая экономические категории в сельском хозяйстве, приходится, однако, констатировать, что труд во всех случаях фигурирует у него

[1]) Речь может итти о большей или меньшей концентрации капитала в различных отраслях и системах сельского хозяйства, а не «естественных» законах, не допускающих внедрения капитала (укрупнение хозяйства) в некоторые системы хозяйства.

[2]) Стр. 5—6.

[3]) Т. III, ч. 2, стр. 351.

[4]) Ср. т. IX, стр. 48—49.

под одной рубрикой с природой и капиталом. Именно это положение не выдерживает критики.

Теперь несколько слов о «пресловутом законе» падающей производительности последующих затрат.

Проф. Макаров как будто отвергает этот закон, как экономическое народнохозяйственное явление: «Строго говоря,—пишет он,—увеличение или уменьшение фактора или элемента хозяйства без одновременного изменения техники—или крайне редкое явление в области организации хозяйства, или не существует в реальной жизни, или выдумано сторонниками «закона падающей производительности».

Однако, закон падающей производительности автору служит основным методом в организации индивидуального хозяйства, и проблему организации отдельного хозяйства он рассматривает под углом зрения этого «маленького законника». Для марксистов неприемлем закон падающей производительности и в подобной «смягченной» формулировке, ибо для трезвого, марксистско-диалектического понимания и анализа проблемы организации сельского хозяйства он не представляет абсолютно никакой научной ценности; его необходимо отвергнуть.

В заключение необходимо остановиться на проблеме интенсивности в сельском хозяйстве. Интенсивность или уровень интенсивности в сельском хозяйстве служит главнейшим признаком при классификации типов хозяйства; кладя в основу классификации типов хозяйства интенсивность, мы тем самым определяем грань и различия между структурами изучаемых типов, улавливаем особенности каждого.

Надо, однако, отметить, что марксистская методология, приемля указанный признак при классификации типов хозяйства—в отличие от взглядов буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков—рассматривает организацию хозяйства через призму классовых отношений и социальных связей.

Как же определить уровень интенсивности системы хозяйства? «Интенсивность системы хозяйства (х),—читаем в книге проф. Макарова,—может быть выражена дробью, у которой в числителе стоит сумма затрат труда и капитала, а в знаменателе—величина земельной площади (п):

$$х=\frac{т+к}{п}$$

Чем больше затрат труда,—продолжает автор,—тем более *трудоинтенсивна* система хозяйства. Чем более затрат капитала, тем более *капиталоинтенсивна* система хозяйства».

Формула и комментарий к ней неприемлемы. Под интенсивностью надо понимать *капиталонасыщенность*, «*капиталонапряженность*» (как выражается автор в предисловии от издательства) *земли* [1]). Сумма затрат капитала на единицу площади определенного участка земли—единственно правильно может быть представлена (в капиталистическом хозяйстве) при определении интенсивности, лишь в *форме постоянного и переменного капитала*. И интенсивность, таким образом, может быть выражена дробью:

$$i=\frac{к}{н}=\frac{c+v}{н}$$ [2]).

В зависимости от высокого или низкого органического строения капитала интенсивность будет *высокого органического строе-*

[1]) См. стр. 7.

[2]) i—уровень интенсивности данной системы хозяйства;
к—сумма затрат капитала на единицу площади определенного участка земли, которая во второй части уравнения представлена в форме постоянного капитала (с) и переменного (v);
н—подвергнутая обработке площадь земли.

ния или низкого органического строения, что вполне правильно подмечено в предисловии издательства[1]).

Это совсем другое, о чем пишет проф. Н. П. Макаров. Его формула и определения: «трудоинтенсивности» и «капиталоинтенсивности» совсем не выражают интенсивности, ибо при сравнительно больших затратах труда в хозяйстве, чем других элементов, нет оснований утверждать, что данная система хозяйства интенсивна или, как там проф. Макаров называет, «трудоинтенсивна», а при сравнительно больших затратах капитала—«капиталоинтенсивна».

Такое слишком бесформенное определение интенсивности неверно; оно покоится на ложном понимании труда и капитала как общественно-экономических категорий, на отождествлении этих различных понятий.

Таким образом, появление книги проф. Н. П. Макарова не может заменить собою нужный марксистский учебник по организации хозяйства. Этим, однако, не сказано, что рецензируемая книга в силу этого не может быть рекомендованной читателю. Наоборот, содержательный, интересный и во многих отношениях полезный труд проф. Макарова при вдумчивом, критическом отношении к его теоретическим выводам послужит ценным и нужным пособием.

А. Сивогривов.

---

1) Во всех тех случаях, в коих приходится прибегать к понятию «органического строения» капитала, как, напр., в данном—при измерении интенсивности систем хозяйства, необходимо вкладывать марксово содержание в это понятие, которое состоит в следующем: состав капитала по стоимости—отношение постоянного капитала (c) с переменным капиталом (v)—определяется техническим его составом, т.-е. отношением определенной массы средств производства к массе рабочей силы—«живому труду»—как выражается Маркс.

Проблему органического строения немыслимо рассматривать в сноске статьи. Здесь можно ограничиться замечанием самого Маркса:

«... В технологическом отношении (капиталы. *А. С.*) составлены одинаково... могут тем не менее оказаться составленными различно вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость... капитал сравнительного низкого органического состава вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей может произвести такое впечатление, как будто он поднялся на одну ступень с капиталом более высокого органического состава». Это замечание Маркса (т. III., ч. 2, стр. 301—302) имеет громадное значение в особенности в тех случаях, когда приходится широко пользоваться понятием органического строения капитала.

Издательство в своем предисловии, критикуя проф. Макарова, вполне правильно поступает, прибегая к методу органического состава, и в то же время совершенно неправильно, скромно умалчивая об этих особенностях органического „строения, о которых неоднократно упоминает Маркс в I и 2 чч. III т. Недоговоренности порою искажают аргументацию Маркса, ведут к превратному пониманию марксистской концепции, тем самым усиливают позиции тех, против которых острие марксистской критики направлено.

Однако, надо признать немалую заслугу автора предисловия именно в том, что он впервые из марксистов применил понятие органического строения к измерению интенсивности сельского хозяйства.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.